ISSN № 0130-7045

В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

4 • 1980

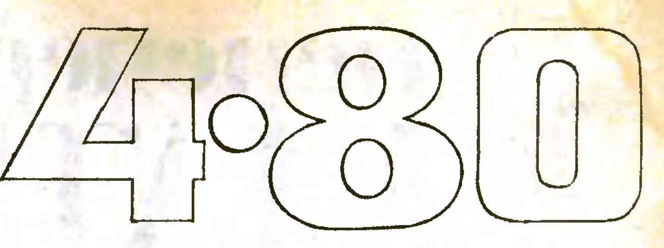

Фото В. Опалина.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

110 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

В апреле этого года советские люди и все прогрессивное человечество отмечают знаменательную дату — 110 лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина. «Титан научной мысли и подлинно народный вождь, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина», — пламенный революционер, создатель Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства».

По ленинским предначертаниям возникла, неуклонно растет и крепнет первая в мире страна социализма — наша Советская Родина, под знаком ленинских идей происходит развитие человечества XX века. И весь ход истории современного мира — убедительное, неопровержимое доказательство правоты и несокрушимой силы ленинизма, этого самого действенного и прогрессивного идейно-теоретического и методологического оружия революционеров всех стран. Среди великого ленинского наследия имеются и основополагающие труды по религии и атеизму, раскрывающие иллюзорную сущность религиозного миропонимания и показывающие революционную созидательную роль марксистского атеизма, основой которого служит диалектико - материалистическое мировоззрение.

В постановлении ЦК КПСС о 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина подчеркивается: «Всемирно-историческим итогом деятельности КПСС и советского народа по воплощению в жизнь ленинских идей явилось построение развитого социалистического общества, в котором все более полно раскрываются созидательные силы нового строя, его подлинно гуманная сущность».

«Подлинно гуманная сущность»! Она ярко видна во всех сегодняшних делах и предначертаниях Коммунистической партии, неуклонно идущей по пути, указанному Лениным, и творчески развивающей его учение в современных условиях. В первую очередь это проявляется в экономической стратегии партии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа. В тесной связи с этим решаются и социальные задачи общества развитого социализма, и программа дальнейшего углубления и развития социалистической демократии.

В своей гигантской работе по строительству нового общества партия, следуя ленинским указаниям, проявляет постоянную заботу о духовном мире человека, формирует его богатый духовный облик, основанный на материалистическом мировоззрении и высокой идейности.

«Партия воспитывает всех членов общества, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина», — в духе марксизма-ленинизма, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, коммунистического отношения к труду и общественной собственности, политической бдительности и непримиримости к буржуазной идеологии». Все это в комплексе по самой сути своей означает также и формирование атеистической убежденности, что подтверждается и содержанием любого из выпусков нашего журнала. В этом — апрельском номере много места уделено ленинскому атеистическому наследию и сегодняшнему осуществлению его идей по воспитанию нового человека.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

НАША ОБЛОЖКА

Вторая страница обложки рассказывает о миниатюрных изданиях произведений В. И. Ленина. Подробнее о таких книгах см. в номере репортаж Н. Пашковой «Миниатюрные книги».

Третья страница обложки посвящена Дню космонавтики, который ежегодно отмечается 12 апреля — в честь первого в истории человечества космического полета гражданина Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина (см. в номере очерк В. Губарева «Человек из будущего»).

Из ленинского идейного наследия

НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ МАТЕРИИ

В. ГОТТ,
доктор философских наук,
профессор

Развивая диалектико-материалистическую философию, В. И. Ленин сформулировал очень важный методологический принцип — принцип неисчерпаемости движущейся материи, свойства которой исследуются наукой в процессе нашего познания. В то время, когда он писал «Материализм и эмпириокритицизм», в научной и научно-популярной литературе было распространено представление о недавно открытом электроне как о простейшем, последнем «кирпичике материи». Ленин выступил против этих метафизических утверждений, отметив, что «электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна...»[1].

Последующее развитие науки принесло новые подтверждения истинности этого методологического принципа. Развитие знания в глубь микро-, макро- и мегамиров постоянно ведет к открытию новых структурных элементов и связей между ними, вызывает необходимость создания новых научных понятий для их выражения.

Сегодня в науке существуют по меньшей мере два не исключающие один другого понимания сущности неисчерпаемости материи: неисчерпаемость, бесконечность материи рассматриваются как беспредельность ее делимости. Кроме того, объекты материи, вступая в разнообразные взаимодействия, выявляют все новые свои свойства. Поскольку число взаимодействующих объектов — величина, стремящаяся к бесконечности (а каждый из них в свою очередь обладает неограниченными возможностями изменения), то свойства всех вместе и каждого в отдельности объектов окружающего мира неисчерпаемы. По существу, вторая точка зрения включает в себя первую как частный случай.

В. И. Ленин писал: «Отношения каждой вещи (явления etc.) не только многоразличны, но всеобщи, универсальны»[2].

Универсальное взаимодействие всех разнообразных видов и состояний материи, их взаимная обусловленность и взаимопревращаемость — основа множественности связей между ними. Биологические связи, функциональные зависимости, гравитационные, электромагнитные, слабые, сильные и другие еще неизвестные виды физических взаимодействий, связи между отдельным и общим, случайным и необходимым и т. д. — основа многообразия и неисчерпаемости различных уровней и структур движущейся материи.

Неисчерпаемость движущейся материи, как известно, рассматривается философами также в двух аспектах: онтологическом и гносеологическом. Первый из них состоит в том, что неисчерпаемость, бесконечность материального Мира, его структурных элементов и их взаимодействий принадлежат самому этому Миру, существуют независимо от познающего субъекта. Второй — теоретико-познавательный аспект принципа неисчерпаемости заключается в признании бесконечности процесса познания, движения к абсолютной истине через познание относительных истин, обусловленных уровнем развития науки и общественно-исторической практики. Это два аспекта единого понятия.

При рассмотрении единого целого всегда возможно выделение различных, отдельных аспектов этого целого. Так, анализ ленинского определения материи: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»[3] — показывает, что такое выделение представляет собой в то же время и единство онтологического и гносеологического аспектов. Отсюда следует, что и принцип неисчерпаемости материи надо рассматривать только в единстве онтологического и гносеологического.

Принцип неисчерпаемости материи связан с понятием бесконечности, вокруг которого идут непрекращающиеся споры, высказываются различные точки зрения. Одни философы считают его философской категорией, другие — математическим понятием. Если исходить из отправных положений диалектического материализма, то есть все основания утверждать: понятие бесконечности — прежде всего философская категория, содержание которой обогащается за счет философского обобщения достижений естественных наук. Все виды и состояния движущейся материи, как известно, конечны, возникают и исчезают, то есть превращаются из одних форм в другие, существуют то как одна, то как другая форма материи. Однако сама движущаяся материя вечна, несотворима, неуничтожима, неисчерпаема по своим свойствам.

Из всего этого следует: нельзя признавать диалектический материализм, не признавая неуничтожимость и несотворимость материи. Но ведь признание этого есть одновременно и признание бесконечности ее существования и неисчерпаемости ее свойств. В научных абстракциях бесконечности, которыми оперируют конкретные естественные науки — математика, физика и другие, лишь приблизительно, неполно отражаются отдельные стороны и свойства бесконечного и неисчерпаемого материального Мира. Поэтому нельзя возводить в абсолют какое-нибудь частное научное представление о бесконечности — это будет противоречить самой сущности бесконечного и неисчерпаемого материального Мира. Иными словами, такое возведение в абсолют какого-то частного научного представления о бесконечности противоречит самой сущности познания как бесконечного процесса отображения вечной неисчерпаемой объективной реальности.

Современная наука с каждым днем дает нам все больше и больше новых фактов, результатов экспериментов, наблюдений, практической деятельности человека, которые убедительно свидетельствуют о неисчерпаемости материи. Вспомним, например, об открытиях все новых элементарных частиц, новых свойств у известных уже материальных объектов микро-, макро- и мегамиров. В обобщении и осмыслении этих данных, в создании гипотез и научных теорий огромная роль принадлежит марксистско-ленинской философии и ленинскому положению о неисчерпаемости материи в частности.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 277.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 131.

Советские философы уделяют этому принципу большое внимание, справедливо видят в нем действенное средство не только для диалектико-материалистического обобщения достижений современного естествознания, но и для развития самой философии, обогащения содержания ее категорий, формирования общей научной картины Мира.

На последнем Всемирном философском конгрессе (Дюссельдорф, 1978 г.) в ряде докладов и выступлений философов-марксистов широко использовался диалектико-материалистический принцип неисчерпаемости материального Мира в качестве важной составной части научной методологии познания объективной действительности. Так, например, в совместном докладе астронома В. А. Амбарцумяна и философа В. В. Казютинского речь шла о множественности вселенных, «каждая из которых представляет собой локальную область бесконечно многообразного, неисчерпаемого материального мира». Идея, высказанная в этом докладе, может рассматриваться «как принцип того же рода, что и диаметрально противоположный принцип уникальности Вселенной». Но, доказывают советские ученые, если наша Вселенная — одна из многих, то ее происхождение мало чем отличается от происхождения других звездных систем и скоплений.

Утверждения В. А. Амбарцумяна и В. В. Казютинского направлены против идеалистических и религиозных представлений о Вселенной. На этом конгрессе их защищала, например, мексиканский философ А. Перес де Нуньес, выдвинувшая тезис, что «материалистический подход к пониманию причин и движущих сил эволюции Вселенной «ограничен» и способен объяснить лишь частные случаи эволюции, но не ее общую природу». Де Нуньес утверждала, что эволюция Вселенной происходит благодаря толчку, импульсу от чего-то внешнего по отношению к материальному Миру. Этот импульс якобы может исходить от «высшего существа» или «бога», но тут же оговорилась, что «идею бога вовсе не обязательно трактовать в религиозном смысле» [4].

Вспомним тут, что еще в 1915 году В. И. Ленин предупреждал: «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизичного. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть («вернее» и «кроме того») дорога к поповщине через ОДИН ИЗ ОТТЕНКОВ бесконечно сложного познания (диалектического) человека» [5].

Таким образом, даже отказываясь от религиозного понимания терминов «высшее существо» и «бог», де Нуньес и ее единомышленники вольно или невольно становятся сторонниками креационистских установок. И, по сути, в своих попытках увязать современное состояние научного познания Мира с идеалистическим и даже религиозным его толкованием современные философы-идеалисты совсем недалеко ушли от тех своих предшественников, которых так блестяще раскритиковал В. И. Ленин.

Учение о неисчерпаемости и материальном единстве Мира включает в себя не только неисчерпаемость структуры и свойств материальных объектов, но и неисчерпаемость всех основных форм существования материи: движения, пространства, времени, закономерностей движения материи и т. д. В его фундаменте лежит признание бесконечного качественного многообразия Мира, его различных качественно отличных, но внутренне связанных состояний, образующих в своем многообразии этот единый материальный Мир. Причем его качественное многообразие заключается не только в том, что он имеет бесконечное множество различных состояний и свойств, но и в его бесконечном развитии. Отсюда — два вида неисчерпаемости материи: статический и динамический. Они связаны с покоем и движением, с их диалектическим взаимоотношением.

Бесконечному, неисчерпаемому материальному Миру соответствует и способность человека бесконечно его познавать — переходить от полного незнания к частичному знанию, от неполного знания к более полному и т. д. Так, изучая природу микромира, он своим пытливым взором проник в его сокровенные глубины — в мир молекул, атомов, открыл элементарные частицы...

Еще в далекой древности люди пытались отыскать то общее, присущее всему окружающему их миру, что делает его единым. Это стремление к единству многообразного получило свое воплощение в атомистических догадках Древнего Востока, античной Греции, Рима.

Существенным недостатком таких гениальных догадок об атомном строении материальных объектов было метафизическое представление о них как о бесструктурных, неделимых, себе тождественных элементах материи. Критикуя эти взгляды, В. И. Ленин указывал: «Признание каких-либо неизменных элементов... не есть материализм, а есть метафизический, т. е. антидиалектический материализм» [6].

Только в XVIII веке в работах М. В. Ломоносова, а затем Дальтона атомистика выступила в качестве химической гипотезы, а в конце XIX века (А. М. Бутлеров и Д. И. Менделеев) превратилась в химическую теорию.

Открытие естественного радиоактивного распада тяжелых химических элементов, электронов и рентгеновских лучей, установление зависимости массы движущихся тел от скорости их движения и другие научные открытия конца XIX — начала XX века подорвали метафизические представления об атоме как абсолютно неделимой и неизменной частице вещества. Оказалось, что он имеет свою структуру и состоит из положительно заряженного ядра и отрицательно заряженных электронов. В ходе дальнейших исследований было установлено, что и ядра атомов также имеют свою структуру — они состоят из протонов и нейтронов, объединенных в единое целое благодаря обмену π-мезонами. Развитие физики высоких энергий привело к открытию множества микрочастиц и соответствующих им античастиц. Ныне уже известно несколько сотен таких элементарных частиц и античастиц.

Микро- (элементарные) частицы — это такие качественные своеобразные виды материи, которые взаимодействуют дискретно как единое целое во всех известных сегодня процессах природы. Однако принцип неисчерпаемости позволяет утверждать: «элементарные» частицы в свою очередь тоже должны обладать своей структурой. Это утверждение неизбежно вытекает из реального анализа учеными природных процессов, в которых такие частицы участвуют. В настоящее время науке известно большое количество реакций рассеивания, порождения, превращения, образования одних элементарных частиц из других. Эти опытные данные и дают основание говорить о наличии у них внутренней структуры.

Свыше 70 лет назад В. И. Ленин поставил этот вопрос о структуре «элементарных» частиц в своем тезисе о «неисчерпаемости электрона». И в последние годы физики получили конкретные данные, блестяще подтверждающие это ленинское положение. Структура таких частиц по сути своей — отражение бесконечных внутренних и внешних связей в природе, доказательство вечного движения материи. Ведь любой из этих микрообъектов не только обусловливает те или иные явления природы, но и сам обусловлен ими, следовательно, он неизбежно должен иметь строение, структуру.

[4] См. статью П. Н. Федосеева «Философские и мировоззренческие проблемы современной науки». «Вопросы философии», 1978, № 12, стр. 42—43.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 275—276.

Микромир, как об этом свидетельствуют данные современной физики, представляет собой диалектическое единство частиц и полей, прерывности и непрерывности. Еще Ф. Энгельс указывал на то, что связь прерывности и непрерывности — основная проблема в учении о микрофизическом движении. «Новая атомистика, — писал Ф. Энгельс, — отличается от всех прежних тем, что она (если не говорить об ослах) не утверждает, будто материя только дискретна, а признает, что дискретные части различных ступеней... являются различными узловыми точками, которые обусловливают различные качественные формы существования всеобщей материи вплоть до такой формы, где отсутствует тяжесть...»[7]

Предсказанное марксистской философией диалектическое единство прерывного и непрерывного нашло свое выражение в современных экспериментальных фактах и в дальнейшем развитии теории. Одним из огромных достижений физики и техники второй половины XX века стало создание мощных технических средств (ускорители, ЭВМ и т. п.), обеспечивающих возможность исследовать сложнейшие превращения микрочастиц и процессы изменений форм материи — вплоть до такой формы, где отсутствует тяжесть, вплоть до фотонов и нейтрино, не имеющих массы покоя.

Любая форма материи, открываемая наукой в процессе бесконечного познания природы, обладает большим многообразием свойств, которые находятся в зависимости от структуры самих материальных объектов и от бесконечного числа связей между ними. Марксистско-ленинская философия указывает на то, что всякое явление, всякое тело имеет свою сущность, проявляющуюся во взаимоотношениях, взаимодействиях объектов. Значит, и всякий микрообъект, являясь существующим материальным объектом, тоже имеет сущность.

Таков общий вывод, вытекающий из философского обобщения. А что касается конкретных естественнонаучных данных, то здесь следует сказать: эта сущность у микрочастиц сегодня еще в значительной мере не раскрыта, не познана. Однако физика располагает уже многими фактами, свидетельствующими о наличии сложной структуры микрочастиц, о том, что у них имеются внутренние связи и взаимодействия между составляющими данный микрообъект элементами материи, и проявляются они в его разнообразных свойствах. В изучении этих свойств важнейшую роль играют также исследования внешних связей, то есть взаимодействие микрообъекта с другими. И если внутренние связи определяют его структуру, то она проявляется и во внешних его связях.

Но между внутренними и внешними связями, как и между сущностью и явлением нет жесткой непроходимой стены. Например, пусть для некоторой системы характерны конкретные внутренние связи, определяющие ее структуру. Исследуя эту систему, мы можем обнаружить, что для составляющих ее материальных частей такие связи — внешние. И в то же время эти внешние для составляющих систему частей связи являются внутренними для самой системы. Таким образом, разделение связей на внешние и внутренние носит относительный характер. И тем не менее оно позволяет выделить качественные характеристики, определяющие данный предмет.

Таковы общие методологические предпосылки, которые играют значительную роль в создании теории элементарных частиц, в попытке их классификации, в построении своеобразной их «таблицы Менделеева», в организации целенаправленного поиска других микрообъектов, открытия новых свойств у давно известных частиц и полей.

Изучение микромира расширило наши знания о структурных компонентах материального Мира и о видах их взаимодействий. (В физике взаимодействием называют взаимодействие тел или частиц друг с другом, приводящее к изменению их движения или состояния.) Так к хорошо известным в макромире гравитационному и электромагнитному добавились сильные и слабые взаимодействия, характерные для микромира. Ученые прилагают усилия к построению модели всех этих взаимодействий, стремятся создать единую теорию взаимодействий. Недавно слабые и электромагнитные взаимодействия удалось объединить в единую теорию. Получены также обнадеживающие результаты в попытках объединения электромагнитных, слабых и сильных взаимодействий. Однако по-прежнему вне этого единства находится гравитация, хотя подходы к решению этой проблемы (созданию единой теории поля) уже просматриваются.

Известно, что электромагнитное взаимодействие осуществляется обменом фотонами (квантами электромагнитного поля). Пока остается открытым вопрос о частице, переносящей гравитационное взаимодействие. Хотя она давно уже получила название — гравитон, но сама эта частица экспериментально еще не обнаружена. Сильные взаимодействия (взаимодействия, отвечающие за связь частиц в атомных ядрах) переносятся π-мезонами (они открыты, и их характеристики изучены). Радиус действия сильного взаимодействия равен размерам частиц атомного ядра. Слабые взаимодействия, отвечающие за распад элементарных частиц, обладают чрезвычайно коротким радиусом действия, он на два порядка меньше, чем у сильного взаимодействия. Переносить слабое взаимодействие должны так называемые W-частицы, обладающие большой (по масштабам микромира) массой.

В течение последних десятилетий в физике сложилось представление о том, что такие частицы, как адроны (сюда входят барионы — протоны и нейтроны, а также различные мезоны), взаимодействующие посредством сильных взаимодействий, состоят из пока непосредственно экспериментально не обнаруженных частиц, получивших название кварков. Еще в 1964 году физики предложили модель, согласно которой адроны состоят из трех кварков—частиц с дробными электрическими зарядами. В современном варианте кварковой модели уже насчитывается 12 видов кварков. Опыты по рассеянию электронов и нейтрино высоких энергий на протонах и нейтронах показали наличие кварков внутри адронов, но сами эти частицы в свободном состоянии не открыты.

В настоящее время в науке нет еще единой теории элементарных частиц. Ученые работают над ней, и ее создание, безусловно, приведет к серьезному пересмотру ряда современных представлений и понятий в естествознании. Эту задачу решают физики при участии философов, оказывающих помощь в применении научной методологии в ходе создания новой теории, а также при мировоззренческой интерпретации получаемых результатов.

Мы рассказали здесь только о некоторых фактах из области физики и философии микромира, но даже они, на наш взгляд, убедительно подтверждают правильность, незыблемость и эвристическую значимость ленинского принципа неисчерпаемости единого материального Мира.

Неисчерпаемость Мира необходимо рассматривать вместе с вопросом о его материальном единстве. И здесь нельзя ограничиваться только исследованием структуры и свойств материальных объектов, нужно изучать также неисчерпаемость всех атрибутов материи, всех связей и взаимодействий материальных объектов и явлений. Это в свою очередь будет бесконечно расширять и углублять наши знания.

Как видим, ленинский принцип неисчерпаемости материи и форм ее существования — важнейшая философская основа для воссоздания с помощью научных понятий правильной материалистической картины Мира, в которой не остается места для идеализма и религиозных доктрин.

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т 20, стр. 608—609.

А. ИВАНОВ,
кандидат
философских наук

„С самых различных сторон...”

Ленинские принципы атеистической пропаганды в документах партии

ВНИМАТЕЛЬНОЕ изучение ленинских характеристик существа атеистической пропаганды, методов и форм ее организации показывает, что все они обусловлены тремя органически связанными между собой исходными положениями: во-первых, тем, что атеизм составляет важнейший элемент марксистской философии и научного материалистического мировоззрения; во-вторых, тем, что пропаганда атеизма — одно из направлений многогранной идейной работы партии и государственных идеологических учреждений; в-третьих, тем, что она входит одним из составных элементов в марксистское понятие свободы совести. Эти исходные положения и вытекающие из них характеристики атеистической пропаганды проходят красной нитью через все работы В. И. Ленина, в которых в какой-либо мере затрагиваются вопросы религии и атеизма. После Октябрьской революции они нашли свое воплощение и развитие в решениях партии и в различных государственных юридических актах.

О том, как эти ленинские положения юридически оформлялись в конституциях нашей страны, в законодательстве о религиозных культах, рассказывалось в статьях, публиковавшихся в 1979 году под рубрикой «Социалистическая демократия в действии». Большое значение имеет и анализ того, как Коммунистическая партия, руководствуясь этими положениями, после Октябрьской революции развивала ленинские принципы и осуществляла их на практике. Рассмотрим этот вопрос на примере разностороннего подхода к атеистической пропаганде, ибо затронуть другие в одной статье не представляется возможным.

В своей деятельности по руководству атеистической работой Коммунистическая партия неизменно следует принципу широкого и разностороннего подхода к атеистической пропаганде. Наиболее объемно Ленин сформулировал этот принцип в статье «О значении воинствующего материализма»: «...Массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.»[1].

Этот ленинский принцип раскрывается и развивается во всех решениях и других документах партии, где затрагиваются вопросы религии и атеизма. В принятой VIII съездом РКП(б) Программе (март 1919 г.) было записано, что партия не удовлетворяется отделением церкви от государства и школы от церкви, а стремится к фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков. В качестве условий освобождения трудящихся от религиозных иллюзий здесь назывались осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс и организация широкой научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды.

В резолюции X съезда партии (март 1921 г.) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» говорилось, что «одной из существенных задач Главполитпросвета является широкая постановка, руководство и содействие в деле антирелигиозной агитации и пропаганды среди широких масс трудящихся». Рекомендовалось сделать доступными самым широким массам естественно-исторические знания, организовав издание журналов, книг, учебников, чтение систематических циклов лекций и используя для распространения этих знаний все способы современной техники (фото, кино и т. д.).

Если суммировать приведенные выше положения из Программы партии и резолюции X съезда, то можно сделать вывод, что для преодоления религиозных пережитков предлагался разнообразный и разнохарактерный комплекс мер, связанных с практикой социалистического строительства (планомерное и сознательное вовлечение трудящихся масс в общественную и хозяйственную деятельность), с совершенствованием тематической и содержательной сторон пропаганды атеизма (распространение научно-просветительных, антирелигиозных и естественно-исторических знаний) и с совершенствованием ее форм (организации циклов лекций, издание книг, журналов учебников, использование технических средств). Непосредственно антирелигиозная работа, которая должна была проводиться как в форме пропаганды, так и в форме агитации, выступает в этом комплексе лишь как одна из его частей.

В связи с этим нужно заметить, что В. И. Ленин в своих трудах не употребляет выражения «антирелигиозная пропаганда». Он говорит о необходимости борьбы с религией, об освобождении масс от гнета религии, о пропаганде атеизма, об атеистической пропаганде и т. д. В документах же партии понятия «антирелигиозная пропаганда», «антирелигиозная пропаганда и агитация», по нашему мнению, употребляются в двух планах: в широком, когда под ними понимается вся атеистическая работа (и естественнонаучная, и культурно-просветительная и др.), и в узком, когда в эти понятия включается чисто антирелигиозная проблематика. Сейчас мы рассматриваем именно широкий план антирелигиозной работы.

Дальнейшее развитие этот ленинский принцип получил на Пленуме ЦК РКП(б) (1921 г.), который принял специальное постановление по вопросу о нарушениях пункта 13 Программы и о постановке антирелигиозной пропаганды.

Прежде всего нужно отметить, что Пленум в своем решении указал на необходимость дать всем партийным организациям и всем органам печати директивы согласовывать политику в данном вопросе со всей экономической политикой. Здесь имелись в виду два важнейших момента: политический — согласовывать проведение антирелигиозной пропаганды и агитации с восстановлением действительного соглашения между пролетариатом и мелкобуржуазными массами крестьянства, еще проникнутыми религиозными предрассудками; и экономический — связывать антирелигиозную пропаганду и агитацию с переустройством всего быта и техники, экономических условий хозяйства, с электрификацией, с введением лучшей системы севооборота, улучшением почвы и другими мероприятиями, облегчающими тяжелый труд рабочего и крестьянина.

Пленум рекомендовал также проводить серьезную научную, культурно-просветительную работу. Перед ней ставились две задачи: более узкая — подведение естественнонаучного фундамента под историческое освещение проблем религии и более широкая — поставить на место религиозного миропонимания стройную научную систему, обнимающую и объясняющую все вопросы, ответы на которые до сих пор крестьянская и рабочая масса искала в религии. От всех членов партии, способных вести культурно-просветительную работу, Пленум требовал активного в ней участия.

Решением Пленума намечалась обширная программа по изданию научно-популярных книг и брошюр, а также по освещению этих вопросов в периодической печати. Главное внимание обращалось на расширение тематики выступлений, на углубленный подход к освещению различных вопросов, на необходимость популярности их изложения, с тем чтобы помочь менее развитым рабочим и крестьянам выработать новое отношение к вопросам религии и морали.

Из довоенных партийных документов сошлемся еще на резолюции XII съезда (апрель 1923 г.) «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» и XIII съезда (май 1924 г.) «О работе в деревне». Эта последняя содержала специальный пункт по организации антирелигиозной пропаганды. Большое внимание в этих резолюциях обращалось на необходимость поставить на место отживающих религиозных представлений научные взгляды на природу и человеческое общество, давать ясные ответы на вопросы о происхождении Мира, жизни и сущности человеческих отношений. «Антирелигиозная пропаганда в

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 26.

деревне, — записано, например, в резолюции XIII съезда РКП(б), — должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни, с которыми сталкивается крестьянин. Разъяснение происхождения града, дождя, грозы, засухи, появления вредителей, свойств почвы, действия удобрения и т. п. является наилучшим видом антирелигиозной пропаганды».

Подчеркивалась также важность в этом деле ликвидации неграмотности трудящихся, необходимость их политического просвещения в сети политико-просветительных учреждений и издания соответствующей литературы. Так, в резолюции XII съезда говорилось, что вся «антирелигиозная агитация и пропаганда не сумеют затронуть народной толщи до тех пор, пока не сдвинется окончательно с мертвой точки работа по школьному просвещению трудящихся масс города и деревни в духе научного материалистического естествознания и пока значительное большинство деревенского населения будет оставаться неграмотным».

В конце 1944 года Центральный Комитет партии принял постановление «Об организации научно - просветительной пропаганды», которое с полным правом можно отнести к решениям партии по вопросам атеистического воспитания. Это еще одно подтверждение того, что научно-просветительная пропаганда — важнейшее средство преодоления религиозности. «Пропаганда естественно-научных знаний среди масс, — говорилось в этом постановлении, — приобретает в нынешних условиях особо важное значение в деле дальнейшего подъема культурного уровня широких слоев трудящихся и преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков». Постановление определяло основное содержание научно-просветительной пропаганды, обязывало партийные, комсомольские, профсоюзные организации, органы народного образования и культурно-просветительные учреждения широко проводить ее среди населения, привлекая к этому кадры местной интеллигенции.

Ленинский принцип широкого и разностороннего подхода к атеистической работе нашел концентрированное выражение в постановлениях ЦК КПСС, которые были приняты во второй половине 1954 года, — «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Это видно уже из названий самих постановлений: в них введено употреблявшееся в работах Ленина понятие «атеистическая пропаганда», которое по своему содержанию значительно шире, чем понятие «антирелигиозная», и оно соединено с термином «научный», к чему также призывал Ленин, требуя борьбу с религией поставить научнее.

В постановлениях глубоко анализируется содержательная сторона научно-атеистической пропаганды, определяются формы и средства ее организации и проведения, ставятся задачи перед различными организациями и учреждениями. В постановлениях ЦК КПСС 1954 года напоминалось, что Коммунистическая партия, опирающаяся на единственно верное научное мировоззрение — марксизм-ленинизм и его теоретическую основу — диалектический материализм, не может безучастно, нейтрально относиться к религии — идеологии, ничего общего не имеющей с наукой, и этим еще раз подчеркивалось, что атеизм, атеистическая пропаганда обусловлены самим существом и характером научного миропонимания, теорией марксизма-ленинизма.

Атеистическая пропаганда определялась как составная часть коммунистического воспитания трудящихся, имеющая своей целью распространение научных, материалистических знаний в массах и освобождение верующих людей из-под влияния религиозных предрассудков. Подробно рассматривался вопрос о коренной противоположности науки и религии: если первая помогает человечеству глубже познавать объективные законы развития природы и общества и ставить их на службу человеку, содействует повышению сознательности и росту культуры, то вторая затемняет сознание людей, обрекая их на пассивное отношение к природе, сковывает творческую активность и инициативу.

ЦК КПСС напоминал в связи с этим, что «в основу научно-атеистической пропаганды следует положить популярное разъяснение наиболее важных явлений в жизни природы и общества, таких вопросов, как строение Вселенной, происхождение жизни и человека на земле, достижений в области астрономии, биологии, физиологии, физики, химии и других наук, подтверждающих правильность материалистических взглядов на развитие природы и общества».

ЦК КПСС обязывал министерства культуры, просвещения и высшего образования страны, Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (теперь общество «Знание»), комсомол и профсоюзы, Госполитиздат и Гослитиздат, Издательство иностранной литературы и издательство Академии наук СССР, редакции центральных и местных газет и журналов улучшить научно-атеистическую пропаганду, активно использовать в атеистическом воспитании лекции, доклады и беседы, культурно-просветительные учреждения, страницы газет и журналов, радио и кино, издавать произведения классиков марксизма-ленинизма о религии и атеизме, атеистические труды античных мыслителей и французских просветителей, зарубежных ученых и писателей, классиков русской и зарубежной художественной литературы на атеистические темы, а также серии популярных книг и брошюр об отношении Коммунистической партии и Советского государства к религии. Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний было разрешено издавать ежемесячный массовый научно-популярный журнал «Наука и религия».

Как видим, в решениях партии отражено расширение и углубление подхода к атеистической работе и с содержательной стороны, и со стороны развития форм, методов и средств ее проведения, и с позиций участия в ней различных организаций и учреждений.

Что касается непосредственно антирелигиозной пропаганды, то в основу ее положены ленинские указания о необходимости материалистически объяснять источник веры и религии у народных масс, разъяснять социальные корни религии, раскрывать ее существо (как иллюзорного антинаучного миросозерцания) и ее утонченные, одетые в «новый» наряд формы, показывать связь классовых интересов и классовых организаций буржуазии с религиозными учреждениями и религиозной пропагандой, разоблачать церковь как опору и орудие господствующих классов и т. д. Все эти и многие другие вопросы также нашли свое отражение и развитие в партийных документах.

Партия ориентировала антирелигиозную пропаганду на серьезное и углубленное освещение проблем происхождения и эволюции религии, разоблачение реакционной сущности религии, показа того вреда, который она приносит интересам трудящихся масс. При этом партия указывала, что эти проблемы должны освещаться как в научно-популярной форме для трудящихся масс, так и более углубленно в системе коммунистического просвещения, с тем чтобы организовать широкую подготовку агитаторов и пропагандистов по антирелигиозной работе.

В резолюции XII съезда РКП (б) «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» было записано: «Необходимо по всей линии компросвещения ввести специальные курсы по происхождению, развитию и истории религии, религиозных верований, культов и религиозных церковных организаций, прорабатывая эти курсы в тесной связи с изучением человеческого общества и классовой борьбы эксплуататоров с эксплуатируемыми и с разоблачением многообразных фактических связей капитала с религиозной пропагандой».

Центральный Комитет партии предупреждал при этом о необходимости тщательно избегать узости в антирелигиозной агитации и пропаганде, не направлять ее против одного какого-либо культа или религиозной группы, что давало бы повод отдельной национальности думать, а нашим врагам говорить о преследовании за веру, и требовал постоянно и систематически подчеркивать, что ведется эта работа по преодолению религиозного мировоззрения в целом в каких бы верованиях оно ни выражалось.

В связи с этим в резолюциях XII съезда партии «По вопросам пропаганды, печати и агитации» и «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» большое внимание обращалось на особенности антирелигиозной работы среди национальных меньшинств. В силу ряда исторических и бытовых условий влияние духовенства среди них сказывалось сильнее, а в период нэпа наблюдалось даже усиление мелкобуржуазного и националистически-клерикального влияния. У восточных народов — рост панисламизма и пантюркизма, у евреев — сионистских клерикальных группировок, а у латышей и эстонцев — баптизма и его влияния на молодежь. В среде мусульманского населения служители церкви в контрреволюционных целях использовали многочисленные связанные с религией предрассудки. Антирелигиозная пропаганда должна была учитывать эти и многие другие факторы, приспосабливать свои формы и методы к конкретным условиям данной среды, к особенностям различных национальностей, вестись на их языках.

Важнейшая задача антирелигиозной

пропаганды и агитации, на которую обращалось внимание в документах партии, состояла в раскрытии связей различных религиозных групп с интересами господствующих классов, в разоблачении контрреволюционной роли религиозных организаций, в особенности русской православной церкви, ее позиции по отношению к государству и освободительному движению народа в различные моменты истории, в разоблачении реакционной деятельности различных сект, имевших влияние на народные массы. В постановлении ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» указывалось: «В царской России церковь верно служила самодержавию, помещикам и капиталистам, оправдывала жестокую эксплуатацию народных масс, поддерживала эксплуататоров в борьбе против трудящихся».

Остановимся еще на одной важнейшей особенности организации сугубо антирелигиозной работы, которая в Программе, принятой на VIII съезде партии, сформулирована так: «Заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». Это программное положение было записано в резолюции XII съезда РКП(б), а в резолюции XIII съезда «О работе в деревне» говорилось: «Особо внимательно необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения».

Особенно резко ставился этот вопрос в постановлении ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». В нем отмечалось, что вместо развертывания систематической кропотливой работы по пропаганде естественнонаучных знаний и идейной борьбы с религией в отдельных центральных и местных газетах, а также в выступлениях некоторых лекторов и докладчиков допускаются оскорбительные выпады против духовенства и верующих; некоторые служители религиозных культов и верующие без всякого на то основания изображаются людьми, не заслуживающими политического доверия. В ряде районов со стороны местных организаций и отдельных лиц были допущены случаи административного вмешательства в деятельность религиозных объединений и групп.

В постановлении указывалось, что подобного рода ошибки представляют собой нарушение неоднократных указаний партии о недопустимости оскорбления чувств верующих, они несовместимы с линией партии и государства в проведении научно-атеистической пропаганды и противоречат Конституции СССР, предоставляющей советским гражданам свободу совести.

Так ставился вопрос в документах партии об антирелигиозной пропаганде в узком ее понимании — как составной части атеистической работы в целом. Эти решения, а следовательно, развиваемые в них ленинские принципы атеистической пропаганды лежали в прошлые годы, лежат и сегодня в основе ее практической организации. Ими руководствовались и руководствуются все организации при ее проведении и на всех этапах развития нашего общества.

Возьмем первые годы после победы Октябрьского вооруженного восстания — трудный и сложный период иностранной военной интервенции и гражданской войны, период ожесточенной классовой борьбы. Он наложил свой отпечаток на содержание и формы атеистической пропаганды — она была подчинена решению общих задач этого этапа нашей истории, являлась органической составной частью общеполитической работы. В этом проявился ленинский подход к ее организации. Главное содержание антирелигиозной пропаганды и агитации составляли поэтому показ сущности религии, ее реакционной роли, анализ социальных причин ее возникновения, разоблачение позиций реакционного духовенства и его контрреволюционной деятельности.

Следует заметить здесь, что последнее — разоблачение контрреволюционной деятельности духовенства и ее подавление не должны заслонять от нас главного, что делалось тогда для решения религиозного вопроса, ибо это было вынужденной мерой, вызванной позицией многих религиозных организаций и поведением служителей церкви. В постановлении ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» говорилось, что сразу же после победы Октябрьской социалистической революции, в годы гражданской войны и позже многие религиозные организации и группы духовенства держали себя враждебно по отношению к Советской власти. В связи с этим отдельные служители культов привлекались государством к ответственности, но не за религиозную, а за антиправительственную деятельность, направленную против интересов советского народа, в угоду внутренней контрреволюции и международному империализму. Борьба советского народа против врагов социалистического государства включала в себя и борьбу против реакционных представителей церкви, которые занимались враждебной деятельностью.

В эти годы был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и поэтому важнейшей задачей, на которой сосредоточивалось внимание антирелигиозной пропаганды и агитации, было разъяснение народным массам его содержания, сущности и значения политики партии и государства в религиозном вопросе. Знакомство со статьями в периодической печати и брошюрами тех лет, с выступлениями пропагандистов и агитаторов показывает, что они посвящались главным образом этим проблемам. В 1919 году Народный Комиссариат юстиции стал издавать специальный журнал «Революция и церковь».

Напомним еще об одном актуальном вопросе, которым занималась антирелигиозная пропаганда и агитация тех лет, стремясь дать верующим людям разнообразный материал, чтобы пробудить их от религиозного сна. Речь идет о кампании по вскрытию так называемых «нетленных мощей» святых. По сведениям восьмого отдела Народного Комиссариата юстиции, на 1920 год было произведено 63 вскрытия мощей и все они показали, что это был сплошной обман, ибо нетленных (не разрушенных временем) останков обнаружено не было. Не случайно В. И. Ленин горячо поддерживал эту кампанию. Когда в 1919 году появилась документальная кинолента, запечатлевшая публичное вскрытие мощей Сергия Радонежского, В. И. Ленин на записке П. А. Красикова, сообщавшего об этом, написал: «Надо **проследить** и **проверить**, чтобы поскорее показали это кино во всей Москве» [2].

Нужно также отметить, что в это трудное и сложное время партия проявляла большую заботу о подготовке квалифицированных кадров пропагандистов атеизма: слушателям Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова читались курсы лекций по вопросу об отделении церкви от государства, о происхождении и сущности религиозных верований и другие. По основным темам проводились семинарские занятия.

Дальнейшее развитие атеистическая работа среди трудящихся получает в годы мирного социалистического строительства, когда ее вел Союз воинствующих безбожников. Теоретической и методологической основой организации атеистической работы стала статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», содержавшая обстоятельную критику недостатков в проведении этой работы, наметившая основные ее направления и задачи в новых условиях. Статья оказала решающее влияние на содержание, методику и формы организации атеистической работы.

В эти годы она становится систематической, более глубокой, научно обоснованной и составляет один из органических элементов всей идейно-политической и культурно-воспитательной работы. Об этом свидетельствуют основные направления и принципы деятельности Союза воинствующих безбожников, главным девизом которого был лозунг «Борьба с религией — борьба за социализм». Союз требовал от всех своих членов не считать борьбу с религиозной идеологией самодовлеющей задачей, а подходить к ней как к одному из средств идейного воспитания трудящихся, подчинять ее общей цели борьбы за построение социализма, связывать с конкретными задачами хозяйственного и культурного строительства, вести тактично, не допускать оскорбления чувств верующих, не отталкивать их от активного участия в строительстве новой жизни.

Именно на организацию такой работы Центральный Комитет партии ориентировал Союз воинствующих безбожников. Сошлемся на один пример. В апреле 1926 года по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) было проведено в Москве совещание по антирелигиозной работе. Оно обсудило вопросы о задачах и методах антирелигиозной работы в целом, среди последователей религиозного сектантства и среди различных национальностей СССР. В тезисах «Задачи и методы антирелигиозной пропаганды», принятых на совещании, говорилось, что успех здесь зависит от трех основных условий: во-первых, от правильного понимания сущности религии; во-вторых, от правильной оценки ее роли в жизни трудящихся, от знания причин, вызывающих подъем или снижение религиозных настроений среди масс; в-третьих, от учета тех условий, в которых развертывается антирелигиозная пропаганда, от тесной увязки ее с политическими и хозяйственными задачами.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 279.

В этот период много внимания уделяется подготовке кадров пропагандистов, складываются основные формы массовой атеистической работы, разрабатываются ее программы, издаются учебные пособия, организуется издание научно-популярной литературы, антирелигиозных газет и журналов, делаются попытки начать изучение проблем преодоления религии и утверждения атеизма путем организации конкретных социологических исследований [3].

Безусловно, становление и развитие атеистической работы после Великого Октября происходило не легко, не гладко, а с большими трудностями, даже отклонениями от марксистско-ленинских принципов. Приходилось, например, преодолевать крайности: с одной стороны, попытки быстро «выкорчевать» религию, свести антирелигиозную работу только к разоблачению классовой, эксплуататорской ее роли, администрирование и недооценку многообразных форм антирелигиозной, естественнонаучной и культурно-просветительной работы; с другой — стремление ограничить атеистическую работу только пропагандой естественнонаучных знаний, как выразился тогда Ем. Ярославский, «заменить СВБ краеведческими организациями, естественно-историческими кружками» [4].

Но когда мы говорим об ошибках в проведении атеистической работы на историческом пути ее становления в нашей стране и анализируем их, это не должно закрывать от нас то главное, что ее характеризовало на всех этапах: она строилась на ленинских принципах, а ошибки и недостатки в ее проведении были обусловлены непониманием этих принципов отдельными работниками, за что партия их критиковала и поправляла.

На новый идейный, научный и практический уровень организация атеистического воспитания поднялась в послевоенный период, особенно с середины 60-х годов, когда были приняты и стали претворяться в жизнь мероприятия ЦК КПСС по усилению атеистического воспитания. Анализ особенностей его современного этапа — предмет отдельного разговора.

---

[3] Подробнее об этом см.: «Вопросы научного атеизма», вып. 4. М., 1967; Б. Н. Коновалов. К массовому атеизму. М., 1974.

[4] Ем. Ярославский. Против религии и церкви, т. IV. М., 1935, стр. 226.

Миниатюрные книги

Н. ПАШКОВА,
старший научный сотрудник Музея книги Библиотеки им. В. И. Ленина

● В ноябре 1979 года в Румянцевском зале библиотеки имени В. И. Ленина экспонировалась выставка «Миниатюрные издания», организованная Музеем книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Московским клубом любителей миниатюрных изданий.

Мини-книга занимает свое особое место среди других изданий и пользуется большим спросом у читателей. Она не требует большой площади для хранения и отличается высокой культурой полиграфического и художественного оформления. Свыше 120 издательств во всем мире выпускают такие книги, а в Японии даже создан специальный музей миниатюрных изданий.

Книги-малютки появились давно — вскоре после изобретения книгопечатания. Однако до настоящего времени на них еще не существует международного стандарта. Во всех странах мира миниатюрным изданием считается таков, формат которого без переплета не превышает 100×100 мм.

Тем не менее, еще в XVI—XVII веках семья известных голландских издателей Эльзевиров печатала книги с размером страниц 20×30 мм. В 1855 году в Петербурге была выпущена книга басен И. А. Крылова размером 22×28 мм. За годы Советской власти в нашей стране издано в два раза больше миниатюрных книг, чем в дореволюционное время.

На выставке в библиотеке имени Ленина было представлено около 1500 миниатюрных книг из собраний библиотеки и частных коллекций. Тематика этих изданий разнообразна: книги по истории изданий-малюток, зарубежная миниатюрная книга, художественная литература, классики марксизма-ленинизма, политическая книга.

Среди различных изданий конституций разных лет особый интерес вызвала «Конституция РСФСР», выпущенная в г. Кинешме в 1921 году. Она напечатана на оберточной бумаге тиражом в 1000 экземпляров и переплетена в черный картон. Это — первое советское миниатюрное издание.

К 50-летнему юбилею нашей страны во всех союзных республиках было издано много миниатюрных книг на языках народов СССР. Внимание посетителей выставки привлекли книжечка с докладом Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза товарища Л. И. Брежнева «50 лет великих побед социализма» и четырехтомное издание его речей и статей «Ленинским курсом», выпущенное издательством «Прогресс» к XXV съезду КПСС.

Центральное место на выставке было отведено работам основателя Советского государства В. И. Ленина, 110-ю годовщину со дня рождения которого отмечают наша страна и все прогрессивное человечество. Миниатюрный десятитомник его избранных трудов, вышедший в Киеве на украинском языке форматом 40×57 мм, отличается высоким уровнем художественного оформления и полиграфического мастерства. Переплет издания из пластмассы цвета слоновой кости со специальной художественно оформленной подставкой. Интересны также представленные на выставке миниатюрная восьмитомная Лениниана, изданная в г. Перми, трехтомник и двухтомник избранных трудов В. И. Ленина, выпущенных Политиздатом, и пятитомник, вышедший в г. Алма-Ате на казахском языке.

Работа В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи», чаще других издававшаяся в миниатюрном формате, была представлена на выставке на многих языках народов нашей страны.

Самая маленькая книга в мире и самая миниатюрная советская книга (формат 16×16) — отрывок из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» с 11 репродуцированными портретами. Ее подготовил к 100-летию вождя пролетарской революции Союзполиграфпром. На выставке было представлено значительное количество других трудов В. И. Ленина, а также работы, ему посвященные. Среди этих последних особое внимание привлекли выпущенная в Ленинграде в двух томах биография В. И. Ленина и книга В. В. Волковой «Ленин в Горках».

Многие наши писатели и поэты посвящают свои художественные произведения Владимиру Ильичу. На стендах выставки можно было увидеть миниатюрный томик «В. И. Ленин в туркменской поэзии», изданный в Ашхабаде, интересно оформленную поэму В. Маяковского «В. И. Ленин» на калмыцком, латышском и других языках, «Три стихотворения о Ленине», вышедшие в Таллине на эстонском языке и набранные вручную форматом 30×40 мм.

Серьезно работают советские полиграфисты над изданием в миниатюрной форме произведений классиков русской и советской литературы. Среди этих работ можно выделить две прекрасные книги: М. Горький «Владимир Ильич Ленин» и Джамбул «Стихи о Ленине», изданные в Казахстане издательством «Жазуши». С большим художественным вкусом и изяществом выполнены «Граф Нулин», «Пиковая дама», «Лирика» А. С. Пушкина, вышедшие в издательстве «Художественная литература».

ТАК РЕШИЛИ АКСАКАЛЫ

В. ХАРАЗОВ,
специальный
корреспондент
журнала
«Наука
и религия»

л-лах ак-баа-а-р! — плывет над Петроалександровском призыв муэдзина. Пустынны опаленные солнцем улочки, молчаливы сады за высокими дувалами.

— Ал-лах ак-баа-ар... — замирает в густом неподвижном воздухе призыв к правоверным.

Сегодня джума, пятница, вспоминает Карим, надо идти в мечеть...

— Э, да ты совсем уснул! — слышит он над ухом чей-то голос, с трудом приоткрывает глаза и видит, что сидит с соседом Раджапом в своем саду, за чаем. У Раджапа белая, словно из хлопка, борода.

Несколько секунд Карим задумчиво смотрит на соседа, на пиалы с зеленым чаем и понимает, что совсем ему не надо идти в мечеть, что и призыв муэдзина, и глухие улочки Петроалександровска привиделись ему в минутном сне. Когда в их городе звучал призыв на молитву, ни у Раджапа, ни у него не было не то что белой, но и вовсе никакой бороды и никто тогда не добавлял к их имени почтительное «ака». Давно это было, и город их теперь называется не Петроалександровск, а Турткуль, по-каракалпакски.

Старею, с досадой думает Карим, заснул в присутствии соседа. Хоть и знают они друг друга по крайней мере лет 70, нельзя нарушать законы гостеприимства. Но Раджап, кажется, не обиделся. И почему ему привиделась пятница — ведь сегодня среда. Они молчат некоторое время, прислушиваясь к легкому ветерку в листьях чинары, предвкушая наступление прохлады.

— Опять сегодня в чайхану пойдешь? — нарушает молчание Раджап-ака.

— Пойду, обязательно пойду, как всегда в среду, — отвечает Карим-ака и с легкой усмешкой добавляет: — Может, со мной пойдешь, послушаешь, что старшие говорят?

— Э, нечего мне там слушать, — досадливо отмахивается Раджап-ака. — Обитель греха эта ваша чайхана. Веру забыли, обычаи нарушаете, да еще говорите, что это хорошо. Скоро перед Аллахом предстанете, что ему скажете? Ведь вы мусульмане!

— Я в Аллаха не верю, я в совесть верю. И знаю: в последний свой час предстанем мы перед ней. Она-то и спросит: что сделал ты хорошего людям, Карим? А ты, Раджап? Осушил ли слезы плачущему? Помог ли обессилившему? Поделился ли водой с жаждущим и хлебом с голодным? Что ты ответишь на это, Раджап?

— Я молился за всех, Карим, каждый день молился, всю свою жизнь.

Он махнул рукой и пошел к калитке. Карим видел: вот теперь-то Раджап на него обиделся. И так всегда: о чем бы ни говорили, встретившись, обязательно разговор сводится к тому, главному их разногласию. Вроде рядом их жизни проходили, да к разному пришли. И воевал Раджап, и трудился добросовестно. Хоть и ездил в Москву с ранними помидорами — на калым сыновьям деньги собирал, потом эти дни отрабатывал на совесть. И детей воспитал хорошими тружениками. А вот в доме своем все по-старому сохраняет: и калым за невесток платил, и пять раз в день расстилает молитвенный коврик, а в чайхану, на беседу или лекцию, его не заманишь. Эх, зря не ходит Раджап в чайхану по средам — много теряет. Сколько там интересного и полезного можно услышать. И надо же такое придумать: «Обитель греха»!

Медленно, заложив руки за спину, идет Карим-ака по оживающему к вечеру Турткулю. Каждую среду совершает он это путешествие. Эх, годы, годы, думает он, разве считал когда-нибудь километры, разве помнили о них когда-нибудь ноги? Сколько пройдено по пескам в погонях за басмачами! А потом по России, Украине, Польше и Германии — когда воевали с фашистами.

Память к старости становится беспокойнее — крутится, крутится в ней то одно, то другое, рвется наружу, ищет выхода, будоражит сердце. Может, потому и тянет его каждую среду в чайхану? Посидишь за пиалой чая, поговоришь со сверстниками, которые помнят то же, что и ты, и легче станет на душе.

Как хорошо придумали с этой чайханой. Собрались старики и, посоветовавшись, отрядили делегацию к первому секретарю райкома партии. Толковый оказался молодой человек, правильно все понял, согласился, что надо построить чайхану специально для стариков — в хорошем месте, на берегу сая. Вот тогда-то и организовался совет аксакалов. Правда, может, он и раньше был, этот совет, но Карим про него не знал, а с тех пор — вот уже лет 10 — хорошо его знает. Совет всех стариков Турткуля собрал, когда чайхану начали строить, даже Раджап пришел.

Чайхану построили на славу. Вокруг посадили сад, и теперь на достархане уже красуются яблоки из него. Большая зала, а справа, как войдешь, — просторная веранда нависает над саем. Если дождь или прохладно — собираются в зале, в жару — под деревьями. Короткие диванчики с подушками вдоль невысоких спинок застелены коврами. На достархане всегда несколько небольших чайников с зеленым и черным чаем, лепешки, фрукты. Если нужно, найдется в чайхане все необходимое и для плова, и для других национальных блюд, но это в торжественных случаях.

Сай стремительно несет темную, илистую воду. Конечно, это не горный родник с хрустально чистой струей, но здесь, в Средней Азии, и такая вода — драгоценность, в прежние времена, бывало, из-за нее не только сосед мог поднять оружие на соседа, но и брат на брата.

Карим-ака останавливается и смотрит на другой берег, где высится мемориальный комплекс — памятник погибшим во время Великой Отечественной войны землякам. На больших прямоугольниках мрамора выбиты их имена, много имен. И среди них имя его сына...

Войдя в залу, Карим здоровается со всеми и, сбросив сандалеты, забирается на привычное место. Почти все уже собрались. Несколько минут длится традиционный взаимный обмен вопросами о здоровье, о родных и близких, о делах. Исполнив ритуал, он откидывается на подушки и прикрывает глаза. Вокруг стоит привычный гомон — старики степенно беседуют, отдыхая в наступившей после знойного дня прохладе. А он вспоминает и размышляет...

Как быстро меняется все. 10 лет назад аксакалы Турткуля тоже собирались вместе, чтобы побеседовать. Сидели в чьем-нибудь дворе, пили чай. Но говорили совсем не о том, о чем сейчас говорят. Сколько раз он оставался в одиночестве, когда речь заходила о религии. Иные и пятничный намаз не совершали, и уразу не держали, а начни речь о вере — на дыбы, как горячие скакуны. Мол, веру наших дедов и пра-

дедов не трогай. И ведь это были те же старики, что сейчас здесь спокойно сидят, в то время как Раджап, наверное, уже расстелил дома свой молитвенный коврик.

Раньше Карим-ака считал: в старости человека не изменишь. Вот и неправильно считал. Он хорошо помнит, как было дело после открытия чайханы. Группами уходили отсюда старики, не дождавшись конца беседы или рассказа приезжего человека, шли намаз совершать. Тогда совет аксакалов предложил им не уходить домой — молиться прямо здесь, в свободной комнате. Сначала согласились и молились, потом стал замечать Карим-ака: молящихся с каждым разом становилось все меньше. А большинству и в голову теперь не приходит покидать беседу ради намаза.

Вот ведь, думает Карим-ака, вроде и никакой атеистической работы со стариками не вели, просто рассказывали им в чайхане обо всем, что в мире происходит, о достижениях науки, просили обсудить вместе какое-то важное дело — и отодвинулся у них Аллах на второй план. Его-то, Карима, жизнь сделала атеистом. Если головорезы Джунаид-хана дрались под зеленым знаменем ислама, то он — под красным знаменем революции. И если они, эти подлые убийцы, звались «священным воинством ислама», то ему, Кариму, не надо ни таких святых, ни такого ислама.

Да, вот эти самые аксакалы еще несколько лет назад и слышать не хотели ни о новых обрядах, ни о каких-либо отклонениях от прежних обычаев. А теперь привыкли и к собственным юбилеям, и к юбилеям сверстников, которые проводит совет. И дни рождения детей и внуков справляют. Привыкли. А раньше: мол, не наш это обычай, не мусульманский, нет этого ни в Коране, ни в шариате, ни в хадисах... И если старики были против, никто не решался пойти наперекор их воле.

Задумавшись, Карим-ака не сразу заметил, что гомон затих. Председатель районного совета аксакалов Рахим-ака Худайбергенов произнес традиционные слова привета, которыми начинается каждая встреча в чайхане.

Хороший человек Рахим-ака, думает Карим, все его уважают. Ветеран войны, бывший секретарь райкома партии, правильно выбрали его председателем совета аксакалов. Карима тоже хотели выбрать в совет, но он отказался — не те уже силы. Если надо чем помочь, — никогда не откажет, а в совете нужна молодежь, лет по 60—70, чтобы бегать туда-сюда, кого-то найти, с кем-то договориться, куда-то съездить. Вот такие нужны, как Розум-ака Сеитниязов, очень энергичный, 20 лет проработал председателем райисполкома, не зря ему звание Героя Социалистического Труда присвоили. А кто лучше с людьми может поговорить, чем Амин-ака Раджапов? Тоже ветеран войны, заслуженный учитель республики.

Сколько пришлось бегать этим молодым, и больше всех Рахиму Худайбергенову, пока строилась чайхана. Девять человек в совете, и никто не знал покоя, пока наладилось дело. Ах, хорошее это дело — чайхана, уж который раз повторяет про себя Карим-ака, не то что клуб. В клуб придешь, сидишь там, как камень, пока на сцене выступать не кончат. Конечно, хорошие люди выступают, правильные слова говорят, да разве под силу старому человеку два-три часа сидеть на стуле и слушать? А здесь хочешь слушай, хочешь чай пей, хочешь с соседом говори.

Вот как сейчас тихо стало — сразу видно, что всем интересно. Карим-ака узнал гостя, его не раз уже приглашали к старикам. Совет умеет приглашать таких лекторов, которые знают, что интересно аксакалам. И спросить можно про все. Сегодня гость про Иран рассказывает...

Но через какое-то время Карим-ака замечает, что мысли его не в Иране, а здесь — в Турткуле, свое в голове вертится, покоя не дает. А все всколыхнула сегодняшняя размолвка с соседом. Э, за 70 с лишним лет сколько было таких размолвок! Стоит ли огорчаться из-за еще одной? Ведь все правильно сказал он Раджапу. Правильно, да, наверное, не так — ведь тот обиделся. А как еще скажешь, если чем старше, тем крепче он за Аллаха держится? А чем больше внимания Аллаху, тем меньше людям. Уж это-то Карим хорошо знает. И как только не говорил он с Раджапом, — все словно пыль по ветру. А ведь за ним и другие идут. И его слову тоже кое-кто прислушивается. И хотя единомышленников у него не становится больше, их мнение все же оказывает влияние на людей. А новая жизнь со старыми обычаями — все равно, что новый грузовик со старыми шинами — быстро не поедет. Новая жизнь требует новых обычаев. И в этом деле слово аксакалов — большая сила. Совет аксакалов правильно понял: пока не убедят в этом стариков, трудно будет новые обычаи в жизнь проводить.

Тогда уже во многих махаллях, в колхозах и совхозах советы аксакалов организовались. Да вот беда: они не только новым обрядам не помогали, но и всем своим авторитетом старые отстаивали. Ох, тяжело приходилось районному совету на первых порах. Вроде все продумано, а люди посмотрят, послушают — и поступают по-старому.

Карим-ака не раз слушал, как беседовали со стариками члены их совета. Никакой лектор так хорошо не смог бы побеседовать. А как размышляли после одного из таких разговоров старики: «Правильно Амин говорит — хивинский хан был мусульманин, глава правоверных, называл себя посредником между Аллахом и правоверными, а разве дал он старым людям пенсии или пособия многодетным? Муллы говорили, что царская власть угодна Аллаху, а разве царская власть давала пенсии и пособия? И сколько гибло тогда простого народа от войн, голода, болезней! Выходит, Аллаху и это было угодно... Может, правы такие люди, как Рахим-ака, Амин-ака, Розум-ака? Ведь они и сами хорошо живут без Аллаха, и другим добро делают...» Постепенно старики стали признавать авторитет районного совета аксакалов. Никто не голосовал «за» или «против», ни в один протокол решение это не записывали. Конечно, и сейчас еще есть такие, как Раджап-ака, кто упорно за старое держится.

Много спорит Карим со своим соседом, и жизнь всегда помогает ему в этих спорах. Но одно есть сильное возражение у соседа. «Вот, — говорит Раджап, — все вы — атеисты, а случись несчастье — когда умрет кто-то и должен перед Аллахом предстать, так родственники сразу бегут за муллой, боятся за своего атеиста...»

Лекция про Иран кончилась, и старики беседуют между собой. Карим наливает себе горячего чаю, делает несколько глотков и вновь задумывается. В самом деле, с похоронами еще очень сложно. Как убедить убитых горем людей хоронить близкого человека не по привычному религиозному обряду, а по новому — гражданскому, которого никто из близких покойного никогда и не видел? Но не во всем прав Раджап-ака, и здесь уже многое меняется...

Совет аксакалов поначалу терпеливо разъяснял старикам, что нельзя по поводу смерти близкого буквально разорять семью, резать баранов, раздавать столько денег, сколько покойный не заработал бы и за год. Старики и слышать не хотели: веру нарушаем. Обычаи предков. Тогда собрал Рахим-ака стариков и спросил: где в Коране сказано об этом? Пусть не религия, отвечали, но обычаи предков нарушать

нельзя. И опять Рахим-ака спросил: обычаи чьих предков? Чьи отцы и деды могли скопить для раздачи на похоронах тысячу, а то и несколько тысяч рублей, резать по нескольку десятков баранов? Задумались старики: кто же, кроме баев, мог столько истратить на похороны? Так как же, говорит Рахим-ака, уважаемые аксакалы, пристало ли нам по-байски наших родных хоронить? Да еще утверждать, что это народный обычай? Согласились старики. Но не в один день и обычаю привыкли — не в один день и отвыкнут от него. Не в один день, думает Карим-ака, но отвыкают, отвыкают... Теперь уж вон сколько похорон иначе проходит.

— Карим-ака, о чем задумались?

Карим поднимает голову и видит подсевшего к нему Рахима Худайбергенова.

— Да так, о жизни думаю.

Рахим-ака наливает себе и Кариму свежего чаю. Они смакуют горячий напиток. С востока движется легкий сумрак, освежающая прохлада ласкает лицо. Чайхана постепенно пустеет. Турткуль — городок небольшой, но домой идти долго — то присядешь где-нибудь, то остановишься с кем-то поговорить...

— Э, Карим-ака, мудрая мысль — хорошо, но мудрое дело — лучше! — улыбается председатель совета.

— Какие у меня теперь дела?

— Есть серьезное дело. Вы слышали: ваш сосед внука женит? И свадьбу решил устроить по-мусульмански.

— Да ведь такого в районе лет пять уже не было!

— В том-то и дело, Карим-ака. Может, поговорите с ним? Все же сосед.

Задумывается Карим. Нелегкое это дело, ох, нелегкое. Упрям Раджап, как ишак. Если заладит свое — хоть убей, не отступится. А ведь внук — хороший парень, институт кончает, ну зачем ему этот «никах»?

— Попробую, Рахим-ака, попробую. Только что из этого получится?..

Сердит, очень сердит на соседа Карим. Ну почему он такой упрямый? Будь мы помоложе, думает Карим, давно бы плюнул на такого глупого соседа. Но ведь 70 лет бок о бок прожили, случалось, последним куском делились. Да и жалко упрямого старика — мало кто уже прислушивается к его словам.

Как всегда по пути домой из чайханы, Карим присаживается на скамейку. Турткуль заполнен вечерним шумом, в котором переплетаются людские и птичьи голоса, гул запоздавших машин и мотоциклов, звон цикад.

Ничего, размышляет он, опомнится Раджап, прислушается к совету аксакалов, во всем Турткуле уважают его мнение. Если решат сад посадить старики, — все, кто в силах, выйдут помогать. Если совет позовет на уборку хлопка, — опять все пойдут. И если уж старики вышли в поле, то самый распоследний лентяй постыдится остаться дома. А как осваивали целину? Поначалу никто не хотел ехать на новые земли: что там ждет, неизвестно, да и зачем бросать отчий дом, уезжать от родичей, друзей, соседей? Споткнулось большое дело. Тогда аксакалы и обратились к народу с призывом, а в доказательство, что не пустые слова говорят, отправили старейшины на целину своих детей. Тогда и другие поехали. Не один, не двое, не трое — в чайхане собираются по 150—200 стариков, особенно когда обсуждается важный вопрос. А назавтра это же решение обсуждается советами старейшин в махаллях, колхозах и совхозах. Получается, что принимают решение почти все аксакалы района.

Как-то заговорили на совете о том, как вразумить паломников, приезжающих на поклон к святым местам Султан-баба и Нариджан-баба. Карим тогда подумал, что тут уж они ничего не добьются — веками ходили люди поклоняться этим могилам, верили, что лежат тут мусульманские святые. А как убедить верующего, чтобы он отказался поклоняться святому? Однако аксакалы выяснили, что похоронены в мавзолеях арабские военачальники — покорители Средней Азии. И нашли исторические документы, подтверждающие это. Старики ходили беседовать с паломниками, и их становилось все меньше и меньше.

Отдохнув, Карим-ака встает и медленно идет дальше. Вот ведь, думает он, нет, наверное, такого дела, которое было бы не под силу старикам, а Раджапа они вразумить не могут. Может, дело в том, кто как прожил жизнь? Что за душой? Если ничего, кроме веры в Аллаха, не было, как от нее отказаться?

Как-то Амин-ака попросил стариков собрать памятные вещи и документы для создаваемого советом аксакалов филиала Нукусского историко-краеведческого музея. Собрав что было у него дома примечательного, предложил Карим и Раджапу подобрать, что у него есть памятного об истории края и о его вкладе в общее дело. Тот согласился тогда, но так ничего и не принес, потом лишь с грустью сказал:

— Э, Карим-ака, что я могу принести в ваш музей? Самое главное дело моей жизни было молиться Аллаху. В какой угол можете положить вы молитвы, на какой стене повесить на гвоздь? Это ваш музей, о вашей жизни, вы и несите туда свои заслуги, а я буду нести свои молитвы Аллаху...

Но сколько бы ни держался за свое сосед, жизнь заставит его понять, кто прав. Его дети и внуки, видно, давно тяготятся порядками в доме, что-то теперь будет с женитьбой внука? Карим решил не откладывать неприятный разговор, а просто зайти сейчас к соседу, несмотря на поздний час. Он открыл знакомую калитку и увидел в сумерках, что сосед сидит за чаем один у себя во дворе. Он глубоко о чем-то задумался и не сразу заметил гостя. А когда увидел — обрадовался, будто и не было утренней размолвки. Усадил его, пододвинул заботливо пиалу с чаем.

— От горячего чая тепло в желудке, от доброго слова — тепло на душе, — сказал Карим. — Поздравляю тебя, сосед, слышал, последнего внука женишь. Скоро и правнуки жен приведут в дом!

— Эх, Карим, — вздохнул Раджап, — одна беда с этой свадьбой. Не хочет внук ни меня, старика, ни обычаи предков уважить. Не знаю, что и делать с ним: от денег на калым отказался, муллу звать не хочет. Конечно, можно старших родственников собрать, заставить мальчишку все сделать полюдски. Да вот сижу и думаю...

— Послушай меня, Раджап. Многое было между нами — и плохого и хорошего, но я всегда был тебе другом. Послушай моего совета. Пусть молодые сами решают свою судьбу...

— Э, Карим, тебе легко говорить, ты давно отошел от веры, а как мне быть?

— Сколько раз, Раджап, давал я тебе добрые советы, но ты всякий раз отвергал их. И ведь тебе же от этого становилось хуже. Сколько раз говорили с тобой уважаемые всеми старики, но ты и их не слушал. И опять только тебе от этого было хуже. Если ты не посадишь яблоню, Аллах не осыпет тебя яблоками. Если не уважишь людей, люди не уважат тебя. Ты, Раджап, любишь Аллаха, но не умеешь любить людей. Повернись к ним лицом, и они повернутся к тебе. Не неволь внука, иначе многие старики тебя осудят. Так решили аксакалы...

Воцаряется глубокое молчание. Лишь цикады неумолчно звенят в саду.

Долго ворочается в своей постели под чинарой Карим-ака, вновь и вновь переживая этот разговор. Ничего не ответил ему Раджап, лишь, понурив голову, смотрел остановившимся взглядом на пиалу с холодным чаем. Впервые не возразил, не заспорил...

СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ, ОТБИРАТЬ ЛУЧШЕЕ

Новые гражданские праздники и обряды стали неотъемлемой частью советского образа жизни. В них отражаются национальная культура, народные традиции, идеи интернационализма и дружбы народов СССР. В то же время процесс формирования социалистической обрядности нельзя считать завершенным: многое здесь еще нуждается в уточнении и обогащении, особенно в области оформления и содержания ряда ритуалов, их внедрения в повседневную жизнь.

О том, в каком направлении идет развитие и совершенствование новых праздников и обрядов, рассказала в беседе с нашим корреспондентом заместитель министра культуры СССР Т. В. ГОЛУБЦОВА.

— Тамара Васильевна, давайте вернемся ко Второму всесоюзному совещанию-семинару по социалистической обрядности. Оно стало как бы смотром всего того, чего достигли мы в пропаганде, становлении и совершенствовании обрядности. Можно сказать, что этот семинар в чем-то подвел итоги этой работы.

— Это, действительно, был как бы итог определенного этапа такой работы. В то же время семинар показал, что сделать предстоит еще больше, в частности закрепить сложившиеся ритуалы, совершенствовать их дальше. Уже одно то, что в нем приняли участие многие партийные, советские, профсоюзные, комсомольские работники, представители культурно-просветительных учреждений, ученые, журналисты, говорит о большой заинтересованности всех и дальше совершенствовать дело социалистической обрядности, хотя пропагандой ее и внедрением в нашей стране занимаются давно.

Вспомним: у нас уже прочно вошло в традицию торжественное празднование таких знаменательных дат и событий, как годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, Первое мая, День рождения В. И. Ленина, День Конституции, Международный женский день и другие. Всенародно отмечается День Победы.

В последние годы хорошей традицией стало проведение приуроченных к общенародным праздникам торжественных митингов и церемоний у памятников и монументов. Я имею в виду прием в пионеры, торжественное вручение комсомольских билетов, принятие воинской присяги... На такие празднества приглашаются ветераны войны, старые большевики, комсомольцы 20—30-х годов, представители трудовых династий. Все это можно видеть, например, в Волгограде — на Мамаевом кургане, в Хатыни, под Минском, на Военном кладбище в Вильнюсе и еще во многих других городах, поселках и селах нашей страны.

В частности, мне довелось видеть такую церемонию у памятника легендарному Цезарю Куникову в городе-герое Новороссийске. Чеканный шаг группы школьников, одетых в специальную форму, волнующий ритуал смены караула, музыкальное сопровождение — все это не оставляет равнодушными жителей города и его многочисленных гостей. Городские партийные и советские организации привлекли к этой работе ветеранов войны.

— В последнее время заметно усилилось внимание к трудовым праздникам...

— Да, они уже глубоко вошли в нашу жизнь. И что самое важное — заложенное в них содержание, тесно связанное с большими политическими событиями, с нашими практическими, хозяйственными и общественными делами, несет в себе большой воспитательный заряд.

Праздники урожая, первого снопа, серпа и молота и т. п. стали в нашей стране традиционными. В последние годы на Кубани, в Алтайском и Ставропольском краях, на Украине, в Белоруссии и других республиках широко распространился ритуал торжественных проводов трактористов, комбайнеров, шоферов на весенний сев или уборку урожая. В это время устраиваются смотры-парады техники, происходит посвящение в механизаторы. Главное в таких праздниках — всенародный наказ хорошо трудиться и добрые пожелания, которые получают механизаторы от своих односельчан.

Весьма эффективные формы воспитания молодежи — посвящение в рабочий класс, в колхозники, чествование трудовых династий. Несколько лет назад я побывала в селе Златоустовка Донецкой области на празднике с поэтическим названием «Октябрь — судьба моя». Он был посвящен одной семье — династии хлеборобов, в которой были и механизаторы, и агрономы, и животноводы. Общий трудовой стаж династии насчитывал 240 лет. Жизнь этой семьи, которая вся работает в родном колхозе, стала ярким примером того, чем стал Октябрь в судьбе советских людей.

Нередко праздники труда носят характер художественно-пропагандистских циклов — таких, например, как «Земля и люди», «Дороги к хлебу», «Животноводство — ударный фронт» и т. п.

За последние годы наши сельские учреждения культуры выросли настолько, что проводимые ими праздники и обряды не уступают по своему воздействию мероприятиям, организуемым в крупных городах. Взять, к примеру, вечера цикла «Портреты передовиков совхозного производства», проводимые в Кустанайской области. Здесь и чествование героев труда, и передача опыта молодым. Интересно проходят встречи трех поколений под девизом «Дорога славы трудовой» в городах и селах Мангышлакской области Казахстана.

Когда мы говорим о передаче опыта молодым, то в первую очередь подразумеваем трудовой опыт. И очень хорошо, что нередко облекается это в форму праздника, как, скажем, стало в селах Херсонской области и в Закарпатье, где посвящение в колхозники — праздник

для всех. В этот день села — в нарядном убранстве, люди надевают все самое лучшее. В колхозных клубах висят приветствия молодому пополнению. Руководители и передовики труда сердечно поздравляют юношей и девушек, их родителей с торжественным событием, дают наказы молодым высоко нести честь хлебороба, по-хозяйски беречь общественное добро, быть достойными гражданами своей Родины.

Широкое распространение получили праздники улиц, вечера выпускников-десятиклассников «Алые паруса», смотры-парады оркестров, декады искусства. Такая прекрасная традиция, как Праздник песни, с огромным успехом постоянно проводятся в республиках Прибалтики. В настоящее время такие праздники получили распространение также в ряде областей Российской Федерации и Украины. Каждый, кто внимательно знакомится с их программой, заметит: в их ткань, наряду с элементами национальной культуры, органично вплетена тема труда. Да и приурочиваются они зачастую к окончанию сельскохозяйственных и других работ.

— Очевидно, особое внимание при разработке новой обрядности уделяется ее художественной, эстетической стороне!

— Конечно. Ведь образная форма обрядов обусловливает их эмоционально-психологическое воздействие на людей. Хорошо известно: чтобы праздник дошел до каждого, получил право на жизнь, он должен быть не только содержательным, но и красивым. Однако при этом, занимаясь оформительской стороной, не следует забывать и об их социальной направленности, в частности против некоторых пережитков прошлого.

Среди этих социальных функций новых праздников и обрядов есть такая, которая требует к себе особого внимания, — атеистическая. Не подлежит ведь сомнению, что одна из самых важных задач здесь — создание таких праздников и обрядов, которые возвышали бы человека, утверждали его величие, славили за труд во имя счастья здесь, на земле. Только в этом случае можно быть уверенным, что влияние религиозной обрядности будет падать, потому что она противоречит нашему образу жизни.

У нас уже немало сделано в этом направлении. Тут надо вспомнить многочисленные дворцы бракосочетания. Их торжественность, соответствующая символика, красивые ритуалы ведут к тому, что все меньше молодых людей сегодня хотят венчаться в церквах. По данным ленинградских исследователей, например, свыше 80 процентов порвавших в последние годы с религией в значительной степени связывают свое решение с влиянием на них новой обрядности.

Вместе с тем следует четко сказать: в организации таких обрядов много еще формального, казенного. Мы, к сожалению, пока слабо используем клубные средства для того, чтобы, например, обряд бракосочетания сделать более волнующим и радостным, включать в него клубные хоры, оркестры, использовать для его проведения прогрессивные местные, национальные обычаи.

Значительно больше предстоит нам поработать над другим важным гражданским обрядом — торжественной регистрацией новорожденных. Сценарии его созданы давно, но результаты разительно отличаются от торжественной регистрации браков. Еще хуже обстоит, к сожалению, дело с похоронным обрядом и проведением «дней поминовения». Все это требует серьезного внимания со стороны органов культуры и общественных организаций.

— Многое тут, очевидно, зависит от организационно-методической стороны дела!

— Да, внедрение новых обрядов не может быть стихийным процессом. Сознательное руководство им означает, что необходимо вести целенаправленный их отбор и распространение. При этом следует внедрять лучшие гражданские обряды, органично возникающие на базе социалистических общественных отношений и активно содействующие решению задач всего комплекса коммунистического воспитания людей. Ну и, конечно же, учитывать при этом особенности различных групп населения, лучшие национальные традиции, исторические традиции и т. п.

Большую целенаправленную работу по пропаганде и внедрению в жизнь новой обрядности проводят общественные советы, созданные во всех республиках, областях, краях страны. На Украине, например, действует республиканская комиссия по изучению и внедрению гражданских праздников и обрядов. В ее составе — партийные работники, представители общественных организаций, ученые, члены творческих союзов.

Заслуживает внимания также опыт Латвийской ССР. Министерство культуры этой республики совместно с республиканским бюро загсов и Министерством коммунального хозяйства организуют семинары по новым обрядам и праздникам, проводят конкурсы на создание сценариев и репертуара, посвященных революционным, боевым, трудовым и бытовым праздникам.

По решению коллегии Министерства культуры Латвии проводятся также конкурсы на лучший район (город) по внедрению социалистической обрядности. Организация праздников и обрядов в масштабе всей республики, четко продуманный порядок их проведения, привлечение к разработке сценариев видных деятелей культуры и искусства — все это обеспечивает успех. Органы и учреждения культуры получают здесь постоянную помощь и поддержку со стороны Совета Министров и Президиума Верховного Совета Латвийской ССР.

Большая организационно-методическая работа по новым праздникам и обрядам ведется органами культуры Российской Федерации. Министерство культуры РСФСР и его методические центры постоянно направляют на места различные пособия по этим проблемам. К этим материалам прикладываются ролик с записью ритуала (музыка, текст) и фотоэскизы оформления зала гражданских ритуалов. Совместно с ЦК ВЛКСМ и обществом «Знание» РСФСР проводятся научно-практические конференции по пропаганде и внедрению новых праздников и обрядов.

Но следует отметить, что не везде эта работа четко скоординирована. А ведь внедрение в быт социалистической обрядности требует именно четкой координации, комплексности в решении ряда теоретических и практических проблем. Взять, к примеру, вопрос, связанный с критическим переосмыслением старых народных обычаев и ритуалов и включением их в новую социалистическую обрядность. Что следует сохранять от прошлого? На сей счет пока не выработаны четкие критерии, что порой приводит или к полному отрицанию всего наследия прошлого, или, напротив, к использованию обрядовых форм, не имеющих ничего общего с народными и слишком далекими от современности. У нас нередко еще забывают о том, что при создании и совершенствовании новых обрядов нужно отбирать все лучшее, истинно народное из старых традиций, помня о классовом подходе к этой проблеме, создавать нетерпимое общественное мнение против уродливых излишеств и искажений в социалистической обрядности.

— Как видим, культурно-просветительным учреждениям отводится большая роль в пропаганде и внедрении новых праздников и обрядов. Какие же, на ваш взгляд, еще существуют трудности, мешающие нашим клубам, дворцам и домам культуры добиваться того, чтобы их деятельность по внедрению новой обрядности отвечала современным требованиям!

— Прежде всего следует отметить, что есть у нас клубы, дома и дворцы культуры, которые неохотно занимаются проведением новых праздников и обрядов, а подчас недооценивают значение этого направления своей деятельности. Справедливости ради надо сказать, что повинны здесь и методические центры, которые не всегда и в нужном количестве направляют на места необходимые рекомендации и пособия.

Важное значение во внедрении новой обрядности имеют подготовка и повышение квалификации работников, занимающихся этим делом. Однако подготовка таких кадров еще не налажена. Очевидно, надо, используя опыт некоторых республик, организовывать на местах специальные семинары или курсы. Большую помощь в оформлении праздников и обрядов призваны оказывать наши художественно-оформительские мастерские, созданные во многих парках культуры и отдыха, в районных домах культуры.

Во всех институтах культуры в настоящее время ведется подготовка режиссеров массовых театрализованных представлений. Программы, как правило, предусматривают обучение искусству ставить театрализованные представления, в том числе и различные ритуалы и обряды. Назрела необходимость в издании специального учебного пособия.

Творческие союзы, профессиональные художественные коллективы должны усилить методическую помощь культурно-просветительным учреждениям, всемерно используя опыт проведения конкурсов на лучшую постановку праздника, обряда. В этой связи мы возлагаем большие надежды на создаваемые в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» республиканские, областные и краевые научно-методические центры народного творчества и культурно-просветительной работы.

Торжественная регистрация брака в Узбекистане.

Праздник «Проводы русской зимы» в Заельцовском парке культуры и отдыха в Новосибирске.

Парад участников Праздника урожая в Ташкентской области.

Идет обряд имянаречения.

— Тамара Васильевна, скажите, пожалуйста, что намечает делать Министерство культуры СССР для усиления пропаганды и внедрения в жизнь советских праздников и обрядов!

— В настоящее время мы предпринимаем ряд мер по дальнейшему повышению активности органов и учреждений культуры в этом важном деле. Так, на коллегии Министерства культуры СССР был рассмотрен вопрос «Об участии органов и учреждений культуры Латвийской ССР в разработке и организации проведения советских праздников и обрядов, связанных со знаменательными событиями в жизни человека». В принятом постановлении даны соответствующие поручения органам и учреждениям культуры и искусства союзных республик, направленные на то, чтобы они более активно участвовали в развитии советской обрядности.

Учреждениям культуры страны предстоит в содружестве с учеными усилить научную разработку проблем советской обрядности. А репертуарно-редакционные коллегии Министерства культуры СССР и министерств культуры союзных республик должны будут уделить самое пристальное внимание осуществлению государственных заказов на сценарии, литературные, музыкальные и хореографические произведения, произведения изобразительного искусства, документальные и учебно-методические кинофильмы о советских праздниках и обрядах, привлекая к исполнению этих заказов наиболее выдающихся деятелей литературы и искусства. Намечено также широко привлекать к проведению обрядов профессиональных артистов, литераторов, лучшие коллективы художественной самодеятельности.

Очень многое в деле внедрения новых обрядов зависит от их организаторов. Высшим и средним учебным заведениям культуры и искусства предложено рассмотреть вопрос о введении специальных курсов, семинаров, факультативных занятий по советской обрядности, о подготовке учебных пособий по этим курсам. Вопросам подготовки и повышения квалификации организаторов советских праздников и обрядов больше должны уделять внимания институты, факультеты и курсы повышения квалификации работников культуры, народные университеты культуры.

При всем этом, повторяю, сложная и большая работа по обобщению, распространению и внедрению социалистической обрядности требует четкой координации.

Обрядам нужна музыка

Г. ТЕРПИЛОВСКИЙ, композитор

Жизнь рождает новые традиции. Такие извечные житейские события, как свадьба, проводы в армию, встреча Нового года, дополнены в наше время вереницей новых обрядов и праздников, очень красивых и запоминающихся (особенно, когда они проводятся с душой, не формально). Достаточно назвать хотя бы день вручения первого паспорта, посвящение в рабочие и хлеборобы или чествование ветеранов труда...

А многие ли из этих обрядов и праздников нашли достойное музыкальное решение? Отнюдь, нет. Между тем не приходится доказывать, насколько более яркими, волнующими стали бы они, если бы на помощь пришли волшебные свойства музыки, способной выразить то, что не скажешь словами.

Композиторы-классики оставили нам прекрасные образцы бытовой и обрядовой музыки — «Свадебный марш» Ф. Мендельсона может служить отличным примером. А что равное ему можно назвать из нашего современного музыкального фонда?

Как ни парадоксально, подлинно обрядовыми стали песни, которые писались авторами не для этой цели. «Песня о встречном» Д. Шостаковича украшает, например, праздники коммунистического труда, так же как и «Марш энтузиастов» И. Дунаевского. Песня Д. Кабалевского «Первый класс, в первый раз...» как нельзя лучше отвечает обряду первого школьного дня. И все эти песни сошли с киноэкрана.

Перед нашими поэтами и композиторами стоит почетная задача — создать новые обрядовые песни и сценарии. А художественная самодеятельность оказала бы неоценимую помощь в деле их популяризации.

В Перми, где я живу, кое-что в этом направлении делается. Причем творческая мысль авторов пошла по двум несходным, но одинаково правомерным путям.

Одни используют поэтическое и музыкальное наследие старины. Например, сценарий и музыка к празднику золотой свадьбы (текст Ю. Суслова, музыка Г. Векшина) написаны с широким привлечением фольклора. Импульсом для поисков такого рода послужила книга И. Зырянова «Чердынская свадьба».

Известный собиратель фольклора Л. Христиансен бережно записал с напева пермячки В. Овчинниковой народную «вешнелуговую» песню «Оплакивание березки». Дворец культуры имени Ленина намеревался под этот напев возродить старинный народный обряд, но дальше благих намерений дело, к сожалению, не пошло.

Другой путь избрали авторы, которые считают, что новые обряды требуют нового поэтического и музыкального языка.

Известно, например, что получение первого паспорта может свестись к простой формальности, а может быть превращено в настоящий праздник. Пермский клуб имени Маяковского делает все, чтобы 16-летним юношам и девушкам запомнился этот день. Торжественную церемонию вручения паспорта заключает литературно-музыкальный монтаж, в котором звучит и моя песня на стихи В. Зацоренко «Нас юность венчает».

Во многих домах культуры Эстонии есть магнитофонные записи этой песни на эстонском языке (она издана Домом народного творчества Эстонской ССР). Новая современная форма празднования совершеннолетия именно там приобретает особенно важное значение: она противостоит церковному обряду конфирмации.

Этим не исчерпывается пермский вклад. Так, обряду посвящения в рабочие адресована песня «Наши руки, Родина, прими», написанная пермским композитором Л. Карусовым на стихи Б. Веретенникова.

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» призывает нас, творческих работников, без склонности к парадности переосмыслить сделанное. Чем придирчивее просматриваем мы сделанное творческим отрядом Прикамья для советских обрядов, тем менее удовлетворительными кажутся результаты. Не станем оправдываться слабой поддержкой начинания местным комитетом телевидения и радиовещания. Еще менее подобало бы искать утешения в том, что и повсюду дело обстоит не краше.

Кстати, насчет пресловутого «повсюду». Автор этих строк пытался с помощью Ленинской библиотеки установить, какими нотами — будь то песни или инструментальная музыка — обогатили советские композиторы новую обрядность. Ответ гласил: «В связи с вашим запросом мы обращались в ЦДНТ им. Крупской и в Союз советских композиторов, где нам сообщили, что музыки, написанной специально к новым советским обрядам, еще нет». Правда, дальнейшие коллективные усилия библиографов Ленинской библиотеки опровергли столь пессимистический вывод: за последние шесть лет в СССР издано лишь девять сборников с нотами, посвященными советским обрядам, правда на русском языке только два — в Москве и в Магадане.

Музыкальное искусство нигде, пожалуй, так непосредственно не соприкасается с коммунистическим воспитанием масс, как в сфере новой обрядности. Однако к целому ряду знаменательных событий, таких, как вступление в комсомол, посвящение в рабочие и хлеборобы, день ухода на пенсию, музыки написано крайне мало или вовсе не написано.

Каждая удачная новая обрядовая песня может стать вкладом в дело эстетического воспитания трудящихся. Ради этого стоит поработать!

г. Пермь

К КОМУ И КАК МЫ ОБРАЩАЕМСЯ

ЗАМЕТКИ ЛЕКТОРА

Н. АДРИАНОВА

Вопросы после лекции. Их ждешь всякий раз с невольным волнением. Они — первое свидетельство того, насколько полно сумел осветить тему, донести до людей свои мысли и чувства, правильно ли оценил возможности аудитории. Записки из зала — как визитные карточки слушателей. В одной удивляет откровенное незнание простых вещей, в другой вдруг ощутишь трепетную муку мятущейся души, обиженного, страдающего сердца. И каждый такой вопрос вызывает массу ответных, возникает острая потребность превратить своих слушателей в собеседников, чтобы вместе, размышляя и споря, искать решение проблем, с которыми сталкивается каждый из нас.
Так родились эти заметки с вопросами к тем, кто постигает трудную науку атеистического воспитания и постоянно совершенствуется в ней.

ПЕРЕДО МНОЙ стопка записок из зала — полученных от участников районного семинара, посвященного формам и методам атеистической работы в коллективе. И почти каждая содержит один и тот же вопрос — **«Как?»**: **Как** оформить «уголок атеиста»? **Как** подготовить беседу? **Как** провести атеистический вечер?..

Вопросы закономерные. Даже многие выпускники двухгодичных университетов, семинаров научного атеизма, то есть люди достаточно подготовленные, порой имеют весьма смутное представление о методике практической работы. Отчасти это можно объяснить тем, что она разрабатывается еще слабо, почти нет соответствующей литературы, во всяком случае достаточно популярной и массовой. А подготовленные на местах методические пособия нередко рекомендуют то, от чего уже давно пора отказаться. По пальцам можно перечесть и специалистов, компетентных в этой проблеме.

Но встревожило другое. За всеми этими «Как?» не ощущался главный вопрос — «Зачем?», какая цель преследуется оформлением стендов, выставками книг, устными журналами? Кому они адресуются? Какой результат ожидается от каждого такого мероприятия? Настораживало это вопросное мелкотемье еще и тем, что отражало определенную безынициативность, привычку работать с оглядкой на апробированный или утвержденный той или иной инстанцией стандарт. Маленькая, но характерная в этом отношении деталь: авторы записок спрашивали: **как правильнее** (не лучше, эффективнее, доходчивее, а всего лишь правильнее) делать то-то и то-то.

В том, что моя внутренняя тревога здесь была оправданной, я убедилась, когда перед тем, как приступить к ответам на записки, спросила у сидящих в зале: «Как вы думаете, а нужны ли сейчас эти самые уголки атеиста?» Зал недоуменно зашумел. Наверное, похожие чувства вызовет этот «кощунственный» вопрос и у многих читателей. В самом деле, разве не с «уголка атеиста» еще в школе начиналось приобщение к атеизму многих из нас? И не он ли прежде всего наглядно свидетельствует об атеистической работе в коллективе?

Однако вопрос этот был задан не случайно. На своем веку я повидала множество самых разных «уголков» — от примитивных и безграмотных до тех, что, наверное, можно было бы считать эталоном. Но при всех различиях было у них одно общее: они «не работали»... Почему?

На мой взгляд, «уголки атеиста» и другие подобные им формы пропагандистской работы в наши дни нередко теряют свою былую эффективность потому, что перестают отвечать требованиям времени, вступают в противоречие и с массовым атеистическим сознанием, и с возросшим уровнем культуры, образованности, информированности масс. Большинство людей сегодня практически не читают помещенные в «уголках атеиста» материалы потому, что убеждены: они адресованы верующим. А у верующих уже само название стенда, которое они воспринимают не в широком смысле слова, а прежде всего как нечто антирелигиозное, вызывает негативное отношение еще до того, как они решатся здесь что-то прочесть. Да и в самом слове «уголок» проглядывает что-то школярское, как бы подчеркивающее малозначительность, дежурность помещенных тут материалов.

«Чего же проще! — скажут некоторые. — Надо просто сменить название, найти более выразительное и современное. И проблема будет решена». Увы! Дело не в смене вывесок...

Вспомним тут в первую очередь требования XXV съезда партии, последующих постановлений и документов о совершенствовании идеологической работы — их четкую главную мысль о необходимости комплексного подхода ко всему делу коммунистического воспитания, в которое неотъемлемой частью входит и воспитание атеистическое. В самом деле, касаемся ли мы в своей пропагандистской работе мировоззренческих проблем, нравственных принципов и жизненных ориентиров советского человека, его гражданской позиции, патриотической и интернациональных традиций, всей многообразной гаммы его мыслей и чувств, — мы тем самым закономерно воздействуем и на пробуждение, закрепление и развитие в его сознании атеистических взглядов и убеждений.

Хочу быть правильно понятой. Я не против «уголков атеиста» как таковых. Тот же уголок, полка, книжная витрина «В помощь пропагандисту-атеисту» вполне уместны, например, в кабинете политического просвещения. Я за точно выбранный адрес (с обязательным учетом специфики каждой группы населения) такого обращения к человеку, к его мыслям и чувствам, за комплексное решение атеистических задач и против излишнего щеголяния вывеской атеизма, о чем предупреждали в своих произведениях классики марксизма-ленинизма, так как подобная практика порой сужает аудиторию, с которой мы работаем.

Предвижу вопрос: «Что же следует рекомендовать взамен устаревших форм?»

Я вовсе не ставила перед собой задачу дать в этих заметках какие-то конкретные рекомендации к каждому случаю. Они задумывались как приглашение к размышлению, разговору, наконец, к творческому осмыслению того нового, что рождается буквально на наших глазах, отражая в свою очередь важные социальные явления и процессы в духовной жизни нашего общества.

Не случайно я начала разговор с «уголков атеиста». Тема наглядности в атеистической пропаганде, пожалуй, менее всего разработанная с точки зрения методики, всегда вызывает больше всего вопросов у актива. Но при всей бедности находок, какого-то яркого опыта в этом направлении, мне кажется, можно говорить о продиктованных жизнью уже сложившихся закономерностях, которые могут служить достаточно четким ориентиром при решении конкретных методических задач.

Сошлюсь на несколько примеров.

Как-то одна из командировок привела меня в поселковый дом культуры. Ожидая директора, увидела в фойе небольшую — всего 12 работ — выставку местного фотокружка. Подписей под фотографиями не было: видимо, все изображенное — и достопримечательности поселка, и люди — было достаточно хорошо известно посетителям. А я подумала: если дать каждому снимку соответствующее название, — многие из этих фоторабот смогут стать хорошей иллюстрацией к некоторым статьям нашего журнала.

Вот большая жанровая фотография. В центре — две нарядные и задорные девчонки идут, приплясывая, по поселковой улице, что тянется вдоль монастырской стены. За ними — двое молодых ребят с транзисторами в руках. Один оглянулся, и во взгляде, обращенном к ссохшейся, повязанной черным платком женщине, читается жалость к ней. Убегающая от веселья и помимо воли замедляющая шаг молодая монашка... Казалось, фотография так и спрашивает: «Современные верующие — какие они?»

А вот групповой портрет — три подружки. В центре — юная красавица с косой. Она явно и кокетливо позирует перед объективом. А наш взгляд, как и взгляд фотографа, останавливается на крестике, таком неуместном на девичьей шее. И снова рождается подпись-вопрос: «Что это — мода или убеждение?»

И другие снимки — скромный памятник погибшим односельчанам, перед которым склонила свои плакучие ветви береза (я назвала его «Бессмертие»), утренний пейзаж («Земная благодать»), старик со старухой на завалинке дома с натруженными, устало лежащими на коленях руками («Смысл жизни») — тоже «работали» на атеистическое воспитание.

Или другой пример. В одном из цехов крупного московского завода, когда я поинтересовалась состоянием атеистической работы в коллективе, мне с удовлетворением и гордостью показали «молнию», в которой сообщалось, что работница М. выполнила полторы месячные нормы. Тут же — улыбающийся портрет героини события, сердечные слова поздравления и автографы членов бригады, в которой она работает. Обыкновенная с виду «молния». Но оказалось, что эта трудовая победа и сама улыбка на лице молодой женщины, еще недавно тихой, угрюмой, фанатично верующей, — результат кропотливой, повседневной воспитательной деятельности актива, атмосферы внимания и заботы в коллективе. Кстати, этот листок М. до сих пор хранит как самую дорогую семейную реликвию.

Пропагандистом-атеистом подчас выступает сама наша действительность. Как-то перед лекцией, которая проходила в цеховом красном уголке, я обратила внимание на застекленную витрину с реликвиями коллектива: грамотами, вымпелами, памятными подарками друзей. Рядом, на реечном стенде, будто отдельные листки календаря, — короткие иллюстрированные фотографиями сообщения о самых разных событиях в жизни цеха: вручение почетных грамот победителям соревнования, чествование ветерана в связи с 30-летием его рабочего стажа, члены добровольной народной дружины на дежурстве... В ходе выступления я использовала эти уже примелькавшиеся моим слушателям фото как иллюстрации к отдельным положениям лекции. И по лицам людей видела, как слова мои обретали новую убедительность. Столь хорошо известная им экспозиция вдруг неожиданно обернулась для них иной стороной — утверждала и убеждала их, что заслуги не перед богом, а перед обществом, перед людьми, определяют истинную ценность человеческого бытия. И не с оглядкой на «грядущий суд божий» сверяем мы в своей жизни дела и помыслы, а держим ответ перед единственным судом — товарищей, коллектива, судом совести человека и гражданина.

Каюсь, мне всегда казалось, что труднее всего вести атеистическую работу в научном коллективе. Что можно предложить, чем заинтересовать эту очень сложную для пропагандиста аудиторию? И вот совсем недавно в одном из отделов научно-исследовательского института, с которым поддерживаю постоянные контакты, увидела любопытную новинку: крохотную аккуратную витрину с ящичком в нижнем правом углу и симпатичным шутливым названием: «Прочитай — не пожалеешь!» По замыслу создателей, это постоянно действующая рекомендательная книжная выставка. Начинала затею группа энтузиастов, теперь к ней причастен весь коллектив. Каждый, прочитав интересную философскую, специальную, художественную или даже детскую книжку, спешит поделиться своим впечатлением в короткой эмоциональной рецензии-аннотации.

Я заинтересовалась: как родился тот, «атеистический» выпуск, который увидела, и почему в ящичке лежит «Карманный словарь атеиста»? Оказалось, в одном из предыдущих выпусков, посвященном новинкам детской литературы, было предложено (а здесь всякое предложение, как правило, реализуется) собрать и опубликовать образцы детского мышления и речи, озаглавив их «Из семейных собраний». В результате получился необычный тематический номер стенгазеты, иллюстрированный портретами авторов изречений. На стенде решили поместить высказывания ребят из «коллекции» педагога-историка, жены одного из сотрудников. То, как школьники объясняли различные религиозные и церковные термины, поначалу выглядело забавно, даже комично.

А потом ребячьи изречения навели сотрудников отдела на серьезные размышления о том, почему и как ушли из нашей жизни многие понятия и представления близких к нам по времени поколений. Под ребячьими высказываниями появился вопрос: «А как вы объясняете те же термины?» Оживленно дискутировались различные формулировки. Затем кто-то подложил в ящичек словарь, в который многие захотели заглянуть — проверить себя. И как итог родилось решение: прослушать цикл лекций «Атеизм, религия, современность»...

Что же общего во всех этих примерах? Что привлекает и дает отклик в сердцах людей? Прежде всего — эмоциональная и информационная насыщенность, тактичный атеистический подтекст. И еще — четко выраженный побудительный момент, всякий раз подводящий человека к определенному мировоззренческому выводу. Чем более широкую гамму наших чувств и мыслей затрагивает выставка книг или детских рисунков, экспозиция репродукций или фоторабот, тем более комплексно, а стало быть и многограннее, воспринимаем мы заложенную в них идею, тем ближе, понятнее становится атеистичность нашей действительности.

При этом следует отметить, что все такие формы работы по сути своей — хорошо известны. Но мы их, к сожалению, не всегда умеем как следует осмысливать в нужном нам направлении. В то же время и новое тут далеко не гарантирует от формализма и шаблона...

Как-то мне довелось присутствовать на открытии обрядовой комнаты в одном из дворцов культуры. Оформлена она была эффектно, с использованием светящихся красок, световых цветных панно, даже элементов голографии. Но за всем этим не ощущалось теплоты, атмосферы доброго человеческого уюта, волнующего внимания. Уже первые церемонии здесь прошли казенно, бездушно, и оригинальность оформления только подчеркивала это. Так ложно понятая современность зачеркнула добрую идею, нанесла ущерб новому, нужному и актуальному делу.

А вот пример другого рода. Выступала я как-то с лекцией в маленьком отдаленном селе. По ходу выступления чувствую, что аудитория много сложнее, чем предполагала. А уж когда дошло до вопросов — задают один каверзнее другого. «Секрет» такой высокой осведомленности моих слушателей раскрылся скоро — как только увидела скромный, без фантазий клубный стенд «Спрашивай — отвечаем». Местный библиотекарь, она же заведующая клубом, услышала как-то на одном из семинаров, что в атеистической работе можно использовать сборник «100 ответов верующим», и стала добросовестно выполнять эту рекомендацию. Крупно выписывала на стенде вопрос из оглавления этой книжки (например, «Религия утешает человека, разве это плохо?»), затем, переписав соответствующий текст из того же сборника, тут же давала на него короткий ответ. Чуть ниже делала приписку: «Подробнее об этом можно прочесть в таких-то книжках». Естественно, в сельской библиотеке многих из рекомендованных в сборнике книг не было, пришлось их доставать через соседей, по межбиблиотечному абонементу. В результате за два года многие читатели проштудировали массу серьезных книг по атеизму...

Перечень подобных примеров можно было бы продолжить. Все они убеждают: дело совсем не в том, **что** применять в практической работе по атеистическому воспитанию, а **как** применять. Надеюсь, сами читатели не замедлят откликнуться и поделятся тем, на что они обратили внимание при встрече с конкретным опытом, что придумано и найдено ими самими, в каком направлении идет поиск, что волнует и тревожит их в постановке нашего общего дела, какой видят методику атеистической пропаганды, что от нее ждут...

■ ■ ■

Лектор-атеист отвечает на вопросы своих слушателей. Таджикская ССР.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В. МАЗОХИН

Важную роль в совершенствовании, подъеме на уровень требований нашего времени методов и содержания пропагандистской и воспитательной деятельности играет повышение квалификации идеологических кадров. Осуществляя эту задачу, правление общества «Знание» РСФСР организовало постоянно действующий республиканский семинар лекторов-атеистов. Очередное занятие его состоялось в декабре минувшего года в г. Суздале.

Лекторы, съехавшиеся со всех концов необъятной Российской Федерации, в течение трех дней прослушали цикл докладов на тему «Современная идеологическая борьба и религия», обменялись опытом своей работы.

Говоря об особенностях идеологической борьбы на современном этапе, выступивший с докладом по этому вопросу лектор Отдела пропаганды ЦК КПСС кандидат исторических наук А. А. Сазонов, в частности, обратил внимание на то, что, несмотря на многие антикоммунистические теории, пущенные в оборот идеологами капитализма начиная с 1917 года, ни одна из них не выдержала испытания временем. То, что это — один из симптомов углубляющегося духовного кризиса буржуазного общества, вынуждены признавать даже некоторые из его идеологов. Они, например, сетуют на то, что Запад сегодня страдает от кризиса своих убеждений из-за отсутствия у него единой социальной философии, в то время как у мира социализма такая философия есть — марксизм-ленинизм. С тем большим упорством, подчеркнул докладчик, наши идейные противники пытаются подорвать морально-политическое единство народов социалистических стран.

Характеризуя разветвленную пропагандистскую машину, поставленную на службу антикоммунизму и антисоветизму, А. А. Сазонов привел цифры, показывающие размах этих идеологических диверсий. Так, если первые послевоенные годы на СССР вещали всего лишь две буржуазные радиостанции — «Голос Америки» и «Би-би-си» — притом только на русском языке, то ныне подобное вещание уже ведется 39 центрами на 29 языках народов СССР, а общая его продолжительность превышает 250 часов в сутки.

О том, какие надежды западные стратеги психологической войны возлагают при этом на антисоветскую пропаганду, подаваемую под религиозным соусом, свидетельствует хотя бы тот факт, отметил в своем выступлении участник семинара кандидат философских наук В. Н. Лентин (Владивосток), что только на русском языке подобное псевдорелигиозное вещание достигает нескольких десятков часов в сутки.

Ряд докладов на семинаре был посвящен разоблачению роли различных отрядов клерикального антикоммунизма в общем хоре антисоветских и антисоциалистических голосов. В частности, заместитель директора Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС доктор философских наук, профессор В. И. Гараджа проинформировал слушателей о широких масштабах деятельности ультраправых протестантских фундаменталистских групп в США, выступающих под флагом так называемого «Международного совета христианских церквей» и объединенных во всякого рода «крестовые походы» и другие антикоммунистические организации [1].

Коротко охарактеризовав далее подрывную деятельность таких межконфессиональных антикоммунистических центров, как «Международная миссия для коммунистического мира», — имеющая, кстати, филиалы в 40 буржуазных странах, — или швейцарский «институт» «Вера во втором мире» (так западные политологи именуют социалистические страны), «Центр по изучению религии и коммунизма» (Англия) и «Общество взаимопомощи мусульман» (Турция), докладчик показал, что это лишь немногие из десятков подобных организаций, орудующих на фронтах психологической войны.

Самым крупным и влиятельным из международных клерикальных центров, занимающих антикоммунистические и антисоветские позиции, констатировал В. И. Гараджа, как и прежде, продолжает оставаться Ватикан. От тактики открытого анафематствования коммунистов, характерной для понтификатов Пия XII и его предшественников, папство примерно с начала 60-х годов перешло к более гибкой и завуалированной, но по сути своей не менее враждебной социализму тактике, учитывающей полевение масс на Западе и возросший авторитет социалистического содружества на международной арене. Позитивной чертой этой тактики были некоторые шаги, предпринятые Иоанном XXIII и Павлом VI в поддержку разрядки международной напряженности и борьбы народов развивающихся стран, а также по нормализации отношений Ватикана с некоторыми социалистическими государствами. Однако нынешний глава католической церкви, в отличие от двух своих предшественников, занял по упомянутым и некоторым другим вопросам куда более консервативную позицию [2].

О поддержке Ватиканом антисоветского эмигрантского охвостья самораспустившейся в 1946 году антинародной униатской церкви говорил на семинаре кандидат философских наук Е. В. Анисимов (Москва). С этой целью «святой престол» не только возвел в кардиналы фашистского пособника, буржуазного националиста и бывшего униатского архиепископа Иосифа Слипого, но и поддержал его нынешнюю провокационную попытку самозванно провозгласить себя «патриархом всея Украины».

Об активизации в последние годы, в особенности в связи с приближением тысячелетия «крещения Руси», подрывной деятельности Карловацкой религиозно-политической группировки [3], после войны обосновавшейся в США, рассказал на семинаре заведующий кафедрой научного атеизма Ленинградского пединститута имени Герцена доктор философских наук Н. С. Гордиенко. В частности, в 1977 году эта группировка даже создала специальную комиссию по подготовке к тысячелетнему «юбилею».

Лейтмотивом всей устной и печатной пропаганды «русской зарубежной церкви» являются не имеющие ничего общего с религией демагогические попытки объявить советский строй «случайным явлением в истории России», у которого, мол, нет будущего.

О взглядах и характере деятельности религиозных экстремистов рассказал в своем докладе старший научный сотрудник Института научного атеизма кандидат философских наук Э. Г. Филимонов [4].

Немало внимания было уделено на семинаре проблемам мировоззренческого воспитания советской молодежи, которую зарубежная буржуазная, в том числе клерикальная, пропаганда рассматривает как главный объект своих идеологических диверсий.

Характерны при этом, говорил в своем выступлении В. Н. Лентин, попытки привлечь подрастающее поколение к слушанию западных радиопередач такими, например, в общем-то нехитрыми приемами, как концерты поп-музыки, непрошенная высылка молодым радиослушателям рекламы этих концертов и т. д. И все это лишь ради того, чтобы завязать с ними переписку. А потом письма таких наивных юношей и девушек цитируются в зарубежных радиопередачах, разумеется с соответствующими, то есть антисоветскими, комментариями. Практикуются также «радиоинтервью» с молодыми верующими, записанные на магнитофонную ленту религиозными экстремистами, а затем пересланные на Запад. Нередко радиопередачи для молодежи сопровождаются исполнением песен религиозного содержания на популярные музыкальные мотивы. А некоторые клерикальные радиостанции («Радио Монте-Карло», «Голос дружбы» и др.) даже ведут регулярные детские программы.

Буржуазная пропаганда, сказал заведующий кафедрой истории и теории научного атеизма МГУ доктор философских наук, профессор М. П. Новиков, пытается также использовать естественный интерес молодых к политическим и мировоззренческим вопро-

---

[1] Более подробно об этом см. в статье В. Никитина «По стопам Ку-клукс-клана». «Наука и религия», 1980, № 1.

[2] Подробнее о политике Иоанна-Павла II см. в статьях И. Вамоша и В. Мыслэка. «Наука и религия», 1980, № 1, 3.

[3] См.: Н. Гордиенко, П. Комаров и П. Курочкин. Политиканы от религии. Правда о «русской зарубежной церкви» (М., 1975); «Наука и религия», 1975, № 8—12.

[4] Более подробно о религиозном экстремизме см. статью Э. Филимонова в № 2 «Науки и религии» за этот год.

сам, чтобы посеять в их среде сомнения, безразличие и разочарование в идеалах коммунизма. Важная роль в воспитании молодежи принадлежит кафедрам общественных наук, в том числе и кафедрам научного атеизма. Задача их преподавателей, подчеркнул докладчик, не только добиваться усвоения студентами общественных дисциплин, но и воспитывать у них коммунистическую убежденность и ценностную ориентацию.

Многие участники семинара поделились опытом своей работы. Лектор отдела пропаганды и агитации Брянского обкома КПСС В. И. Новиков рассказал о вкладе местных средств массовой информации в атеистическое воспитание населения. «Блокнот агитатора», издаваемый Брянским обкомом партии, например, публикует разработки лекций и обзоры литературы по этой тематике. Статьи по проблемам свободы совести и советского законодательства о религиозных культах, об опыте атеистической работы печатаются областной газетой под рубрикой «В помощь лектору и пропагандисту». Эти материалы читают и верующие, отметил В. И. Новиков. Так, некоторые сектанты, одно время требовавшие освободить их сыновей от воинской обязанности, прочитав статьи, разъясняющие принципы Конституции СССР, осудили в письме в редакцию экстремистов, подстрекавших их к уклонению от выполнения священного гражданского долга. Большую помощь пропагандистам оказывает также областное радио. Здесь создан журнал «В нашем клубе атеистов», проведен цикл из семи бесед на тему «Социализм и свобода совести». К сожалению, однако, заключил свое выступление лектор из Брянска, в области пока еще мало пропагандистов, способных выступить по радио и телевидению.

Интересным опытом газеты «Роте фане», выходящей для трудящихся немецкой национальности в Алтайском крае, поделился ее редактор Р. В. Эрхардт. Вот уже около двух десятков лет газета раз в месяц помещает специальную атеистическую полосу. Авторы ее разоблачают фальшивки буржуазной радиопропаганды о мнимом преследовании за веру в нашей стране, раскрывают истинное лицо экстремистских вожаков из числа бывших меннонитов, разъясняют ленинские принципы свободы совести, воплощенные в Конституции СССР.

На семинаре выступил инструктор Отдела пропаганды ЦК КПСС доктор философских наук Э. И. Лисавцев.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ФОРУМ

В конце прошлого года в Москве состоялось совещание заведующих кафедрами научного атеизма высших учебных заведений страны. Основы научного атеизма — обязательный предмет более чем в 500 вузах. Созданы 24 специализированные кафедры, разработана программа, выпущен учебник. За 15 лет преподавания основ научного атеизма накоплен большой опыт. Помимо обязательных занятий, определены формы и методы практических работ студентов. При кафедрах созданы клубы атеистов, все больше студентов участвуют в конкурсах рефератов по проблемам научного атеизма.

Все это говорил в своем докладе начальник управления преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР профессор А. М. Коршунов. Он обратил внимание заведующих кафедрами и на недостатки в работе.

Докладчик остановился на очередных задачах, подчеркнул значение более тесного сотрудничества с комсомольскими организациями, вузовскими многотиражками, редакциями стенгазет, советами кураторов и т. д. Он говорил о том, что нужно добиваться углубления мировоззренческого осмысления каждой лекции, расширения студенческого актива атеистов, совершенствования методов индивидуальной работы со студентами, начиная с первых курсов.

Вопросам разработки комплексных тем и координации научно-исследовательской работы кафедр посвятил свой доклад заведующий кафедрой истории и теории научного атеизма Московского государственного университета профессор М. П. Новиков. Он отметил успехи кафедр научного атеизма Ленинградского, Киевского и Ташкентского désинститутов, вузов Минска, университетов Азербайджана и Узбекистана. Особое внимание докладчик уделил очередным задачам кафедр в научно-исследовательской работе, подчеркнул, что следует преодолеть автономность и разобщенность научных исследований, теснее увязывать их с учебной работой кафедры.

Практика атеистического воспитания трудящихся требует научной разработки путей воплощения ленинского принципа подчинения борьбы с религией задачам построения коммунистического общества. Недостаточно еще исследованы и освещены проблемы свободы совести, соотношения атеизма и искусства, атеизма и литературы, атеизма как реального гуманизма, а также вопросы эффективности атеистической работы.

Актуальные вопросы атеистического воспитания были проанализированы в докладе директора Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС профессора П. К. Курочкина. Главная наша задача на современном этапе, сказал он,— формирование научного мировоззрения у всего населения. Решению ее способствуют наш советский образ жизни, преимущества социализма, соединенные с современной научно-технической революцией, деятельность партийных и общественных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся. Главный объект атеистического влияния — молодежь и подрастающее поколение. Мы должны содействовать повышению философской культуры и мировоззренческой заостренности процесса обучения и воспитания детей и молодежи. Должны стремиться преодолеть среди некоторой части педагогов индифферентное отношение к вопросам религии и атеизма.

Профессор Н. С. Гордиенко, член комиссии Министерства высшего и среднего специального образования СССР по разработке программы основ научного атеизма для вузов и один из авторов вузовского учебника, внес ряд конкретных предложений по совершенствованию вузовской программы и учебников.

Р. Г. Балтанов (Казань), А. И. Абдусамедов (Ташкент), М. В. Вагабов (Махачкала), А. Б. Базаров (Самарканд) посвятили свои выступления проблемам изучения и преодоления пережитков ислама. Задачи атеистов республик Средней Азии, Кавказа и Закавказья, Казахстана, Татарии усложняются быстрой и гибкой модернизацией ислама, отказом мусульманского духовенства от устаревших представлений и обрядов, отождествлением национального и религиозного и т. п. Актуальны здесь исследования процесса секуляризации сельского населения, проживающего в однонациональной и многонациональной среде, разработка вопросов женской религиозности, атеистического и интернационального воспитания.

И. Г. Иванов, профессор кафедры истории и теории научного атеизма МГУ, отметил, что важнейшая задача курса основ научного атеизма — показывать иллюзорность религиозного взгляда на мир. Он говорил о несостоятельности мнения о том, что всякое научное открытие само по себе опровергает религию. Необходимо философское и мировоззренческое осмысление этих открытий. Доцент той же кафедры К. И. Никонов поднял вопрос о том, что конкретно-социологические исследования нередко проводятся по разным методикам, и, таким образом, исключается их сравнительный анализ. Доцент И. И. Бражник (Киев) сказал о том, что следует больше обращать внимания на разработку вопросов методики преподавания атеизма и атеистического воспитания студентов, в курсе основ научного атеизма необходимо освещать вопросы правового содержания, освещать положение религии и церкви за рубежом. Интересным было выступление доцента В. А. Брянова (Алма-Ата), посвященное применению в преподавании наглядных пособий и технических средств. С большим вниманием участники совещания прослушали выступление профессора Тибора Галечки (ЧССР), поделившегося опытом работы чехословацких атеистов.

И. ЖИВОГЛЯД,
заведующий кафедрой научного атеизма, этики и эстетики Карагандинского университета

Человек из будущего

Владимир ГУБАРЕВ

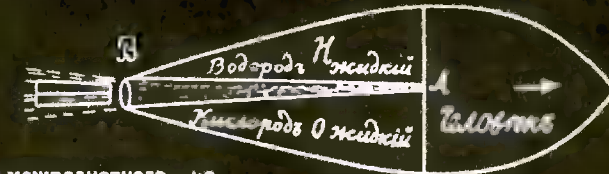
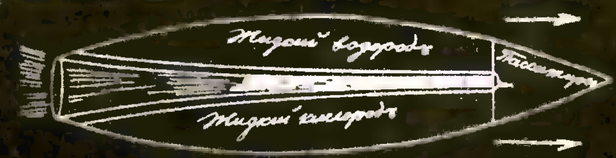

Схема межпланетного корабля из труда К. Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903—1926 гг.).

К. Э. Циолковский.

ПРОТОКОЛ № 776

РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ МАЛОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

От 9/XI-21 года.-

8./7/.-О назначении т.К.Э.Циолковскому пожизненной усиленной пенсии. /Аткенс/.

8.В виду особых заслуг изобретателя,специалиста по авиации К.Э.Циолковского в области научной разработки вопросов авиации,назначить К.Э. Циолковскому пожизненную пенсию в размере 500.000 р. в месяц, с распространением на этот оклад всех последующих повышений тарифных ставок.-

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Члены:

Правительство СССР сделало много хорошего. Но больше всего мне нравится распространение в массах точных и технич. наук. Благодаря этому, я имею возможность всюду говорить и меня поймут в самых глухих углах моей родины. Признание заслуг человека совершенно незамеченного при старом строе, также указывает на прогресс общественного сознания.

Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды.

14 сентября 1935 г

К. Циолковский

Прошло уже 19 лет с того дня, когда космический корабль, преодолев земное тяготение, унес человека в космическое пространство. Этим человеком был космонавт Юрий Гагарин. Он был ПЕРВЫМ.

Сейчас несколько тысяч искусственных спутников летает вокруг Земли, космические аппараты изучают другие планеты, почти сто космонавтов и астронавтов повторили и даже превзошли подвиг Первого.

Но наших космических достижений могло не быть, начало Космической эры могло задержаться на многие годы, если бы на рубеже прошлого и нынешнего веков в провинциальной Калуге гимназический учитель не разработал теорию полетов реактивных аппаратов в Космос. Он глубоко верил, что в будущем человечество вырвется из оков земного притяжения, достигнет других планет и далеких звездных миров. Это была вера ученого, основанная на тщательном изучении законов материального Мира. Имя этого ученого-провидца, основоположника теоретической космонавтики — Константин Эдуардович ЦИОЛКОВСКИЙ.

Он никогда не разделял взглядов официального православия, что вызывало нарекания в его адрес со стороны ревнителей религии. А его научные труды разрушали религиозную картину Мира, и это, конечно, не могло оставить церковь равнодушной. «Санкции» последовали незамедлительно. В 1903 году, когда в «Научном обозрении» готовилась статья К. Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», царская цензура отклонила ее из-за того, что идеи статьи не совместимы с основами религиозного учения. Только вмешательство великого русского ученого Д. И. Менделеева, сказавшего, что изобретенные автором статьи ракеты можно использовать на торжествах в честь августейших особ, позволило опубликовать работу Константина Эдуардовича.

А вот отношение к религии самого Циолковского, высказанное им в интервью корреспонденту калужской газеты «Коммуна» 14 апреля 1928 года:

«Чем мой разум отличается от науки? Наука есть знания, тысячелетиями накопленные даровитейшими людьми. А я у них учился, постигал эти знания, и разум мой их содержит и то еще, что я сам вложу в науку. Мой разум не оставляет места для веры в необъяснимое, для веры в сверхъестественное существо. Тем более он враждебен всей религиозной мишуре — почитанию бога, обрядам, служителям культов.

Через сто лет мои теперешние знания окажутся уже недостаточными и, быть может, неправильными. Но в этом я не ответственен, я признаю все то, что достоверно сегодня, и в этом состоит научное мировоззрение. Повторяю: оно несовместимо с верой в бога».

Так говорил человек, о котором рассказывается в очерке лауреата Государственной премии СССР журналиста Владимира ГУБАРЕВА.

начала видна только светлая точка. На черном фоне она постепенно увеличивается. И вот уже можно различить стыковочный узел «Аполлона». Корабль быстро приближается.

— Есть касание! — это голос Леонова.

...В «Союз» вплывает Стаффорд.

— Здравствуй, Алексей!

— Здравствуй, Том!

В Космосе — первая международная орбитальная станция «Союз—Аполлон».

В перечне работ по программе полета, связанных с герметизацией переходного отсека, включениями двигателя и других агрегатов, жизненно важных для экипажей кораблей, есть одна странная запись: «Оставить автографы на трех книгах». Это книги, вышедшие в Калуге. Книги Константина Эдуардовича Циолковского.

Они вернулись на Землю. И теперь хранятся в Калуге, в музее. Символический акт, конечно. Но он закономерен, потому что скромный учитель из Калуги не только указал, как идти в Космос, но и этап за этапом рассчитал пути проникновения во Вселенную. И чем дальше мы идем по этому пути, тем зримей, величественней и... непонятней нам подвиг Циолковского.

Непонятней?

Да. Потому что трудно, а тем более с высоты сегодняшнего дня, понять, как мог человек сделать такое. Казалось бы, жизнь поставила для него непреодолимое препятствие, обрекла на жалкое существование, а человек смог подняться над обыденностью, он презрел ее и перенесся в будущее. В нем он жил и творил.

Многим современникам до революции он казался несчастным и безумным. Для нас и последующих поколений он — гений, величайший ученый и мыслитель, отец Космической эры человечества.

Помните возвращение Юрия Гагарина? На следующий день после полета, отвечая на вопрос корреспондента газеты, он сказал: «Я просто поражаюсь, как мог правильно предвидеть наш замечательный ученый все то, с чем только что довелось встретиться, что пришлось испытать на себе. Многие, очень многие его предположения оказались совершенно правильными».

На первой пресс-конференции Юрия Гагарина спросили: «Отличались ли истинные условия вашего полета от тех условий, которые вы представляли себе до полета?» «В книге Циолковского очень хорошо описаны факторы космического полета, и те факторы, с которыми я встретился, почти не отличались от его описания», — ответил Гагарин.

— Допустим, что Циолковский мог предвидеть самый первый этап проникновения в Космос, — считает дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Георгий Гречко. — Конструкция ракеты, ее многоступенчатость — помните его «ракетные поезда»? — ну, наконец, корабль и ощущение человека, попавшего в невесомость... Такое предвидение я допускаю... Но меня он поражает другим: глубиной своего проникновения в будущее! Да, да, именно глубиной! Почти четверть века космического уже прошло, а пока каждый этап космонавтики идет «по Циолковскому».

Все, что мы сделали — и у нас в стране, и американцы, Циолковский не только предвидел, но и рассчитал. И это не может не поражать... В истории цивилизации я не знаю такого же примера проникновения в будущее. И чем больше проходит времени, тем лучше мы понимаем Циолковского. Уверен, до конца он еще не раскрыт.

Калуга. Музей Циолковского. Сотни людей, приходящих сюда. И нет равнодушных. Этот великий Циолковский продолжает удивлять.

Великий? А может быть, безумный гений, который во тьме и грязи царской, дореволюционной России мечтал о светлых и красочных восходах солнца в Космосе? Его современники, точнее — большинство из них, пожалуй, имели право считать его безумным. У них были для этого основания, и трудно их осуждать. Они были слишком прикованы к Земле, слишком много сил, энергии и знаний они тратили, чтобы добыть кусок хлеба и не умереть с голода.

В Вятке прошла его юность. И здесь случилась первая в жизни трагедия. В семье Циолковских — Марии Ивановны и Эдуарда Игнатьевича — заболел сын Костя. Скарлатина... И тяжелое осложнение — малыш оглох. «Это самое грустное, самое темное время моей жизни», — так писал позже Константин Эдуардович.

Следствие глухоты — одиночество. Сначала отчаяние, а потом дерзкая мысль: «Искать великих дел, чтобы заслужить одобрение людей и не быть столь презренным». Потом он оправдал свою глухоту. Более того, сказал, что именно ей обязан самостоятельностью мышления. Не будем спорить с самим Циолковским, хотя и трудно с этим согласиться. Наверное, все-таки иное: условия, в которых рос мальчик. Не хватало книг, его любознательность не могла быть удовлетворена. Он напишет: «Я стал интересоваться физикой, химией, механикой, астрономией, математикой и т. д. Книг было, правда, мало, и я больше погружался в собственные мои мысли... Я, не останавливаясь, думал, исходя из прочитанного. Много я не понимал, объяснить было некому и невозможно при моем недостатке. Это тем более возбуждало самодеятельность ума...»

В архиве Академии наук СССР есть несколько листков с чертежами и пометками Циолковского. Он только что познакомился с «Математическими началами натуральной философии» Ньютона. Его первый астрономический урок. На одном из листков пометка: «8 июля 1878 г. Воскресенье. Рязань. С этого времени стал составлять астрономические чертежи».

С. П. Королев и Ю. А. Гагарин.
Фотохроника ТАСС.

Вот он, первый шаг к Космосу, к Вселенной! Здесь истоки великого учения о преобразовании мира. Он еще не знает, что предложить. Он лишь уверен: это обязательно надо сделать. Тетрадка озаглавлена: «Вопрос о вечном блаженстве». Там есть такие строки: «Я вам показываю красоты рая, чтобы вы стремились к нему. Я вам говорю о будущей жизни».

Он не «чистый» мечтатель. Он проводит опыты. Самые первые опыты по космической медицине: «Я... делал опыты с разными животными, подвергая их действию усиленной тяжести на особых, центробежных машинах. Ни одно живое существо мне убить не удалось, да я и не имел этой цели, но только думал, что это могло случиться. Вес рыжего таракана, извлеченного из кухни, я увеличил в 300 раз, а вес цыпленка — раз в 10; я не заметил тогда, чтобы опыт принес им какой-нибудь вред».

Именно с десятикратными перегруз-

ками встретились при посадке Юрий Гагарин, Герман Титов, все первые космонавты, которые летали на «Востоках», «Восходах», «Меркуриях».

1880 год. В городе Боровске новый учитель арифметики и геометрии. В августе у него свадьба. Сразу после венчания учитель едет покупать... токарный станок.

Сумасшедший? Безумный вдвойне, потому что начинает писать научные трактаты! Это в городе, где больше половины жителей не умеют расписываться, не могут ни читать, ни писать; в этом забытом богом городке, где книги есть только у следователя. А учитель — опять-таки в воскресенье! — 20 февраля 1883 года — начинает писать дневник «Свободное пространство».

Циолковский точно описал ощущения Алексея Леонова, вышедшего в открытый Космос: «Страшно в этой бездне, ничем не ограниченной и без родных предметов кругом: нет под ногами Земли, нет и земного неба!»

Стоп: воображение Циолковского пока бессильно. Он еще не может представить, как именно можно передвигаться в этом свободном пространстве, летать в нем. Космос еще сильнее его. И он пишет: «Я заканчиваю пока описание явлений свободного пространства».

Когда бессильна наука, властвует фантастика. Она впереди науки, как мечта, которая всегда опережает действительность. Способность фантазировать, воплощать в реальное свои мысли, которые пока невозможно подтвердить точными расчетами, — необходимость и особенность (кстати, счастливая) человека, занимающегося серьезной наукой. Циолковский пишет повесть «На Луне».

Действительность хоть и отличалась от представлений Константина Эдуардовича, но подтверждала его основные предвидения.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Небо было чернее самых черных чернил! Пустыня с черным однообразным сводом... Ни озера, ни реки и ни капли воды!

А вот впечатления экипажа «Аполлона-11».

АРМСТРОНГ. Из лунной кабины небо казалось черным, а снаружи Луна была освещена дневным светом, и ее поверхность была коричневого цвета. Свет на Луне обладает какой-то странной способностью изменять естественные цвета предметов...

ЦИОЛКОВСКИЙ. Неловкое движение — и лампа разбита, хотя угольная полоска продолжает светиться; будь это на Земле, она сейчас же потухла бы, сгорев в воздухе.

ОЛДРИН. Луна представляет собой весьма удобное и очень приятное место для работы. Она обладает многими преимуществами невесомости в том смысле, что на любое движение там требуется минимальная затрата сил. Оказывается, в лунных условиях не так легко определить свое положение в пространстве. Иными словами, трудно понять, когда ты наклоняешься вперед, а когда назад, и как сильно...

ЦИОЛКОВСКИЙ. Не заметно ни птиц, ни разноцветных бабочек. Одни горы и горы, страшные, высокие горы... Вон долины, равнины, плоскогорья... Сколько там навалено камней...

ОЛДРИН. Находясь на поверхности Луны, мы не ощущали никаких запахов ни в скафандрах, ни в гермошлемах. Вернувшись в кабину и сняв шлем, мы почувствовали какой-то запах. Вообще запах — это вещь весьма субъективная, но я уловил отчетливый запах лунного грунта, едкий, как запах пороха... Сейчас мне трудно сказать, что я думал о значении этого полета. Человеку судьбой было предназначено рано или поздно высадиться на Луне. Этот вызов стоял перед ним с тех пор, как человек впервые взглянул на Луну, и он неизбежно должен был принять его...

Вызов?

Безусловно. Мечтали о Луне многие люди всех поколений, которые знает наша цивилизация. Но именно простому учителю, глухому и задавленному нуждой в провинциальном российском городке, К. Э. Циолковскому предстояло определить и рассчитать, как именно и на чем можно выбраться в Космос и долететь до этой самой Луны.

Советский космонавт А. Леонов и американский астронавт Т. Стаффорд встретились в Космосе (снято с экрана телевизора).

Фото Ю. Сомова (АПН).

Он принял вызов...

Но до ракеты еще далеко. Учитель — в Калуге. Он изобретает, все старается сделать своими руками. Делал модели — их было около сотни, — а затем тщательно исследовал их. Модели обычно изготовлялись из рисовальной бумаги, и поэтому до нашего времени не сохранились. К счастью, Константин Эдуардович увлекался и фотографией. Некоторые снимки, сделанные им, мы можем увидеть. На одном из них надпись: «Москва, Чистые пруды, Мыльников пер., д. Соколова. Его превосходительству Николаю Егоровичу Жуковскому». Естественно, что результаты своих исканий Циолковский сообщает человеку, открывшему путь в небо.

Циолковский увлекается металлическими дирижаблями. Он — конструктор. До сегодняшнего дня его предложения лежат в основе расчетов этих аппаратов. Конечно, ныне век авиации, но, кто знает, не суждено ли нашим детям столь же широко использовать дирижабли, как мы сегодня самолеты?! Очень уж удобен этот вид транспорта для различных районов и нашей страны, и всей планеты.

В Калуге, как и в других городах России, в те годы гастролировали воздухоплаватели. Их полеты видел Циолковский. И он начинает увлекаться «ближним Космосом». Впрочем, иначе поступить и нельзя: мир потрясен первыми шагами в небо. «Этажерки», воздушные шары, разнообразные аппараты... Приближается эпоха авиации.

Новая сенсация: раз человек может летать, значит, и марсиане тоже. Оказывается, на Землю прилетают... дирижабли с других планет. Их много раз видели над американскими городами. Мир потрясен. Люди только и разговаривают о пришельцах. А Циолковский уверен в множественности разумных миров. Но, как и подобает ученому, свои размышления он основывает на реальных данных.

Иные миры? К ним нужно лететь. И Циолковский вновь склоняется над рукописью. Теперь он уже готов вернуться к продолжению работы над главной своей книгой. Той, что потом будет летать на борту станции «Союз—Аполлон», на которой оставят автографы астронавты и космонавты.

У него нет денег на переписку на машинке. И он пишет карандашом под копирку. Небольшую дощечку кладет на колени — так удобнее. «Исследование мировых пространств реактивными приборами»... «Эта моя работа, — пишет Циолковский, — далеко не рассматривает со всех сторон дела и совсем не решает его с практической стороны относительно осуществимости; но в далеком будущем уже виднеются сквозь туман перспективы, до такой степени обольстительные и важные, что о них едва ли теперь кто мечтает».

Выходит эта часть книжки в Калуге. А на Украине, под Петербургом, в Риге, в далекой Сибири рождаются люди, которым суждено сделать мечту Циолковского явью. Королев, Глушко, Келдыш, Пилюгин, Янгель, Исаев...

Ракетный двигатель, многоступенчатая ракета — именно ей отдает предпочтение мечтатель из Калуги. Циолковский ждет, как оценят его труд спе-

циалисты, ученые. И полное молчание. Никто не замечает книги, изданной автором на собственные средства. Да, ее будут читать очень внимательно. Но спустя много лет — те самые мальчики, которые только что вступили в мир, научатся читать и смогут по достоинству оценить великое предсказание.

Неистовый Циолковский не может успокоиться. В очередной своей брошюре он обращается к неизвестным своим читателям: «Интересующиеся реактивным прибором для заатмосферных путешествий и желающие принять какое-либо участие в моих трудах, продолжить мое дело, сделать ему оценку и вообще двигать его вперед так или иначе, должны изучить мои труды, которые теперь трудно найти: даже у меня только один экземпляр... Пусть желающие приобрести эту работу сообщат свои адреса. Если их наберется достаточно, то я сделаю издание с расчетом, чтобы каждый экземпляр... не обошелся дороже рубля».

Но желающих нет. До космического века еще далеко. Да и Россия переживает бурный период. Приходит Великий Октябрь. Он изменил и жизнь народа, и жизнь каждого человека. И, конечно же, Циолковского. А пока трудно: голод, разруха. Новое правительство всеми силами пытается сохранить ученых, писателей, деятелей искусств.

За Циолковского начинают хлопотать друзья: «Гибнет в борьбе с голодом один из выдающихся людей России, глубокий знаток теоретического воздухоплавания, заслуженный исследователь-экспериментатор, настойчивый изобретатель летательных аппаратов, превосходный физик, высокоталантливый популяризатор...» В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится протокол распорядительного заседания малого Совета Народных Комиссаров: «Ввиду особых заслуг изобретателя, специалиста по авиации К. Э. Циолковского в области научной разработки вопросов авиации, назначить К. Э. Циолковскому пожизненную пенсию в размере 500 000 руб. в месяц, с распространением на этот оклад всех последующих повышений тарифных ставок». Протокол подписан Владимиром Ильичем Лениным.

Теперь К. Э. Циолковский может полностью посвятить себя науке: «Училище я оставил, это был непосильный по моему возрасту и здоровью труд. Могу отдаться теперь наиболее любимой работе — реактивному прибору...» 41 год проработал Циолковский в училище.

Еще в 1918 году Константин Эдуардович почувствовал заботу новой власти о себе. Он получает из Москвы письмо: «Социалистическая академия не может исправить прошлого, но она старается хоть на будущее оказать возможное воздействие Вашему бескорыстному стремлению сделать что-нибудь полезное для людей. Несмотря на крайние невзгоды, Ваш дух не сломлен. Вы не старик. Мы ждем от Вас еще очень многого. И мы желаем устранить в Вашей жизни материальные преграды, препятствовавшие полному расцвету и завершению Ваших гениальных способностей». Ученому предлагали переехать в Москву: там ему будут созданы все условия для работы. Но он отказывается: он врос в эту землю, ему тяжело покидать ставшую родной Калугу, где сделано так много. И тогда люди идут к Циолковскому.

Наступает то долгожданное время, когда заканчивается одиночество. У него много последователей, учеников, сподвижников. И что самое главное: его идеи распространяются.

— Я учился в школе, мне было пятнадцать лет, — вспоминает дважды Герой Социалистического Труда академик В. П. Глушко. — Тогда и написал Константину Эдуардовичу: «Я прочел в присланных Вами книгах, что Вы предполагали выпустить в полном виде с дополнениями «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Там же пишется, чтобы желающие приобрести эту работу сообщили адреса...» И каково же было мое удивление, когда я получаю в Одессе письмо от основоположника космонавтики. И Циолковский спрашивает: насколько серьезно я отношусь к своему увлечению. Я вновь написал в Калугу: «Относительно того, насколько я интересуюсь межпланетными сообщениями, я вам скажу только то, что является моим идеалом и целью моей жизни, которую я хочу посвятить для этого великого дела...» Ну что же, кажется, свое слово я сдержал, — Валентин Петрович улыбается, — хотя пришлось пройти очень трудными дорогами. До самого последнего дня жизни Циолковский очень интересовался нашими работами по двигателям, и мы регулярно сообщали ему о ходе создания двигателя.

...Новая сенсация разразилась над миром. Имя Циолковского становится на ее фоне популярным, хотя он всячески противится этой дешевой славе. «Величайшая загадка Вселенной», «Картины жизни на небесном корабле», «Самая мощная машина в мире» — каждый день такие аншлаги появлялись на первых страницах газет. В МГУ конная милиция наводит порядок. Слишком много желающих попасть на диспут «Полет на другие миры».

Интерес к загадкам Космоса огромен. Еще бы: американский профессор якобы сообщил, что он собирается послать ракетный снаряд на Луну. И вдруг от человека, казалось бы, впрямую заинтересованного в популярности подобных идей, доносится предостережение: «...Но все же полет на Луну, хотя и без людей, пока вещь технически неосуществимая. Во-первых, многие важные вопросы о ракете даже не затронуты теоретически. Чертеж же Оберта годится только для иллюстрации фантастических рассказов. Ракета же Годдарда так примитивна, что не только не попадет на Луну, но и не поднимется и на 500 верст».

В Москве создается ГИРД. И сразу же письмо в Калугу: «После преодоления всех трудностей, после упорной и большой работы... организация наконец приняла признанные формы. В состав группы входят представители и актив ЦАГИ, Военно-воздушной академии, МАИ...» О каждом шаге работ ГИРДа Циолковский знает: идет строительство бесхвостового ракетоплана; начались работы по реактивному самолету-ракетоплану; в работе ракетный двигатель инженера Ф. А. Цандера; пилотировать первый ракетоплан будет инженер С. П. Королев...

Экипаж космического корабля «Союз-32» — В. А. Ляхов (слева) и В. В. Рюмин на занятиях в Центре подготовки космонавтов.

Фотохроника ТАСС.

Всенародное признание, и не только специалистов и последователей, согревает последние годы жизни Константина Эдуардовича. Михаил Иванович Калинин вручает ему орден Трудового Красного Знамени, Алексей Максимович Горький присылает трогательную поздравительную телеграмму.

Сохранился черновик ответа Циолковского: «Я пишу ряд очерков, легких для чтения, как воздух для дыхания. Цель их: познание вселенной и философия, основанная на этом познании. Вы скажете, что это известно. Известно, но не проникло в массы. Но не только в них, но и интеллигентные и даже ученые массы...»

Энергии Циолковскому не занимать.

Одно небольшое отступление. До сих пор многие биографы К. Э. Циолковского удивляются его огромной работоспособности даже в глубокой старости. Ответ дал в своей статье «О психо-

логии научного творчества» академик А. Мигдал. Он пишет, что как только научный работник перестает работать «своими руками», делать измерения, если он экспериментатор, делать вычисления, если он занимается теоретической физикой, начинается «старение» независимо от возраста и чина; теряется способность удивляться и радоваться каждому малому шагу, исчезает желание учиться, появляется чванство...

Циолковский экспериментировал в своей квартире до последних дней жизни. И встречался с людьми. Не только с теми, кто приезжал в Калугу, чтобы отдать дань уважения великому ученому. А прежде всего с теми, кто решил посвятить себя межпланетным сообщениям.

В 1934 году Сергей Павлович Королев дарит Циолковскому свою книгу «Ракетный полет в стратосфере». «Книжка разумная, содержательная, полезная», — отзывается Циолковский. Сергей Павлович приезжает в Калугу. Воистину — историческая встреча. Теоретик космонавтики и Главный ее конструктор...

Сергей Павлович вспоминал: «Запомнились удивительные ясные глаза. Его лицо было изрезано крупными морщинами. Говорил он энергично, напористо. Минут за тридцать он изложил нам существо своих взглядов. Не ручаюсь за точность сказанного, но запомнилась одна фраза. Когда я с присущей молодости горячностью заявил, что отныне моя цель — пробиться к звездам, Циолковский улыбнулся: «Это очень трудное дело, молодой человек, поверьте мне, старику. Оно потребует знаний, настойчивости, воли и многих лет, может, целой жизни...»

Спустя два десятилетия будет торжественно отмечаться 100-летие со дня рождения К. Э. Циолковского. С одним из докладов выступит член-корреспондент АН СССР Сергей Павлович Королев. Он скажет, что в ближайшее время в Советском Союзе будет запущен искусственный спутник Земли, о котором так мечтал Циолковский. Слова Королева для многих в зале покажутся фантастикой, многие будут считать, что до такого эксперимента еще очень долго — может быть, даже десятилетия. Две недели они будут сомневаться, а 4 октября 1957 года сомнение рассеет первый искусственный спутник.

Верил ли Циолковский, что то будущее, которое он предсказывал, наступит так скоро?

Безусловно! К нему по-прежнему приходили письма из ГИРДа: «Работаем не покладая рук, на днях пустим несколько опытных ракет на высоту порядка 1—2 километра для проверки некоторых выкладок и конструкций. Сейчас широко развертываем экспериментальные работы на стендах и на полигоне. Получаем неплохие результаты, жаль, что Вы не живете в Москве».

...Мемориальный Дом-музей в Калуге. Никогда не прекращается здесь поток посетителей. Среди них есть те, кто осуществляет мечты Великого Гражданина Вселенной.

175 суток на борту орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз» работали Владимир Ляхов и Валерий Рюмин. Это был небывалый по длительности космический полет. За полгода проведены многочисленные научные и технические эксперименты. Незадолго до посадки космонавты отвечали на вопросы журналистов, аккредитованных в Центре управления полетом. Валерий Рюмин сказал:

— Мы благодарны тысячам людей, которые готовили станцию, корабли и наш экипаж к этому полету... И мы не забываем, что многие ученые и конструкторы мечтали об этих днях, приближали их своим трудом. Первым мы должны назвать Константина Эдуардовича Циолковского — человека, жившего будущим. После возвращения обязательно побываем в Калуге...

Все советские космонавты, вернувшиеся из длительных или коротких рейсов к звездам, приезжают в Калугу, чтобы отдать дань великому мечтателю, учителю, человеку. Так продолжается уже два десятилетия.

Так будет всегда!..

Вселенная моложе и меньше?

■ Вселенная в два раза моложе и в два раза меньше по размерам, и скорость ее расширения в два раза выше, чем до сих пор считали, заявили американские астрономы Д. Харч, М. Эронсон и Дж. Маулд. К такому выводу они пришли на основе уточнения постоянной Хаббла, определяющей соотношение между скоростью движения звезды или Галактики и ее расстоянием от Земли.

До сих пор эта постоянная вычислялась на основе скорости движения сравнительно близких галактик, находящихся от Земли на расстоянии менее 70 млн. световых лет, и эти астрономы определили ее относительно галактик, удаленных от Земли на 200 млн. световых лет, и получили скорость почти в два раза большую. Такую разницу можно объяснить тем, что ближайшие к Земле галактики подвержены ввиду их большого скопления воздействиям сил гравитации, которые тормозят процесс взаимного их разбегания, а дальние галактики более характерны для расширяющейся Вселенной.

Если приведенные подсчеты окажутся правильными, то это будет означать, что возраст Вселенной — около 9 млрд. лет, а не 15—18 млрд. лет, как считалось до сих пор, а объем ее в два раза меньше. В пользу этой теории говорит то, что она объясняет природу квазаров. Дело в том, что ученые никак не могли объяснить до сих пор, почему эти сравнительно небольшие объекты излучают такое большое количество энергии. Но если постоянная Хаббла в два раза больше, то они, значит, в два раза ближе к Земле, и, следовательно, их светимость в четыре раза меньше, чем считалось. А такой уровень излучения энергии уже вполне объясним с помощью известных физических процессов.

Молекулы в Космосе

■ Изучение молекул в космическом пространстве становится основным методом исследования межзвездного газа. Хотя первые из них были обнаружены еще в конце 1930-х годов, интерес к ним стал проявляться только в последние 10 лет в связи с открытием радиоизлучения молекул. Сегодня в космическом пространстве обнаружено около 50 различных молекул.

Большинство молекул встречается только в очень плотных межзвездных облаках, где от разложения ультрафиолетовым излучением их защищает пыль высокой концентрации. Считают, что на поверхности пылинок отдельные атомы объединяются в молекулы. Однако в химии межзвездных веществ имеется еще много нерешенных проблем. Например, существуют разногласия относительно механизма образования очень больших органических молекул. Другая проблема связана с определением времени жизни межзвездных облаков; теоретически они должны уплотняться с образованием звезд через миллион лет, а самые последние наблюдения показывают, что срок их жизни может быть в сотни и тысячи раз больше.

Окись углерода (CO) — одна из наиболее широко распространенных молекул в нашей Галактике. Карты ее распределения показывают, что плотные межзвездные облака связаны тончайшими нитями газа, а наибольшее количество окиси углерода в нашей Галактике сосредоточено вокруг ее центра, на расстоянии 15 000—25 000 световых лет от Земли. Такие выводы вытекают из радионаблюдений.

Читатель сообщает,
советует,
спрашивает

Про то, как мы жили

Дорогая редакция! Прошу напечатать в вашем журнале мое письмо, потому что встречаю я много стариков, похвально отзывающихся о старой жизни. Конечно, теперь на склоне лет нам все, что было в нашей молодости, кажется краше. Но когда приходится слышать несправедливые слова, то в моей душе вскипает обида. Вот и хочу я поведать молодым про то, как жили мы в старину, при царе, и, наверное, существовали бы точно так же до сих пор, если бы не родился на русской земле великий вождь бедных и угнетенных Владимир Ильич Ленин.

Мне в 1917 году было уже 22 года, и я успел узнать, почем фунт лиха.

Никогда не забыть мне одного разговора моей мамы с соседкой. Та спрашивает: «Как это ты ухитряешься одну бутылку соевого масла растянуть на целый месяц? Неужели, я хозяйничаю хуже тебя? Семьи у нас с тобой одинаковые — по 7 душ, а бутылки масла мне хватает только на неделю». Мама наша засмеялась и открыла свой секрет экономии, а состоял он в том, что над миской с пустыми щами она лишь трясла перышко, окунув его в бутылку с маслом. Да, опустит куриное перо в масло, а затем покропит пустой суп или щи, — вот и вся заправка. И на таком «рационе» в нашей деревне Кронштадке существовали все бедняцкие семьи. Ведь в царской России почти половина крестьян были безземельными, — значит, были они вечные батраки, вечно голодные.

Помню, как уже в старости мама со слезами просила бога простить грех ее покойного отца. Была она очень верующая, молилась много, надеялась вымолить прощения и моему деду Никифору. А прегрешение его было такое. Собирал поп великим постом по селу свою долю и складывал на телегу. Но Никифор Королько приготовил только буханку хлеба (поляныцю) да 5 копеек денег. Священник обиделся и говорит: «Я не нищий, чтобы брать у тебя кусок хлеба, вон ходят по твоему двору гуси, лови одну и дай мне». Никифор чуть не в слезы: «Батюшка! Так то чужие гуси, не мои!» Не поверил поп, не взял хлеб с пятаком, а Никифор после пасхи заболел. Говорили люди, что покарал его бог за то, что обидел священника. С тем и умер, и не было у сирот денег, чтобы батюшку пригласить, схоронили они отца без попа.

Сироты, моя мать Соломония Никифоровна (было ей тогда 11 лет) и двое ее младших братьев, жили тем, что им подавали богомольцы, идущие через их село в Киев. Но когда паломников шло мало, то дети голодали вместе с больной своей матерью. Пришлось Соломонии идти в батрачки к богатому крестьянину, где она выполняла всю работу и дома и в поле. Три года пробатрачила, а заплатил ей хозяин 9 рублей деньгами, да еще дал шубу, теплый платок и сапожки. Нанялась Соломония Никифоровна в экономию — так у нас называлось хозяйство помещика, — работала летом в поле, а зимой ходила на «досвитки» — на вечеринки, на которых собирались девушки и пряли. Все пряли свое, а Соломония — чужое...

Я родился 2 февраля 1896 года, а ранней весной отец повесил за плечи сумку сухарей и сапоги и отправился босиком на заработки в Таврию — за 500 верст. Мать осталась со мной одна, жила тем, что ткала людям полотно, но платили мало: месяц ткет, а денег хватает на неделю. Пошла она, держа меня на руках, к богатому мужику по фамилии Самусенко. Просит: «Дай, пожалуйста, заработать на кусочек хлеба». А тот косо взглянул на дитя и ответил: «И с таким цуценятком я пущу тебя на свое поле? У меня 40 человек вяжут снопы, а дите закричит, они же все бросят вязать и подымут головы, чтобы взглянуть, что оно там такое закричало!» Говоря по-научному, хозяин беспокоился о производительности труда своих батраков. Но все же Самусенко принял мою маму на работу. Однако посадил ее на подводу и увез за 15 верст, хотя возле села у него тоже были поля, где убирали хлеб. Сделал он это, чтобы она не наведывалась к ребенку. Как же мама меня оставила? Обмела она куриным крылом стенки пустого ящика, в котором хранилась когда-то мука, набрала горсть муки, заварила ее и эту болтушку поставила на земляной пол, а рядом положила сонного меня. Рассудила так: окунет дите кулачок, обсосет и не будет плакать от голода. Но, придя поздно ночью домой, увидела, что пища размазана по полу, а ребенок заполз под ткацкий станок, застрял там и лежит, будто не живой...

Всего не перескажешь про горькую долю бедной крестьянской женщины... Отец каждый год уходил в Таврию, но не разбогател. В 1902 году со всех западных губерний Российской империи двинулись переселенцы на Дальний Восток и в Сибирь — на «вольные земли». Отправился и мой отец. В семье, кроме меня, были уже сестра Ксения и брат Роман. Ехали долго, мыкались, пока не осели в селе Кронштадке. Кругом — тайга непролазная, зато казна на устройство давала ссуду с возвратом через 5 лет. Поставил отец дом, а сам стал ходить, как и раньше, на заработки к богатеям. Разница была лишь в расстоянии: до большого села 10 верст, а не 500, как в Таврию: можно было в воскресенье наведываться домой. Вскоре и меня стали отдавать в наймы.

К 1914 году наша усадьба — две десятины тайги — была раскорчевана, остались лишь кое-где пни. Хлеба собственного и всех огородных овощей на семью хватало, но дети выросли, а жизнь в связи с начавшейся войной вздорожала. Уехал я весной на Амур — на рыбные промыслы, а после, в ожидании призыва в армию, подался я на Сучан — на шахту. Работал коноводом — лошади тележки с углем в шахте возили, потом крепильщиком.

В армии попал я в артиллерию. Сколько же унижений и несправедливости терпел царский солдат. Но вот в феврале семнадцатого построил нас фельдфебель и объявил, что государь от престола отказался. Затем тот же фельдфебель повел нас строем в церковь, и приняли мы там присягу Временному правительству.

Митинговали мы весь семнадцатый год, и на этих митингах услыхал я впервые имя Ленина. С этим именем связывались извечные мечты рабочего и крестьянина тех лет: 8-часовой рабочий день, земельный надел... В феврале восемнадцатого уволился я с военной службы, но винтовку себе оставил — думал, буду ходить на охоту. А пригодилась она на другое. Пришли к нам оккупанты — японцы, американцы...

Об интервенции, о партизанском движении на Дальнем Востоке и в Приморье написано много книг. Партизанская моя судьба пересеклась с судьбой Александра Фадеева. Были мы с ним в одном отряде, и, конечно, никто тогда не предполагал, что молодой политрук Булыга (такая тогда у него была фамилия) станет известным писателем. Когда он был ранен в Спасске, мы, уходя через тайгу, несли его 20 километров на носилках.

Мирная моя жизнь не сразу стала мирной. Вернувшись в свою Кронштадку, я не расставался с оружием — знал, что, пока японцы не ушли с нашей земли, оно еще пригодится. Наконец настал день, когда выбросили мы и японцев. Остался я жить в деревне, женился, родилась у нас дочь... Нелегко жилось, но радостно, хотя и работал я батраком у кулаков. Потом уехал я в Спасск, оттуда — на Сучанские шахты. Был я на шахте и десятником, и начальником взрывных работ. На пенсию ушел в 1946 году, но работу не оставлял. Когда жена моя скончалась в 1975 году, я еще два года жил в Артеме, а потом приехал сюда, в Покровский интернат для престарелых, где и живу сейчас. Живется хорошо. Если бы в старину, при царе, нашим деревенским старикам кто-нибудь сказал, что в старости они будут вот так обихожены, присмотрены, то они бы не поверили и подняли того человека на смех.

Вспоминаю я часто своих товарищей-партизан, которые погибли от пуль интервентов, не дожили до старости. А многие из них, попав в руки японцев и беляков, умерли в страшных мучениях. О моей жизни напоминают мне и мои награды: ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, 7 медалей, 10 почетных грамот... За каждой — мой труд. Из 37 лет моего рабочего стажа 30 я трудился под землей, в шахте. Нелегкая работа? Конечно. Но, вспоминая ее, я счастлив, что приложил и свою руку к делу, которое начал Ленин...

С. ПЕРЕТЯТЬКО

с. Покровка
Приморского края

ПОМОЩЬ В РАБОТЕ

Вот уже 20 лет, как я читаю журнал «Наука и религия». Ни в каком другом периодическом издании не найдешь того, что он публикует по атеистической мысли и истории религии. Эти материалы мы, преподаватели, часто привлекаем при подготовке лекций, раскрывая связь атеизма с общественным прогрессом на семинарских занятиях по диалектическому и историческому материализму, на беседах в общежитии, в разговорах с верующими.

Я знаю, что журнал многим помогает задумываться над мировоззренческими вопросами. Мне лично он нужен по роду преподавательской деятельности. Но его влияние на меня и мою жизнь началось гораздо раньше. Первая моя подписка была подпиской именно на этот журнал. Когда теперь я приезжаю к себе на родину, в Стерлитамак, то с удовольствием перечитываю старые номера, вспоминаю молодость.

Начинала я с занимательных историй, повестей, рассказов, бегло просматривала то, что касалось опыта атеистического воспитания, почти не читала рецензий. Затем, с годами, интерес к мировоззренческим проблемам, взаимоотношению религии и науки, практическим вопросам атеистического воспитания значительно возрос. Но особенным вниманием я читаю статьи по теории атеизма и о религиозных направлениях, о современном верующем.

В атеистической практике важны даже нюансы в изменении духовного мира нашего верующего современника. Не менее важно знать и модернизацию, и приспособление церкви к современной ситуации. Все это я нахожу в журнале. С благодарностью вспоминаю, как помогли мне журнальные публикации при подготовке лекции о влиянии НТР на религию.

В прошлом году я ездила в Курскую область. В одной из деревень меня поразило, с какой бережностью относились учителя к журналу. Директор школы объяснила, что на селе мало атеистической литературы и «Наука и религия» выручает их в трудном деле атеистического воспитания молодежи. А проповедник местной общины евангельских христиан-баптистов высказался так: «Журнал не так уж прост, заковыристый. Я иногда месяц думаю, как же возразить тому или иному автору. «Сестры» и «братья», правда, меня об этом не спрашивают, а сын замучил — «почему?» да «почему?». Отвечать надо. Дочь упустил, в техникум подалась, а сына в вере хочу удержать».

Атеистическая пропаганда, как известно, должна быть проникнута пафосом непримиримой борьбы с религиозным мировоззрением, и журнал этому учит. Очень жаль, что в журнале перестали публиковать рецензии на новые книги. В компенсацию этого хотелось бы видеть на его страницах, после каких-то теоретических и основополагающих материалов, списки литературы по данной теме.

Р. ДАНИЛЬЧЕНКО,
кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии Московского института стали и сплавов

В те далекие годы

В КОНЦЕ двадцатых годов в селе Новый Шуструй Пензенской области занимал я сразу два ответственных поста — секретаря сельского совета и секретаря ячейки ВЛКСМ. Время было значительное, переломное — коллективизация, а вместе с ней мы, деревенские комсомольцы и коммунисты, решительно ломали вековые устои старого быта, вместо религиозных праздников и обрядов вводили новые, антирелигиозные.

Примером для нас служили города, а постоянным советчиком — газета «Безбожник», очень популярная среди крестьян. Распространяли ее мы, члены активно действующей в нашей деревне ячейки СВБ — Союза воинствующих безбожников. Организовала ее и руководила ею заведующая школой А. И. Александровская, верным ее помощником был учитель-комсомолец А. И. Степанов, а мы, 25 комсомольцев, состояли активными членами. В число беспартийного актива входили авторитетные в нашей деревне люди: председатель машинного товарищества С. Г. Сабаков, председатель сельсовета В. Г. Булгаков, один из организаторов колхоза С. Е. Казуров и многие другие. Все они стоят того, чтобы нынешние атеисты вспомнили их добрым словом.

Конечно, мы не имели тогда богатых библиотек, методических пособий и консультаций, но нами двигала неутомимая жажда деятельности, желание сделать деревенскую жизнь нашу разумней и светлей. Каждый из нас, безбожников, испытал на себе, видел постоянно, что религия — это опиум народа и закрепощение свободного духа.

К религиозным праздникам готовились мы заранее, проводили в избе-читальне и в школе беседы и лекции на подходящие темы: «Был ли Христос», «О непорочном зачатии богородицы», «Происхождение пасхи», «О священном писании». Постоянными докладчиками были учителя нашей школы, но приезжали лекторы и из районного центра — Нижнего Ломова. На «безбожные» эти беседы набивалось полно народу, интересовались и верующие и неверующие, вопросам не было конца, возникали жаркие споры...

В дни религиозных праздников мы, самодеятельные артисты, ставили антирелигиозные пьесы, устраивали концерты, чтобы отвлечь молодежь от церкви, от традиционного «праздничного» пьянства и хулиганства. Но отвлекались и пожилые люди. На пасху, например, многие, вместо того чтобы участвовать в крестном ходе вокруг церкви, пришли в избу-читальню, где почти всю ночь шел веселый концерт. А молодежь оттуда и не уходила. Сатирические куплеты и частушки Демьяна Бедного из газеты «Безбожник» распевали хором и артисты и публика. Особенно активными участниками нашей художественной самодеятельности были комсомольцы Сергей Белов и Иван Пучков, знаменитые на всю нашу сельскую округу «артисты».

Теперь, спустя полвека, та наша атеистическая пропаганда может показаться наивной, примитивной, но в ту пору была она своевременной и крайне необходимой. Ведь не существовало ни телевидения, ни радио, а что можно было противопоставить божьему храму с его традиционным, мастерски разыгрываемым «спектаклем»?

Влияние церкви сильно пошатнули наши «безбожные» лекции и концерты. Особенно активно порывала с религией молодежь.

Осенью двадцать девятого приехал в наше село новый избач, коммунист Я. Я. Ситников. Антирелигиозная работа усилилась, стала проводиться не только по праздникам. Верующий мог зайти в любой вечер в избу-читальню и задать товарищу Ситникову вопрос, как мы теперь говорим, на атеистическую тему. Полученный ответ заставлял задуматься. Число верующих в селе вскоре сильно сократилось, и примерно через год решением сельского схода церковь в селе Новый Шуструй закрыли. Нашей ячейке СВБ за хорошую, плодотворную работу райсовет СВБ вручил красное знамя.

Иные времена, иные песни... Теперь в селе Шуструй — совхоз «Ломовский». Его директор, молодой коммунист, сын того самого Ивана Пучкова, одного из первых комсомольцев в нашем селе, активного безбожника. Вместо избы-читальни построен современный Дом культуры, в котором и лекции читают, и кинофильмы показывают, ведется разносторонняя культурно-воспитательная работа, в том числе и атеистическая, причем на неизмеримо более высоком уровне, чем это делали мы... Но мы-то были первыми! Комсомольцы, члены ячейки СВБ, первыми вступили в 1929 году в только что организовавшийся колхоз, первыми справляли новые обряды: «красные свадьбы» — без венчания, «октябрины», — вместо крестин. Какое это тогда имело огромное значение!

В. КАЗУРОВ

с. Новые Дольцы
Тульской области

ВНИМАНИЕ, СЕРДЕЧНОСТЬ, ДОБРОТА

Я РАБОТАЮ в ритуальном отделе похоронного бюро города Шахтерска Донецкой области. Считаю, что на этом посту должны быть люди прежде всего внимательные и сердечные. А как же иначе? Ведь от меня во многом зависит, чтобы люди увидели, почувствовали, что они не одиноки в своем горе. Я стараюсь найти достойные слова, чтобы рассказать о жизненном пути умершего человека, о том, что в могуществе нашей страны есть доля и его труда. Мы, живые, должны помнить о людях старшего поколения, которые оставили нам в наследство мирное небо и все, чем мы богаты и славны.

Торжественно - траурно звучат слова: «Гражданин Украинской Советской Социалистической Республики закончил свой жизненный путь. Родина-мать прощается со своим сыном...» У каждого сжимается сердце, когда в день уважения к ушедшему склоняется государственный флаг над его могилой.

Нам не следует забывать о добрых народных традициях — поэтому я предлагаю близким бросить в могилу горсть священной нашей земли, той земли, на которой родился, жил, трудился человек. Часто перед выносом тела покойного на землю стелят траурный рушник, по которому проходят близкие. Мне кажется, это тоже добрая традиция — здесь рушник символ того, что все мы живем одной жизнью, одними стремлениями.

В печальном деле, о котором идет речь, очень важно, чтобы те, кто им занимаются, вкладывали в него частицу своей души. Не могу сказать, что тут у нас все проходит гладко. Но я хорошо помню, как однажды после похорон ко мне подошла старушка и сказала: «Деточка, я прожила на свете 75 лет и никогда не видела ничего подобного, зачем те попы нужны. Я теперь своим детям накажу, чтобы меня похоронили с гражданской панихидой...»

Т. ПАНЧЕНКО
г. Шахтерск
Донецкой области

Уважаемая редакция! В детстве мне не раз приходилось слышать от бабушки и мамы, что я родился под «счастливой звездой». Откровенно говоря, моя жизнь сложилась удачно: все хорошо и в семье, и работой доволен. Уж не потому ли, что мне покровительствует созвездие Большой Медведицы?

Владимир Атрошенко
г. Красноярск

МАГИЧЕСКОЕ СОЗВЕЗДИЕ

Н. ЖУКОВСКАЯ

СОЗВЕЗДИЕ БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА — один из самых популярных образов астральной мифологии. Как только не называли его в древности!.. Колесница Карла, Плуг, Повозка, Ковш (Большой, Северный), Нож мясника, Семь старцев (богов, кузнецов, небесных мудрецов), Язык Лося, Небесный Лось (Олень), Сохатый, Конь на привязи, Гусиный путь и Гиппопотам — и это далеко не все. Общеизвестному и общепринятому названию — Большая Медведица — мы обязаны нимфе Каллисто из античной мифологии.

По одному из мифов, Каллисто — возлюбленная Зевса, родившая ему сына Аркада. Чтобы уберечь нимфу от мести своей жены Геры, громовержец обратил Каллисто в медведицу. Богиня Артемида убила эту медведицу на охоте, тогда Зевс обратил медведицу в созвездие.

На Руси это созвездие называли Повозкой, а также Лосем или Сохатым, хотя так нередко называли и другое созвездие — Плеяды (Стожары) вместе с Полярной звездой. Полярная звезда — самый яркий ориентир северного неба— часто ассоциируется у разных народов с «осью мира». Эвенки-охотники называют Большую Медведицу Лосем или Языком Лося, иногда включая в это созвездие и Полярную звезду. Эвенкийский миф, объясняющий происхождение названия небесного лося, рассказывает о трех охотниках, выследивших животное и поднявшихся за ним на небо: 4 звезды ковша — лось, три звезды ручки — охотники. Киргизский астральный миф повествует о 7 ворах, которые пытаются украсть коня, привязанного к золотой небесной коновязи. В мифологии бурят 7 звезд Большой Медведицы — это 7 чаш, сделанных из черепов 7 черных кузнецов. Монголы-шаманисты называли созвездие Семь старцев, монголы-буддисты — Семь богов, включая в их число Будду Шакьямуни, бодхисаттву мудрости Маньчжушри и 5 будд созерцания (дхьянибудд). В более древней шаманской мифологии фигурировал еще Золотой кол (Полярная звезда), к которому привязывали белого небесного коня.

Полярная звезда — кол, столб, ось мира, к которой привязаны лошадь, олень, лось; их догоняют охотники, волки, воры и т. д. Во всех этих мифах, преданиях, сказках ясно виден самый важный элемент — четкий небесный ориентир. Нетрудно понять, кому он был особенно необходим: охотникам и море-

плавателям. Кочевники и охотники северной полосы Евразии, мореходы северного полушария — китайцы, арабы, греки, индийцы, древние викинги выделяли Большую Медведицу из бесчисленного множества звезд. Но, пожалуй, только у китайцев и корейцев почитание Большой Медведицы поднялось до уровня религиозного культа.

В Древнем Китае астральные культы достигли своего наивысшего развития в период Чжоу (XI—III вв. до н. э.). Символическому изображению созвездия в виде ковша или просто расположенных по прямой линии 7 точек-звезд приписывалась большая магическая сила. Оно якобы обладало способностью отводить несчастья и приносить благополучие.

В сложной системе астрологических гаданий, без которых был немыслим ни один важный шаг в жизни человека и в делах государства, культ семизвездного Северного Ковша (Бэй доу — так называли его китайцы) занимал почетнейшее место. Храмовые и домашние «звездные» праздники сочетали в себе гадательные и умилостивительные черты. Почитание одних звезд было обязательным для всех — таков праздник 108 звезд, отмечавшийся в первый месяц года еще в позднем средневековье. В честь 72 добрых и 36 злых звезд зажигалось 108 лампад (108 — главное сакральное число буддизма). Кроме общей жертвы всем звездам, каждый участник праздника зажигал 3 лампады перед изображением той звезды, которую считал своей покровительницей.

Появление и уход из жизни человека также связывали с Северным Ковшом. Новорожденного встречало изображение семизвездия, в гроб с телом покойного помещали доску с вырезанными на ней 7 звездами. Простому смертному запрещалось на своей одежде изображать Семизвездный Ковш, равно как Солнце и Луну. Это считалось грехом. «Книга яшмовых правил», описывающая 10 адов, предусматривает в одном из них наказание за этот грех.

О «стратегических» свойствах Северного Ковша рассказывает древнекитайский миф о войне между полководцами Хуан-ди и Чи-ю. Однажды, когда враги сошлись на поле битвы, Чи-ю напустил такой туман на небо и землю, что нельзя было разобрать, где люди, где кони, где север, где юг. В тумане погибло много воинов и коней, и Хуан-ди не мог найти выхода. Его нашел мудрый советник Фэн-хоу. Он подумал: «Почему ковш Большой Медведицы всегда показывает на север независимо от времени и всяких изменений. Вот если бы изобрести такое устройство, чтобы, куда ни повернешься — на восток или на запад, — оно всегда указывало бы одно направление». И он изобрел колесницу, указывающую на юг, и вывел войска из тумана.

Чтили Северный Ковш и корейцы. По их представлениям, «отец дает кость, мать кровь, а семь звезд Большой Медведицы — жизнь». Семизвездию приносили жертвы в случае бездетности или болезни детей, у него вымаливали благополучие дому и, как в Китае, помещали в гроб доску с его изображением.

Созвездие Большая Медведица в небе. На фрагменте звездной карты отмечены некоторые интересные объекты для наблюдений.

На этой схеме так соединены линиями наиболее яркие звезды Большой Медведицы, что созвездие действительно напоминает силуэт белого медведя.

В нескольких средневековых городах Кореи обнаружены дворцы, имевшие в плане вид Северного и Южного Ковша (Большой и Малой Медведиц).

Возможно, что почитание Большой Медведицы связано с количеством наиболее ярких видимых звезд, входящих в это созвездие, то есть с цифрой 7. Сегодня мы знаем, что Большая Медведица — это не 7, даже не 125 звезд, тоже видимых невооруженным взглядом. Это скопление шести галактик, и количество звезд в них неисчислимо.

Нельзя сказать, чтобы астрономы в древности и в средние века были в неведении относительно количества звезд в этом созвездии. Греки, например, рисуя на своих звездных картах Большую Медведицу, включали в нее намного больше семи звезд. В звездном каталоге, составленном Абу Рейханом аль-Бируни в начале XI века нашей эры, среди 1029 включенных в него звезд 27 относятся к созвездию Большой Медведицы и каждая имеет свое собственное арабское название. И в современных астрономических атласах названия 7 главных звезд — арабские. Но еще задолго до всяких атласов арабы знали, что возле средней звезды Мицар (в переводе с арабского — конь) — в ручке ковша или, точнее, под брюхом коня, запряженного в погребальную повозку, — именно такие ассоциации вызывало у арабов это созвездие — имеется восьмая звезда размером поменьше — Алькор (всадник). Тот, кто мог различить Алькор, был вправе гордиться острым зрением и претендовать на зачисление в воины.

Те же восемь звезд были известны и предкам балто-славян уже в неолите: они изображались на небольших каменных пластинах в окружении других звезд помельче и, как полагают, служили амулетами, а может быть, первыми звездными картами. Также и китайские астрономы задолго до нашей эры установили, что в созвездии Северного Ковша звезд больше семи. Но практическая астрономия и мифология развивались по своим законам, и сочинители мифов видели в Большой Медведице только 7 звезд и свои предания и сказки связывали только с ними.

Итак, опять «магическая семерка» — непременный элемент большинства известных мифологий Востока и Запада. Причина ее почитания — загадка, окончательно не решенная до сих пор. Археологи установили, что человек был знаком с семеркой уже в палеолите, нанося ее в виде орнамента на изделия из кости и камня. Как полагают, наши далекие предки пришли к этой цифре, наблюдая за сменой лунных циклов (7-дневными фазами Луны). Отсюда пошли 7-дневная неделя, 7 планет, связанные с нею, а далее уже чисто мифологические — 7 небес, 7 чудес света, 7 правителей, 7 муз, 7 таинств и так далее. К этому кое-какие соображения могут добавить психологи. Дело в том, что способность человеческой памяти к восприятию и усвоению информации биологически ограничена. Опытным путем было установлено, что 7 (а точнее, 7 плюс или минус 2) — это средний максимум числа объектов, которые человек в состоянии зафиксировать с первого взгляда. Не исключено, что общая для всего человечества тенденция создавать семиричные комплексы связана с этой особенностью человеческой психологии. Ну, а Большая Медведица — это в некотором роде «небесные счеты», которые всегда были под рукой у первобытного математика.

У истоков свободы совести

История и современность

А. ГРИЦОВ

ля понимания проблемы свободы вообще и свободы совести в частности важно помнить указание В. И. Ленина о необходимости при изучении общественных явлений «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[1].

Глубокое изучение истоков свободы совести в человеческом обществе показывает, что она — следствие социально-экономических преобразований и самым органичным образом связана с прогрессом общества и культуры, с классовой борьбой, накоплением научных знаний о природе и обществе. Формирование свободы совести осуществлялось в многовековой борьбе выдающихся мыслителей прошлого за право свободно мыслить.

В античную эпоху бытовала веротерпимость в отношении различных религий. И в то же время каждый гражданин был обязан отправлять общегосударственный религиозный культ. Уклонение от этого считалось преступлением. В Древней Греции критика религии была обусловлена развитием общественно-производственной практики и научных знаний. Древнегреческие философы уже сделали попытки осмыслить явления окружающего мира в нерелигиозной форме. Так, Левкипп и Демокрит смело выступили против вмешательства богов в действия людей, отрицали религиозное объяснение природных явлений, веру в чудеса, утверждали активность человеческой мысли. Разум, а не «чудо», знание, а не вера в сверхъестественное руководят человеком, говорили они. Прогрессивный характер атеизма выражала философия Эпикура, который в своих письмах прославлял могущество человеческого разума. Глупо просить у богов то, что человек способен сам себе доставить, писал он. Позже его идеи развил в Древнем Риме Лукреций Кар. «Эпикурейцы, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — высказывались в том смысле, что мир должен быть **освобожден от обмана**, т. е. от страха перед богами, ибо мир — мой **друг**»[2].

На основе материализма в античном мире возникали зачатки научной критики религии, впервые родилась мысль о том, что не человек — создание божественных сил, а, наоборот, боги созданы человеческой фантазией по «образу и подобию» самого человека. Утверждение могущества человеческого разума, независимого от богов существования индивида было большим достижением античной материалистической философии. Оно способствовало формированию представления о необходимости устранить насилие над убеждениями людей.

Естественно, что «научного материала» было тогда недостаточно для материалистического понимания свободы и свободы совести. На том уровне человеческого знания совесть выступала еще не в форме демократического принципа, а лишь как нравственный долг. Но важно здесь подчеркнуть другое: понятие совести возникает не как следствие страха людей перед наказанием богов, а как осознание несоответствия религиозной интерпретации явлений природы нравственному убеждению людей.

Античный атеизм — закономерное явление в истории общественной мысли и общественной практики, составная часть духовной культуры человечества. Возникнув как протест против религиозного гнета, он смело отвергал религиозное объяснение явлений природы, которое стояло на пути дальнейшего прогресса общества. Античный атеизм способствовал социальному прогрессу, был составной частью материалистической философии. Критика религии вообще и оппозиционная по отношению к религии мысль в дальнейшем все более приближалась к воззрениям «о естественном праве» и природном равенстве всех людей — и рабов и свободных независимо от религиозного признака.

Когда христианская религия стала в IV веке религией государственной, начались преследования инаковерующих. Религиозная нетерпимость сделалась одним из факторов подавления всякого свободомыслия, ибо она основывалась на догматах «исключительного спасения», на положении, что спасти себя может только тот, кто поклоняется христианскому богу.

В средние века в странах Западной Европы господствовала духовная диктатура церкви. Она жестоко боролась со свободомыслием. «Мировоззрение средних веков, — писал Ф. Энгельс, — было по преимуществу теологическим. Европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего внешнего врага... Церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной связью между различными странами; своей феодальной организацией церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю... Духовенство было к тому же единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»[3].

Эпоха средневековья — это период полного произвола религиозного гнета, безраздельного господства церкви. Влияние теологии было настолько велико, что идейная борьба нередко сводилась к замене одной религии другой. Реакцией на все это и явился скептицизм XVI века. Его важнейшее требование — свобода мысли. Одной из практических форм протеста, в которых проявлялось скептическое свободомыслие, выступавшее против официального учения церкви, были еретические движения. Церковь преследовала еретиков, подвергала жестокой пытке тех, кто отрицал догматы господствующего вероучения. И тем не менее свободомыслие развивалось, наполнялось конкретным содержанием.

Огромное влияние на процесс развития свободомыслия оказало творческое освоение атеистического наследия античности мыслителями Возрождения.

Эпоха Возрождения принесла с собой некоторое ослабление духовного гнета. Связано это было с дальнейшим развитием общества, науки, культуры, искусства и философии. Джордано Бруно, Леонардо да Винчи, Николай Коперник, Иоганн Кеплер, Галилео Галилей и многие другие философы и ученые своими дерзновенными открытиями утверждали могущество человеческого разума. В их трудах подверглись критике средневеко-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 127.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 495.

вая схоластика, представление о божественной природе власти, устаревшие правовые нормы, догматы церкви, религиозная мораль. Философия начинает видеть свою главную задачу в разработке принципов активного участия человека в преобразовании действительности.

Эпоха Возрождения начала формировать новое мировоззрение, которое на практике выразилось в требовании свободы разума, знания и творчества. Как писал Н. А. Добролюбов, «в эпоху реформации личность уже ясно заявила свои права: в деле религии разум потребовал свободы в объяснении священного писания...».

Прогрессивные мыслители Возрождения пришли к мысли о том, что ничего не следует принимать на веру, все надо взвешивать на весах разума, подвергать сомнению и критике. Критике и сомнению мыслители подвергли все господствующие вероисповедания, но прежде всего католицизм. Они утверждали: совесть людей невозможно освободить, не освободив сначала разум от оков католицизма.

Идеи освобождения духовного мира человека от гнета церкви нашли свое отражение в трудах Мишеля Монтеня (1533—1592 гг.). Всемогущий человеческий разум, по его мнению, является источником всех свобод. Только он способен лишить религию возможности обманывать народ, а науке открыть безграничные горизонты в исследовании природы. Концепция веротерпимости у Монтеня предполагает свободу не только религиозных, но и вообще всех убеждений. Ратуя за свободу разума, который оттесняет религию, он считает свободу совести, в борьбе за которую крупную роль играет наука, естественным качеством человека.

Усиление борьбы за свободу мысли было обусловлено антифеодальным движением, разложением феодально-крепостнических отношений, становлением новых, капиталистических.

Развитие торговли и промышленности, успехи естествознания, великие географические открытия — все, с чем было связано становление капитализма в Европе, вызвало значительные изменения во взглядах на мир и общество. Идейным выражением борьбы молодой буржуазии против феодализма и его оплота — католической церкви — стал протестантизм. Протестантизм, по словам Ф. Энгельса, был первой решительной битвой в борьбе европейской буржуазии против феодализма, первым актом буржуазной революции в Европе. Приспособленное к феодализму «католическое мировоззрение не могло больше удовлетворять этот новый класс, так как оно не соответствовало созданным им новым условиям производства и обмена»[4]. Католической религии с ее жесткими догматами и дорогостоящей иерархией буржуазия противопоставила «дешевую церковь».

В ходе борьбы между католицизмом и протестантизмом родилась идея веротерпимости, означавшая признание государством прав на существование других исповеданий.

Развивающаяся капиталистическая промышленность нуждалась в научных открытиях и стимулировала научный прогресс. На повестку дня выдвигается необходимость освобождения науки от опеки церкви. Характеризуя это время, Ф. Энгельс писал: «...Параллельно с ростом среднего класса происходило гигантское развитие науки... Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой; по этой причине она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании»[5].

Выход науки из подчинения церкви порождал духовный кризис феодального общества. Пересмотру и переоценке подвергаются мировоззренческие основы господствующей идеологии. Опровергая антинаучные взгляды на мир, наука смело прокладывала путь от заблуждений к обоснованным знаниям, создавала основу для материалистических и антирелигиозных выводов. Буржуазия была заинтересована в сохранении религии, но только такой, которая отвечала бы ее интересам. Религия была необходима буржуазии для идеологического обоснования своих практических действий. Вполне понятно, что она отстаивала позиции науки лишь в той мере, в какой это ей было нужно для увеличения и расширения производства, ликвидации феодальных перегородок, сдерживающих капиталистическое развитие. Поэтому буржуазия тогда ратовала не за освобождение от религии, а лишь за свободу религии.

Таким образом, весь ход экономического и духовного становления буржуазного общества выдвигал требование свободы совести. И она была провозглашена нарождающейся буржуазией. Буржуазное требование свободы совести состояло в том, что каждый мог выбирать себе любую религию. Этот лозунг буржуазии был прогрессивным для того времени, поскольку он призывал трудящихся к борьбе с феодализмом и его оплотом — католической церковью. На протяжении XVI—XVIII веков содержание этого лозунга значительно изменилось. Идеологи буржуазии обосновали не только требование признания, наряду с официальной религией, неофициальной религии, но и выдвинули требование освобождения совести человека от той или иной религии, права менять религию, следуя велениям своей совести.

Для Т. Мора и его единомышленников свобода совести ассоциировалась с религиозной свободой. Каждому из жителей Утопии «позволяется принадлежать к той религии, какая ему нравится», смертью или рабством карается разжигание религиозного фанатизма, возбуждение смуты в народе, насилия и оскорбления инаковерующих.

Отрицание религиозного насилия над совестью человека, право определяться и изменять содержание своего самоопределения согласно голосу своей совести, то есть исповедовать какие-либо религиозные убеждения и изменять их по своему усмотрению, — таковы основные компоненты свободы совести в понимании утопистов. От веротерпимости к религиозной свободе и равным правам всех верующих — такова их позиция в отношении к религии и церкви.

Это были первые шаги в решении проблемы свободы совести.

Новый этап в ее разработке связан с именами Б. Спинозы, Д. Локка, П. Бейля, Ж. Мелье. В их произведениях наиболее полно отразилось теоретическое обоснование буржуазного требования свободы совести. Одним из первых выступил против религиозной нетерпимости, в защиту свободы совести голландский философ-материалист Б. Спиноза. Открыто выражая свое несогласие с идеалистами и теологами в суждениях о свободе, он сделал попытку рассмотреть возможность осуществления свободы в рамках необходимости. Б. Спиноза доказывал, что свобода возможна только тогда, когда утвердятся истинное знание и истинная философия. Философ-материалист подверг резкой критике религию, союз монархии и церкви. «Тайна монархического правления, — писал он, — «заключается в том, чтобы держать людей в обмане, а страх, которым они должны быть сдерживаемы, прикрывать громким именем религии...» И это для того, чтобы «люди сражались за свое порабощение, как за свое благополучие» и ради «тщеславия одного какого-нибудь человека...»

Б. Спиноза считал, что религия должна играть роль учителя, воспитателя нравственности, а в процесс познания тайн природы не вмешиваться. Основу всякой свободы, в том числе и свободы совести, он видел в достижении разумом истинного знания. Государство, считал он, должно допустить существование свободы, а религиозная вера — это дело совести каждого гражданина.

Много внимания уделил проблеме свободы совести идеолог английской буржуазной революции Джон Локк. Локк полагал, что и государство и религия, имея различную сферу интересов, не должны вмешиваться в дела друг друга. По существу, эта мысль стала основной при выработке политики буржуазии в отношении к государству и церкви. «Свобода совести, — писал Локк в «Письме о веротерпимости», — есть естественное право каждого человеке... и... никого не до́лжно принуждать в вопросах религии законом или силою». Исходя из этого, он требовал отделения церкви от государства. Аналогичную точку зрения разделяли П. Бейль и Ж. Мелье.

Вопрос о свободе совести занимал важное место в философских концепциях английских материалистов XVIII века Д. Толанда (1670—1722 гг.), А. Коллинза (1676—1729 гг.), Д. Гартли (1705—1757 гг.), Дж. Пристли (1733—1804 гг.). Несмотря на некоторые различия во взглядах на проблему свободы совести, все они обосновывали право человека действовать согласно своим чувствам и убеждениям, осуждали все то, что препятствует развитию знания, вскрывали отрицательную роль религии и предрассудков в развитии свободы мысли. Свобода совести, по их мнению, неразрывно связана с демократичностью общества, а «религиозная нетерпимость и суеверия — с тиранией и гнетом». В условиях церковного засилья английские материалисты писали о свободе вероисповеданий, о новых, гуманных принципах, которые будут действовать в обществе, отделившем церковь от государства и объявившем религию частным делом граждан.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 496.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 307.

Значительный вклад в разработку и понимание свободы совести внес французский материализм. В лице своих выдающихся представителей Д. Дидро, Ж. Ламетри, П. Гольбаха, К. Гельвеция он сыграл важную роль в теоретическом обосновании проблемы свободы совести, оказал большое влияние на развитие материалистической мысли не только во Франции, но и в других странах. Публицистика французских материалистов — «бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину»[6], преодолела ограниченность и половинчатость предшествующих мыслителей. Она смело выдвинула материалистический взгляд на мир, противопоставив его фидеизму, схоластике, идеализму.

Открыто выступив против гнета религии, французские атеисты отрицали существование бога. На большом фактическом материале они вскрыли реакционную роль религиозной идеологии. Впервые в истории философии мыслители Франции предприняли попытку с естественнонаучных позиций опровергнуть идеалистические концепции совести. Опираясь на данные естествознания, Поль Гольбах дает следующее определение совести: «Совесть — это оценка, которую мы в своей собственной душе даем своим поступкам; совесть простых смертных руководится разумом, совесть же христиан управляется верой, рвением, послушанием святым отцам. Отсюда следует, что совесть набожного человека часто заставляет его быть дурным и даже вносить смуту в общество».

Французские философы XVIII века считали свободным того человека, который всегда поступает в соответствии с требованиями разума. «Чем больше просвещен и развит народ, тем быстрее слабеет и исчезает в нем вера в сверхъестественное», — писал Д. Дидро. Религиозная нетерпимость, по его мнению, «ограничивает умы и увековечивает предрассудки». Защищая свободу разума, Д. Дидро приходит к мысли, что человек должен быть свободен в выборе религии.

Сподвижник Д. Дидро К. Гельвеций в ряде своих работ обосновал право человека на свободу совести. «Никто не имеет права ни на воздух, которым я дышу, ни на самую благородную функцию моего ума — способность самостоятельного суждения, — писал он.— Неужели я должен предоставить другим заботу думать за меня?»

Против религиозной нетерпимости смело выступил Поль Гольбах. Убежденный враг богословия, которое он считал учением, попирающим человеческий разум, Гольбах говорил, что всякая религия проповедует нетерпимость, вражду и рознь, призывает к ожесточению и навсегда изгнала из человеческого сердца чувства любви и симпатии.

Гольбах требовал не только веротерпимости, но и свободы не исповедовать никакую религию. Он одним из первых заявил о необходимости отделения школы от церкви, устранения преподавания в школе этой «священной заразы».

В трудах французских атеистов много внимания обращалось на отношения церкви и государства. Д. Дидро, например, считал, что осуществить свободу совести можно только тогда, когда государство будет отделено от церкви. «Мы никогда не поставим вопроса на надлежащую почву, если не отделим сначала государство от церкви и священника от правителя», — писал он в Энциклопедии.

Французские материалисты не только утверждали право человека верить или не верить в бога, отправлять или не отправлять религиозный культ, но и боролись за право человека пропагандировать атеистические взгляды. Они смело выступили против ограничения или установления прямых или косвенных преимуществ граждан по религиозным признакам, против попрания прав атеистов.

Л. Фейербах, развивая взгляды французских мыслителей, писал: «Истинная свобода — лишь там, где человек свободен также и от религиозных предрассудков; истинное образование — лишь там, где человек возвысился над своими религиозными предрассудками и воображением».

Французский материализм представляет собой высшую фазу в развитии буржуазного атеизма. Его представители превратили материалистическую философию в идейное оружие борьбы против феодализма, религии и церкви. Французские материалисты вплотную подошли к пониманию свободы совести как одной из важнейших предпосылок преодоления религии вообще.

Это со всей очевидностью проявилось во французской буржуазной революции XVIII века. «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» — провозглашалось в I-й статье Декларации прав человека и гражданина, принятой Учредительным собранием Франции 26 августа 1789 года. «Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом», — гласила 10-я статья Декларации.

По мере развития и углубления революции буржуазия провела и законодательно закрепила ряд мер, направленных на ограничение власти духовенства, осуществление свободы совести. Так, 2 ноября 1789 года Учредительное собрание приняло постановление о конфискации и передаче в распоряжение нации имущества и земельной собственности церкви. Этим же постановлением церковь была лишена важных прав и обязанностей (регистрация рождения, брака, смерти), перешедших к государству.

Свобода совести, провозглашенная молодыми буржуазными государствами, имела ограниченный характер. К тому же она не подкреплялась социально-экономическими гарантиями. Ее основные положения не смогли быть осуществлены в условиях буржуазного общества по целому ряду причин: во-первых, законодательно закреплялось право частной собственности как священное и неприкосновенное, узаконивались имущественное неравенство, эксплуатация человека человеком. Во-вторых, не обеспечивались реальные условия осуществления свободы совести. Дальше ее провозглашения и декларации буржуазия не пошла. В-третьих, разрешение менять религиозные убеждения не гарантировало свободу не иметь никакой религии, то есть быть атеистом.

Сама ограниченность буржуазной демократии делает практическое осуществление свободы совести невозможным. Эксплуататорский класс нуждается в религии для дезорганизации угнетенных классов. Религия нужна эксплуататорам как одно из главных средств духовного порабощения трудящихся, как способ, при помощи которого можно манипулировать сознанием масс, отвлекая их от борьбы за свои интересы.

Начиная с первой половины XIX века, борьба за демократические права становится делом рабочего класса. Естественно, что и развитие научной теории стало возможным только с позиции самого революционного класса — пролетариата, класса, заинтересованного в поступательном движении общества и общественной мысли. Критически освоив все лучшее, что было создано мыслителями прошлого, и прежде всего английскими, французскими материалистами, марксизм-ленинизм создал качественно новое, единственно научное понимание свободы совести.

Марксизм-ленинизм подошел к этой проблеме с позиций интересов пролетариата, с позиций необходимости преодоления всего того, что тормозит общественный прогресс. Марксизм-ленинизм выступил против насилия как над религиозными, так и атеистическими убеждениями людей.

Основоположники научного коммунизма сформулировали пролетарское понимание свободы совести. Подвергнув критике буржуазный взгляд на свободу совести, они провозгласили, в частности, право человека на свободу от религии, поставив это право в один ряд со всеми другими демократическими свободами и правами.

Марксизм-ленинизм указал единственно возможный путь к истинному освобождению человека от религии — социалистическое переустройство общества. Следуя этим путем, выступая в защиту интересов человека, коммунисты всегда исходили из того, что недостаточно декларировать его права, необходимо добиваться их обеспечения в полном объеме и во всех областях социальной жизни. Для марксистско-ленинского понимания свободы совести характерно не противопоставление верующих неверующим, а установление связей с религиозными массами в целях расширения базы революционной деятельности.

Основными элементами марксистско-ленинского понимания свободы совести являются: право каждого исповедовать любую религию или не исповедовать никакой; право отправлять религиозные культы; право каждого вести атеистическую пропаганду; равенство всех граждан независимо от их отношения к религии и атеизму; равенство всех религий перед законом; отсутствие какого бы то ни было принуждения в отношении исповедания или неисповедания религии; запрещение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями; невмешательство государства во внутренние (богослужебные, канонические) дела церкви; невмешательство церкви в дела государства.

Марксистско-ленинский подход к проблеме, как показала практика осуществления свободы совести в СССР и странах социалистического содружества, — единственно правильный и научный.

---

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 26.

„Они жертвовали всем"

Ф. НИКИТИНА,
кандидат философских наук

Рисунки В. Иванова.

В обвинительном заключении военно-судной комиссии по делу петрашевцев вслед за Достоевским шел Ханыков — студент Петербургского университета. Вместе с Достоевским в числе петрашевцев, осужденных на смерть, Александр Владимирович Ханыков был на Семеновской площади утром 22 декабря 1849 года в ожидании приведения в исполнение страшного приговора. Он находился среди тех, о ком позднее Ф. М. Достоевский с гордостью писал: «Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния... В ту минуту, если не всякий, то по крайней мере чрезвычайное большинство из нас почло бы за бесчестье отречься от своих убеждений...»

Младший сын библиотекаря департамента народного просвещения, Ханыков принадлежал к так называемому «последекабрьскому» поколению мыслящей молодежи России. Полные искреннего сочувствия крепостному крестьянству, эти молодые люди жадно искали ответы на злободневные вопросы социально-политической жизни страны в науке и литературе, все более уходивших из-под влияния официальной идеологии, зиждившейся на известном изречении: «православие, самодержавие, народность».

Ханыков увлекался литературно-критическими статьями В. Г. Белинского и философскими работами А. И. Герцена, в которых провозглашался материализм, а идеализм и религия осуждались за отрыв от жизни, равнодушие к страданиям народных масс. Читал молодой человек и сочинения западноевропейских социалистов-утопистов, в частности Фурье. Все свое свободное время Ханыков проводил в кругу петрашевцев, где в дружеской обстановке обсуждались самые интересные для него вопросы. Здесь говорили о будущем России, о перспективах революций на Западе, о положении народа и политике самодержавия. Нередко возникали жаркие споры о промысле божьем, о бессмертии души, о свободе воли, сущности религии и религиозной морали. Сильное впечатление на Ханыкова произвели слова М. В. Петрашевского: «Слепая вера в бога вредна, ибо она повергает человека в бездействие и косность»[1].

Ханыков бывал не только на знаменитых «пятницах» у Петрашевского, но и на вечерах у поэта А. Н. Плещеева, принимал участие во встречах у чиновника петрашевца Н. С. Кашкина[2]. На обеде в честь Фурье он выступил с речью. В ней осуждалась политическая линия царизма и русской православной церкви. Ханыков заявил: «Отечество мое в цепях, отечество мое в рабстве, религия, невежество — спутники деспотизма — затемнили, заглушили твои натуральные влечения»[3]. Заметим: содержание именно этой речи инкриминировалось ему впоследствии как преступление против самодержавия и церкви.

Ханыков был одним из наиболее активных и радикально настроенных петрашевцев. Как и сам хозяин «пятниц», он был занят поисками революционной теории, способной объяснить существующее и показать пути изменения действительности. Обратившись к Фурье по совету Петрашевского, Ханыков решительно отмел религиозные наслоения у французского социалиста. Он мечтал воплотить социалистические идеалы в жизнь, а для начала — взяться за их распространение среди мыслящей части общества. Этому и посвятил Александр Ханыков свою короткую, но яркую жизнь.

Начитанный, энергичный, увлеченный, он заражал всех, кто с ним встречался, жаждой знаний, энтузиазмом в распространении передовых идей. Петрашевский высоко ценил его дар пропагандиста. Ханыков собрал вокруг себя группу молодых людей, поставивших своей задачей готовиться к грядущей революции. По донесениям царских агентов, он и его друзья «в разговорах между собой, порицая религию и правительство, рассуждали между прочим о французской революции, о республиканском правлении и о том, что в России может быть республика»[4].

В свою группу Ханыков вовлек студента Петербургского университета Н. Г. Чернышевского. Именно он оказал влияние на формирование мировоззрения Чернышевского, познакомил его с идеями петрашевцев, помог освободиться от усвоенных в детстве религиозных предрассудков. С ним первым Чернышевский беседовал «о политике в радикальном смысле».

Ханыков обратил внимание Чернышевского на возможность и близость революции в России, указал, что в стране есть «множество элементов возмущения, например, раскольники, общинное устройство у удельных крестьян, недовольство большей части служащего класса и проч.»[5]. Он снабжал Черны-

---

[1] «Дело петрашевцев». М.—Л., 1951, т. 3, стр. 28.
[2] Подробнее о петрашевцах см. статью «Вперед без страха и сомненья...». «Наука и религия», 1974, № 6.
[3] «Дело петрашевцев», т. 3, стр. 18.
[4] Там же, стр. 355.
[5] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1939, стр. 196.

шевского литературой из библиотеки петрашевцев, сочинениями Гегеля и Фейербаха, давал для чтения собственные статьи.

Чернышевский, со своей стороны, помогал Ханыкову, блестяще владевшему французским языком, основательнее изучить немецкий. За несколько месяцев общения зимой 1848—1849 годов Ханыков стал близок и дорог Чернышевскому как человек «с убеждением и сердцем горячим», как последовательный сторонник прогресса, враг рутины. Услышав об аресте петрашевцев, Чернышевский многозначительно записал в своем дневнике: «Я, например, сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы»[6].

Инициативе и энергии молодого Ханыкова приходится только поражаться. Он был участником всех пропагандистских начинаний петрашевцев. Так, когда на собраниях у Кашкина возникла идея создания коллективной библиотеки, он вместе с братьями Дебу вызвался быть ее распорядителем и распространителем книг. А когда появилась идея нелегального издания западных социалистов, Ханыков немедленно начал переводить одну из частей сочинения Фурье «Теория всемирного единства». Он не раз встречался с Н. А. Спешневым, пытавшимся наладить за границей печатание запрещенных в России книг, с Достоевским, который, по мнению некоторых исследователей, принимал участие в попытках петрашевцев создать в стране тайную типографию.

Следует по достоинству оценить настойчивость Ханыкова, его целеустремленность и мужество в организации пропаганды передовых идей. В 1845 году он познакомился с Петрашевским, в 1846 стал посещать «пятницы», а в 1847 «за неблагонадежное поведение», иными словами — за революционную пропаганду, был исключен из университета. Но продолжал ходить на лекции, бывать у Петрашевского, распространять политическую литературу, читать произведения запрещенных цензурой западных социалистов, вести пропагандистские беседы. Влияние социалистических и атеистических идей Ханыкова, кроме Чернышевского, испытали на себе молодые чиновники И. М. Дебу и Д. Д. Ахшарумов, студенты А. Д. Толстов и В. П. Катенев, а также готовившийся к поступлению в университет Б. И. Утин.

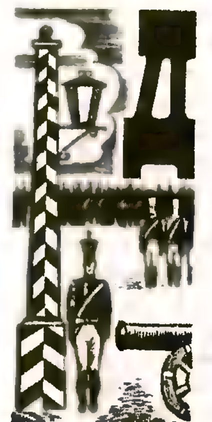
Через Ханыкова атеистические идеи стали распространяться петрашевцами в так называемом «среднем классе» — среди мелких лавочников, купечества, мещан. Так, знакомый с Ханыковым и его друзьями хозяин табачной лавки П. Г. Шапошников увлекался Вольтером. Он читал сам и давал читать другим книгу французского мыслителя «Естественный закон». Купеческие дети Утин и Катенев читали и, видимо, переписывали атеистическую рукопись под названием «Религия будущности...».

В кругу Ханыкова живо обсуждались вопросы о силах, способных на борьбу с царизмом, о подготовке к решительному выступлению. Думали петрашевцы и о том, где скорее всего можно ожидать начала революционных действий. Одним из таких мест считалась Польша. В этой стране, лишенной в то время политической самостоятельности, не ослабевало национально-освободительное движение, постоянно подавляемое военной силой.

С глубоким уважением относились петрашевцы к польским революционерам, видели в них своих соратников. По рукам в кружках петрашевцев ходил перевод стихотворения А. Мицкевича «К друзьям русским», где провозглашалось великое братство русских и польских борцов за свободу. Польский поэт славил подвиг декабристов и проклинал самодержавие. Обращаясь к своим русским товарищам, «казненным, изгнанным, заключенным», он восклицал:

Где вы теперь? И ты, благородный Рылеев,
которого я братски обнимал, — висишь,
царским указом привязанный к позорному столбу.
Проклятие терзающим своих святых пророков! [7]

Ханыков и его друзья внимательно следили за революционными событиями в Польше. Из материалов Комиссии по делам арестованных до нас дошли выписки петрашевцев из сочинений французского историка Луи Блана, где рассказывалось об обстоятельствах революционного выступления в Польше в 1830 году. Там говорилось о пропагандистской деятельности Яна Домбровского, о распространявшемся тайном манифесте и т. п. Вне сомнения, все это вписывалось в общий их план подготовки народа к революции. Реализация его, по глубокому убеждению радикально настроенных петрашевцев, должна была начинаться с отказа от религиозных догм.

Деятельность Ханыкова была прервана арестом. Затем последовали долгие месяцы пребывания под следствием, приговор к четырем годам каторги, замененный расстрелом. Потом был Семеновский плац, ссылка в солдаты, где он, судя по официальным документам, умер от холеры.

До недавнего времени многое из жизни Ханыкова было неясно. Мы почти ничего не знали о нем как авторе пропагандистских сочинений. Вызывает сомнение утверждение известного исследователя истории атеизма И. П. Вороницына о том, что в тяжких условиях солдатчины Ханыков стал искать утешения в религии[8]. Наконец, нам до сих пор ровным счетом ничего не известно об обстоятельствах смерти петрашевца.

Новые данные дают возможность пролить свет на некоторые из этих вопросов.

Всякий, изучающий жизнь и деятельность Ханыкова, не может не искать доселе неизвестных его сочинений. (О том, что они были, свидетельствует Чернышевский в своем дневнике.) Долгое время

---

[6] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 274.

[7] «Дело петрашевцев», т. 1. М.— Л., 1937, стр. 296.

[8] См.: И. П. Вороницын. История атеизма. М., 1930, стр. 887.

ничего обнаружить не удавалось. Наконец мое внимание привлекла рукопись под названием «Религия будущности. Человек или Христос? Быть или не быть?» Она хранится в фондах Центрального государственного военно-исторического архива СССР, в части № 16 знаменитого дела № 55 — дела петрашевцев[9]. Копия этой рукописи, побывавшая в руках полицейского агента Наумова, имеется в части № 2 того же дела, озаглавленной «Предварительные сведения по донесениям агентов по делу о злоумышленниках Буташевиче-Петрашевском и других» (лл. 167—174).

Известный дореволюционный историк В. И. Семевский, первым получивший доступ к следственным делам петрашевцев, видел этот документ и в декабре 1916 года в журнале «Голос минувшего» даже приводил выдержки из него. Он предполагал, что рукопись эта — есть не что иное, как перевод сочинения Фридриха-Генриха Фейербаха — брата известного философа-материалиста Людвига Фейербаха, высоко ценившегося петрашевцами. К такому выводу Семевский пришел потому, что заголовок документа повторял название работ Ф. Фейербаха. Проверить свое предположение ученый не смог: книг этого автора в России не оказалось, а получить их из-за границы было невозможно — шла империалистическая война.

Когда почти шесть десятилетий спустя книги Фридриха Фейербаха были получены из Берлинской государственной библиотеки и библиотеки города Берна, то при сопоставлении текста рукописи, хранящейся в деле петрашевцев, с содержанием книг предположение Семевского не подтвердилось. Теперь мы с полной определенностью можем сказать: рукопись из дела петрашевцев — самостоятельное сочинение.

Автор рукописи — Ханыков. Во-первых, документ написан его весьма характерным почерком. Во-вторых, в конце рукописи имеется полустертая приписка карандашом, указывающая его домашний адрес: «На Кирочной второй дом от Литейной — дом каретн. Мельцера». Логично предположить, что, давая знакомым свое сочинение, Ханыков приглашал их домой, для чего и приписал адрес — у него нередко собиралась на беседы молодежь.

Рукопись эта — зрелое атеистическое сочинение, в котором использованы идеи Фридриха Фейербаха — блестящего популяризатора работ своего брата. Лейтмотив произведения — разоблачение христианства как явления чуждого и враждебного людям. Призывая к аскетизму, прославляя стремление к потустороннему счастью, религия, по мнению Ханыкова, мешает понять, что истинное, реальное счастье возможно только на земле и построить счастливую жизнь человек может и должен собственным трудом. Идее религиозного аскетизма он противопоставляет распространенное среди философов-материалистов XVIII века представление о естественных потребностях человека, которые могут быть удовлетворены на земле.

Свою задачу пропагандиста автор видел в распространении атеизма, в разъяснении, что христианство (желают того или не желают его идеологи) ущемляет природные потребности человека, а это в конечном итоге может привести к истреблению людей. Отсюда призыв: «Мы должны прежде всего стараться, чтобы не дух христианства владел человечеством, осуждающий и проклинающий нашу природу, а другой, совершенно с нею примиренный». Таким «духом» Ханыков полагал учение о человеке и его потребностях.

Как и другие петрашевцы, он считал человеческую природу «в сущности неизменной» и не мог правильно ответить на вопрос: в чем корень земных бедствий, где лежат причины социального неравенства, эксплуатации человека человеком. Ханыкову казалось, что все дело «в признании или непризнании человеческой природы». С точки зрения диалектического материализма это объяснение, конечно, не выдерживает критики. Но в то время призыв искать причины земных страданий не в божьем наказании за грехи, а в земных же делах — означал шаг вперед в преодолении религиозных представлений об общественном развитии. Ханыков ставил счастье людей в зависимость от их земной деятельности, объявлял человека хозяином собственной судьбы, внушал веру в свои силы.

С порога отбрасывая надежды человечества на помощь бога, Ханыков писал: «Проповедовать надежду на бога, значит, задушить в зародыше человеческое самосознание».

Прообраз социалистических отношений Ханыков видел в крестьянской общине. Именно ее он считал той основой, на которой будет построен социализм. А что будет с религией? «Везде, повсюду наконец, признается воля человека за высший закон человечества и бог, т. е. богословие, будут принесены в жертву человечеству». Но пока это только будущее, за которое следует бороться. Начинать борьбу Ханыков предлагал с того, чтобы «исключить религию от воспитания людей».

Исследования советского историка В. А. Дьякова доказали, что своей пропагандистской работы Ханыков не прекратил и во время ссылки [10].

Сослан он был в Орскую крепость, где в 5-м линейном Оренбургском батальоне близко сошелся со ссыльными поляками. С Хиполитом Завадским, наказанным шпицрутенами и отданным в солдаты за попытку в 1846 году присоединиться к краковским повстанцам и вести революционную агитацию среди рекрутов. С Эдвардом Пожерским, осужденным в 1850 году

[9] ЦГВИА СССР, ф. 801, 1 стр. IV отд., пп. 1849, № 55, ч. 16 «Следственное дело о мещанине Петре Григорьеве Шапошникове, почетном гражданине Катеневе, студентах Толстове и Данилевском, купеческом сыне Утине и мещанине Вострове». На 415 лл., лл. 138—145 об.

[10] См.: В. А. Дьяков. Польско-русско-украинский кружок политических ссыльных в Орской крепости в 1847—1850 гг. «Славянская историография и археография». М., 1969.

за участие в заговоре против правительства. С Фаустином Грудзинским, обвиненном в хранении запрещенных книг и антиправительственных стихов. С Владиславом Докальским, арестованным в 1848 году за хранение оружия и пороха.

Здесь же он познакомился с великим украинским поэтом и мыслителем Т. Г. Шевченко, который, как и Ханыков, попал в солдаты «за политические преступленья».

Ссыльные быстро нашли общий язык. Их объединяла ненависть к самодержавию, недовольство политикой царизма, желание помочь страдающему народу независимо от того, какой он национальности. Так возник тайный интернациональный — польско-русско-украинский — кружок политических ссыльных, просуществовавший несколько лет. Несмотря на строжайший запрет встречаться, на тяжкие условия солдатчины и неусыпный сыск, Ханыков и его новые друзья не опускали руки. Оторванные от привычных условий жизни, от родных и близких, лишенные права читать и писать, они были полны оптимизма. С большим трудом организовав получение литературы из Петербурга, ссыльные изучали и обсуждали философские и исторические сочинения на французском, немецком, польском и русском языках, даже писали сатирические стихи о царских министрах.

частники кружка ставили перед собой задачу продолжить идейно-теоретическое образование. Они обменивались опытом политической борьбы. В большом ходу среди них были рукописные сочинения — конспекты ранее прослушанных лекций, выписки из книг, собственные заметки. Одна из таких рукописей сыграла роковую роль в судьбе петрашевца.

В 1851 году кружок был раскрыт. Начались обыски, аресты, дознания. Среди «предосудительных» документов в бумагах Пожерского была обнаружена рукопись «Взгляд на историю». В III отделении, куда она попала, правильно поняли основную идею анонимного документа — идею «борьбы победителей и побежденных», которая «выражается преобладанием одного государства над другим... в определении прав богатых и бедных». Особое внимание в документе было обращено на характеристику России как страны, где господствуют деспотизм, «произвол и случайность, а вследствие этого угнетение одного лица другим играет большую роль». С большой симпатией говорилось в рукописи о революции 1848 года: специально рассматривались политические и правовые институты, созданные в ходе борьбы народа за свои права и утверждавшие гражданские свободы, обеспечивавшие защиту демократического правопорядка, включая всеобщее избирательное право [11].

Был произведен строгий допрос подозреваемых в авторстве. В их числе был и Ханыков. Заметим, что в официальных документах — списках «нижних чинов, поступивших на службу в Оренбург за политические преступления», его фамилия фигурировала первой. Свое авторство петрашевец отрицал. Кто-то из его друзей выдвинул версию о том, что рукопись принадлежит солдату, к тому времени умершему. Но генерал-губернатор В. А. Перовский — тот самый, который в 1849 году возглавлял военно-судную комиссию по делу петрашевцев, — в это не поверил. По-видимому, он догадывался, что автором рукописи был Ханыков.

9 марта 1851 года Перовский через начальника штаба корпуса жандармов генерала Дубельта передал начальнику III отделения графу Орлову письмо от родных Ханыкова со своей препроводительной запиской, означавшей, по существу, смертный приговор. В ней просьба родных смягчить наказание была бессовестно искажена и «понята» самым иезуитским образом. Предлагаем читателю содержание записки:

«Почтеннейший Леонтий Васильевич!

Из прилагаемого письма Ваше превосходительство усмотрите, на какой конец я Вас убедительнейше прошу доложить содержание оного графу Алексею Федоровичу, не в смысле ходатайства о смягчении участи Ханыкова, а лишь принятии в соображение его умственного расстройства. Родные сочтут милостью, если он будет сослан в какой-нибудь гарнизон, где люди скоро умирают от болезни, или даже заключен в дома умалишенных; это будет для них легче, чем видеть его в арестантских ротах и каждый день страшиться нового позора. Потрудитесь меня уведомить о последующем.

Преданный Вам В. Перовский».

После согласования решения с начальником III отделения и военным министром Ханыков был переведен в батальон № 1, где в полном расцвете сил 30 июня 1853 года умер от холеры. Было ему 28 лет.

аныков и его единомышленники — радикально настроенные петрашевцы — продолжили дело, начатое декабристами. Они мечтали сблизиться с народом, пытались расширить свой круг, соединиться с революционерами Украины и Польши. Петрашевцы стояли у колыбели нового поколения революционеров-демократов — поколения «шестидесятников». К Ханыкову с полным правом могут быть отнесены слова А. И. Герцена, сказанные о молодых революционерах России: «Они жертвовали всем, чего добиваются другие: ...всем, что им предлагала традиционная жизнь... к чему нудила семья, из-за своих убеждений и остались верными им. Таких людей нельзя просто сдать в архив и забыть».

[11] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп. III отд., оп. 1851, ед. хр. 82 «О найденных бумагах и книгах предосудительного содержания у прапорщиков Оренбургского линейного № 5 батальона Гурьева и Невельского и у рядовых Ханыкова, Завадского и Пожерского», лл. 42—44 об.

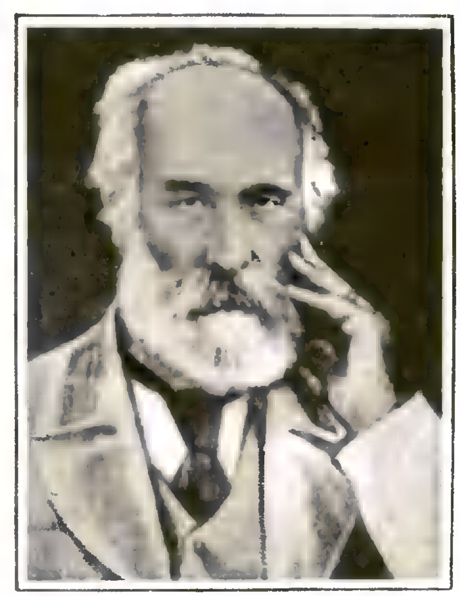
✦

В. КУСАЕВ,
кандидат философских наук

Протест мыслящего ума

Защитники религиозной идеологии стремятся изобразить атеизм как порождение марксизма и социалистических революций, явление, чуждое истории народов, их духовной жизни и традициям. Однако история общественной мысли каждого народа опровергает эти утверждения. Во все времена, даже в самые мрачные периоды засилья идеализма и религии, в ней находили место свободомыслие, идеи атеизма. Один из многочисленных примеров этого — творчество и деятельность первого осетинского философа-материалиста, демократа, публициста Афанасия Абрамовича Гассиева (1844—1915). Достижения атеистической мысли прошлого, как указывал В. И. Ленин, играют большую роль в усилении разнообразной атеистической пропаганды. Наследие Гассиева—ученого, блестящего публициста — и сегодня служит преодолению религиозной идеологии.

А. А. Гассиев

А. ГАССИЕВ начал свою критику религиозной идеологии еще до того, как марксистская теория получила широкое распространение. Обширные его познания в области философии, социологии, этнографии, экономики, педагогики, языкознания, гражданская направленность его творчества делали эту критику весьма убедительной. Религия, говорил он, «окутала народ мраком суеверий и убивала в нем лучшие стороны души... внушала смирение, послушание, набожность», была «средством оправдания лени, ничегонеделания, подчинения злу, пренебрежения обязанностями в отношении семьи, общества, угнетаемых и обездоленных»[1].

Его критика сущности религии тем более интересна, что ее дает человек, хорошо изучивший ее особенности и тонкости: А. Гассиев — выпускник Киевской духовной академии, кандидат богословия. Ему предназначалось стать защитником религии, наставником верующих, а он сделался убежденным материалистом, пришел к атеизму и блестяще пропагандировал свое миропонимание.

Выходец из бедной горской семьи, А. Гассиев пробился к образованию с огромным трудом и своей жизнью подтвердил справедливость опасений митрополита Филарета, который предупреждал, что «крестьянских детей не слишком... надобно привлекать в училище.... Точно ли доброе направление получит в них грамотность, не возбудится ли жадность к знанию суетному...».

А. Гассиев не воспринял религиозных объяснений явлений природы, которые давала ему духовная академия, не нашел в теологии удовлетворения своему любознательному и критическому уму. Почувствовав тягу к философии, он посвящает свое курсовое сочинение историко-философской критике Корана — основного источника вероучения ислама. За эту работу Гассиев получил степень кандидата богословия, однако она только на первый взгляд могла показаться миссионерской. На самом деле, разбирая мусульманское вероучение, он высказывал мысли, относящиеся к религиозной идеологии вообще.

В течение четырех лет А. Гассиев был смотрителем моздокского духовного училища, и эта служба лишь придала остроту его критической мысли. «Владикавказские епархиальные ведомости», характеризуя Гассиева как человека «недюжинного критического ума», поражающего «смелостью и оригинальностью суждений», в которых ярко выступает «большая наблюдательность и опытность», с сожалением отмечали, что его взгляды «проникнуты оттенком рационализма» и это способствовало обострению его отношений с духовенством, «с которым у него выходили крупные нелады»[2].

Совершенно закономерно Гассиев оставил службу по духовному ведомству. Впоследствии он занимал ряд должностей в различных уездах Закавказья, но главным его занятием была научная и литературная деятельность. Его выступления в газетах в защиту угнетенного народа, разоблачения власть имущих привели в конце концов к тому, что в 1904 году он был уволен со службы «из-за политической неблагонадежности». Получить работу ему больше не удалось.

Несмотря на то что Гассиев учился в духовных учебных заведениях, его взгляды формировались под воздействием тех социальных сдвигов, которые вызвали острую борьбу между основными идейными течениями в России второй половины XIX века. Он воспринял идеи передовых представителей науки, философии и революционно-демократической мысли и твердо стал на позиции материализма и атеизма[3].

---

[1] Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института (СОНИИ), ф. А. А. Гассиева, д. 32, л. 78.

[2] «Владикавказские епархиальные ведомости», 1910, стр. 689.

[3] Наиболее значительные труды Гассиева — «Коран, его происхождение и образование» (1872); «Анализ Корана по основным вопросам вероучения и нравоучения» (1875); «Новейший философский реализм об основах религии и нравственности» (1876); «Основы религии и нравственности по учению философа Гербарта и его школы» (1878), «Земельно-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе» (1909); «О пропавшем сельском банке и аульных порядках» (1912); «Новое исследование учения Льва Толстого» (1914); «Иуда-предатель» (1914). Ряд трудов он написал по вопросам языкознания.

Важным источником формирования миропонимания Гассиева была его органическая связь со своим народом, с его чаяниями, интересами, прогрессивными традициями, в целом с его жизнью, трудом и борьбой. Вместе с тем он испытал значительное идейное влияние наследия лучших представителей философской мысли и других стран. Владея многими языками, он имел возможность изучать в подлинниках историю общественной и философской мысли не только русского общества, но и Запада и некоторых стран Востока. В его трудах обнаруживаются поистине энциклопедические познания.

В своих работах Гассиев опирался на новейшие достижения современного ему естествознания, умело использовал их в критике идеализма и религии. На основе анализа и обобщения данных науки он своим путем пришел к материалистическим выводам о том, что мир вечен в своем существовании, бесконечен в своем многообразии, но един в своей основе, и единство это состоит в его материальности. «Основа миров — материя, — писал Гассиев, — вечна, не возникла из ничего и не может обратиться в ничто, исчезнуть»[4].

Он хорошо понимал значение важнейшего естественнонаучного принципа неуничтожимости и несотворимости материи как для самих естественных наук, так и для философской критики идеалистических воззрений и религиозных идей творения. Если мир сотворен, как утверждает богословское учение, — пишет Гассиев,— то, «во-первых, из чего, во-вторых, где раньше помещался его творец? Сказать — везде? Но под этим «везде» подразумевается беспредельное пространство. Значит, его нужно считать несотворенным, т. е. существующим изначала и не могущим исчезнуть, ибо негде, некуда ему исчезнуть. Исчезновение в смысле уничтожения — абсурд, невозможность»[5].

Материалистические позиции позволили Гассиеву дать обоснованную историко-философскую критику религии.

Большой интерес представляет его разоблачение идеалистических теорий врожденности религиозных идей. Эти теории доказывали, что религия — явление в своей сущности внеисторическое, непреходящее, присущее всем людям с самого начала и в будущем непреодолимое, то есть вечное, что религиозное сознание — часть биологической и психической природы человека.

В отличие от многих домарксовских материалистов, он в опровержении теории врожденности идей не ограничился логическими приемами, а широко опирался на данные естественных наук. «Вся современная психология, — писал он, — держащаяся идеи «генезиса», и биологическая наука, «установившая понятие жизни», развивающейся из одной органической клеточки при взаимодействии внутренних и внешних сил, далее, наконец, все современное естествознание решительно против **врожденных идей, — как именно** готовых определенных идей»[6].

Развивая традиции предшествующих атеистов, Гассиев исследовал эмоциональные и гносеологические источники религии, сложный психологический и логический процесс возникновения религиозного сознания. Он подчеркивал большую роль в этом процессе социальных условий. Трудности существования, многочисленные страдания и сознание собственного бессилия, невозможность освободиться от них здесь, на земле, приводят человека к религии. Не находя у себя под рукой естественной опоры, люди обращаются к сверхъестественному. «Богатый источник религии, — писал Гассиев, — это **человеческие страдания...** В беспокойном состоянии и печали, в страхе и унынии душа спешит к помощи и спасению... **Сознание человеком собственной своей слабости,** немощности нравственной, иначе сказать — сознание **бессилия возвыситься до требования идеалов,** что порождает в нем чувство смирения»[7].

«Всякое учение, или взгляды, или толкование, — говорил он, — которые хоть немного можно согласовать со здравым смыслом, логикой, отцы церкви отвергали и объявляли ересью. Вместо понятных и вероятных учений объявляли истинными такие, которые заключали в себе побольше непонятного, бессмысленного, несуразного. Это, вероятно, для того, чтобы темные, доверчивые умы народа поражать непостижимостью и противоречием истин божественного откровения и поднять заслугу слепой веры»[8].

Определения бога и доказательства его бытия в различных богословских и идеалистических учениях противоречивы и несостоятельны. Логический их анализ, сопоставление с жизнью и даже с самими религиозными учениями обнаруживают грубейшие противоречия и приводят к выводу о невозможности существования бога. «Все религии, — писал Гассиев, — настойчиво проповедуют вездесущего бога, безграничного, всепроникновенного и т. п., но когда бога изображают личностью, то эти понятия вездесущности и пр. становятся логической несообразностью и вызывают в каждом мыслящем уме протест, отрицание»[9].

При сотворении мира, утверждают учители церкви, был выбран наилучший вариант мироустройства, так как высочайшая мудрость и благость — необходимые атрибуты бога — могут действовать только в совершенной гармонии. Но это утверждение опровергается действительностью жизни, и, кроме того, оно противоречит самим же религиозным учениям. Гассиев писал: «Во всех религиозных учениях, в особенности библейском, бог изображается таким, что в его мироуправлении, отношении к роду человеческому видны страшные недостатки: ограниченность разума, лицеприятие, несправедливость, жестокость и другие подобные качества»[10].

Взять хотя бы то, что он создал неразумную чету, обманутую змеем, и наказал всех ее детей страданиями и смертью. В Библии явно обнаруживается ненависть ко всем народам, кроме народа Израиля. Поэтому, гово-

---

[4] Архив СОНИИ, ф. А. А. Гассиева, д. 34, л. 162.

[5] Там же.

[6] А. А. Гассиев. Основы религии и нравственности по учению философа Гербарта и его школы. «Христианское чтение». СПб., 1878, № 5—6, стр. 633.

[7] А. А. Гассиев. Новейший философский реализм об основах религии и нравственности. «Христианское чтение». СПб., 1876, № 9—10, стр. 342.

[8] Архив СОНИИ, ф. А. А. Гассиева, д. 34, л. 144.

[9] Там же, д. 2, л. 17.

[10] Там же.

рил Гассиев, древнехристианские философы-гностики не без основания признавали бога, действующего в Ветхом завете, злым духом, демиургом, ужасные дела которого пришел исправить добрый дух — Христос. Но и в Новом завете отец небесный изображен в чертах, приближение или подражание которым далеко не было бы нравственным совершенствованием — ведь он осуждает на вечные муки людей, не принявших веры в Христа и даже не слышавших об этой вере, — то есть девять десятых человечества.

Не менее жесток и несправедлив мусульманский бог — Аллах, который велит правоверным истреблять тех, кто в него не уверовал, изощряется в выдумывании страшных наказаний за малейшие грехи... Можно долго перечислять поистине ужасные дела милосердных богов. «Чтобы в означенных деяниях, — писал Гассиев, — видеть высшее совершенство, святость, мудрость и прочие идеалы, к которым человек должен приблизиться, для этого нужно было путем фантазирования, измышления и мистики извращать... законы разума, логики и повседневного опыта»[11].

Показав внутреннюю противоречивость, несоответствие действительности и реакционную роль идеи бога, Гассиев заключает, что «вера в бога... теперь если еще не упразднена окончательно успехами наук, то близка к этому»[12].

Ясно видя пагубные последствия влияния религии и церкви на жизнь людей, общества, он называл христианство «разрушительным циклоном, вторжением мрачных сил и человеческого безумия» в разумный ход развития человеческой истории — так оно выглядит в его церковной форме. С гневом осуждал он жестокие преследования защитниками религии виднейших ученых. «Ненависть христианской церкви, как и иудейской, — отмечал Гассиев, — проявлялась ко всем важнейшим сторонам человеческой культуры, особенно же к свободе мысли, научным исследованиям и искусствам... Она во все времена преследовала людей науки и философии угрозой сожжения на костре, погашая в них свет разума и подавляя свободу мысли»[13]. То же относится и к исламу, засилье которого на века задержало культурное и социальное развитие исповедовавших его народов.

Он был в числе немногих домарксовских атеистов, подвергших глубокой критике богословские концепции цели и смысла жизни. Согласно религии, цель жизни — вечное спасение души, которое можно получить, исполняя волю бога и достигнув богоподобного совершенства. «Будьте совершенны, как совершен отец ваш небесный», — так завершается Нагорная проповедь Христа. Настоящая ваша жизнь после смерти, говорится в Коране. Смысл жизни человека все религии выносят за пределы его земного бытия. Гассиев отвергает это:

«Цель жизни — в самой жизни. Жизнь для жизни дана... Она возникла без цели или чьего-либо намерения, она есть необходимое явление природы, но в самом своем процессе дает человеку... испытывать бесчисленные акты наслаждения и постоянную радость бытия. Поэтому жизнь человека нужно считать самоцелью, помимо нее и выше ее нет цели и идеала»[14].

Моральное учение христианства, согласно которому смысл жизни на Земле состоит только в спасении души для будущей небесной жизни, противопоставляет личную жизнь человека общественной, убивает в нем чувство коллективизма, закрепляя тем самым чувство эгоизма, индивидуализма, утверждая мистицизм. Даже призыв евангельской заповеди к верующему человеку — «люби ближнего твоего, как самого себя»,—по словам Гассиева, имеет иную подоплеку, а не прямой смысл, ибо здесь подразумевается любовь к человеку не без корысти, а с расчетом «приблизиться к совершенству бога и удостоиться от него награды в блаженной вечной жизни», как сказано в той же заповеди.

«Выходит, — говорил он, — человек хлопочет о себе, как бы эксплуатирует ближнего для собственного блага и обманывает его своей любовью»[15]. Он считал, что «учение о нравственности» должно основываться на единстве личного и общественного интересов, «на идее общего строительства жизни для счастья всех»[16].

Изучая труды Гассиева, убеждаешься, что его критика религии была подчинена задачам практического избавления людей от угнетающей их идеи бога во имя улучшения жизни и их счастья. Она проникнута глубоким чувством гуманизма и страстным желанием увидеть людей духовно освобожденными.

Не обращаясь «мыслями, сердцем и волею к предметам, — говорил он, — вне жизни рисующимся, к угождению богу для получения наград на том свете, на что сотни миллионов верующих затрачивают время, труды и духовную энергию, люди несомненно гораздо успешнее улучшили бы свою жизнь — личную, семейную и общественную, улучшили в материальном, гигиеническом и других отношениях, а вместе с тем... стали бы редкими преступления, поднялся бы нравственный уровень и отдельного человека и общества, усилились бы между людьми чувства взаимного уважения»[17].

Выдающийся мыслитель-демократ А. Гассиев, безусловно, сделал значительный вклад в развитие атеистической мысли на Кавказе конца XIX и начала XX века. Однако в вопросе о путях исчезновения религии он все же еще разделял ограниченные взгляды своих предшественников-атеистов, полагал, что это осуществится путем просвещения, распространения научных знаний и атеистических идей. Тем не менее своими трудами Гассиев приближал время, когда религиозная идеология утрачивает власть над умами людей. Его выступления против религии и церкви, против всякого рода несправедливости и зла — замечательный пример самоотверженного служения народу, его свободе и счастью, делу прогресса человеческого общества.

---

[11] Архив СОНИИ, ф. А. А. Гассиева, д. 2, л. 37.
[12] Там же, д. 34, л. 167.
[13] Там же.
[14] Там же, д. 2, л. 40.
[15] А. А. Гассиев. Новое исследование учения Льва Толстого. Владикавказ, 1914, стр. 46.
[16] Архив СОНИИ, ф. А. А. Гассиева, д. 34, л. 196.
[17] Там же, д. 2, л. 41.

„Никола в Подкопаеве“

●Православный храм с таким просторечным, типично старомосковским названием стоит в центре столицы, на углу переулков Подкопаевского и Подколокольного (кстати сказать, по колокольне этой церкви и названного). Ступив на Солянку, одну из самых древних московских улиц, вы увидите слева здание церкви в честь праздника рождества богородицы (построена в 1821 г.). К ее названию москвичи прибавили когда-то меткое и образное топографическое уточнение — «что на Стрелке», то есть на остром углу, образованном Солянкой и Подколокольным переулком. Сверните в него и сразу увидите «Николу в Подкопаеве».

Справочник М. Александровского «Указатель московских церквей», выпущенный в свет в 1915 году, и брошюра известного историка и археолога И. Ф. Токмакова «Краткий историко-археологический очерк церкви св. Николая Чудотворца, что в Подкопаях», изданная за четверть века до этого, сообщают: «Никола в Подкопаеве» (или «в Подкопаях») впервые упомянут в летописях еще в годы княжения государя Ивана III; не позже 1686 года здесь стояла уже каменная церковь».

Обратимся теперь к примечательному и любопытному названию, нигде более не встречающемуся. «Подкопаевым» (или «Подкопаями») называлось урочище, где жители Москвы добывали (копали) глину для строительных и иных надобностей.

Надо заметить в этой связи, что старинная московская топонимика представляет собой самое причудливое переплетение четырех основных «стихий»: топонимики ландшафтной (пример — «Подкопаево»); ремесленно-слободской, профессиональной (главным образом названия ремесленных и иных слобод); церковной (названия храмов и монастырей) и домовладельческой (фамилии владельцев хором и дворцов, палат и особняков). Две последние «стихии» пользовались поддержкой со стороны и властей светских, и властей духовных. Две первые упорно сопротивлялись им. Нередко бывало так, что та или иная улица, тот или иной переулок по-разному именовались в течение столетий и, случалось, имели одновременно по два, а то и по три названия *.

Так получилось и здесь: Подкопаевский переулок именовался некогда Никольским, но название это не прижилось в московском просторечии. И тогда православная набожность сделала иной ход— приписала этому названию совсем иное, религиозное объяснение, сочинив с этой целью нравоучительную легенду.

«О названии этой церкви старожилы повествуют следующее, — прочтем мы в упомянутой брошюре И. Ф. Токмакова (стр. 4). — Воры вознамерились похитить из означенной церкви имущество и для того не нашли другого способа, как только подкопаться под стену храма, и чрез этот подкоп влезти в оную, похитили серебряную ризу с иконы св. Николая и удалились, но один из них в том подкопе был завален и умерщвлен обвалившимися камнями...»

Сколько таких благочестивых побасенок насочиняли служители церкви. Уж кому-кому, а клирикам Подкопаевского храма, имевшего престол в честь иконы Казанской божьей матери, хорошо известна вся тщета упований «на чудесное ограждение» церковного добра от татей и грабителей. Ибо эту самую «чудотворную» шайка ловких и опытных церковных воров запросто выкрала вместе с драгоценнейшей ризой из собора Богородицкого женского монастыря в Казани, для прославления упомянутой иконы и построенного.

Об этой истории, видимо, стоит рассказать подробнее. Богородицкий женский монастырь в Казани, основанный еще царем Иваном Грозным, можно было назвать крепостью, построенной для сохранения «святыни», — с многочисленным «гарнизоном» — около трехсот монахинь и послушниц плюс команда служителей и сторожей. Обладание «чудотворной» приносило и всей обители, и каждой насельнице, каждому служителю крупные доходы. И легко представить себе, каким ударом была для них ошеломляющая весть, облетевшая обитель на рассвете 29 июня 1904 года: грабители похитили «Казанскую» и «Спаса нерукотворного» вместе с драгоценными ризами!

Лучшие силы полиции (и не только в одной Казани, разумеется), брошены были на розыск «святотатцев», и пять месяцев спустя участники сенсационного ограбления предстали перед окружным судом. Вожаком их был молодой крестьянин Чайкин, опытный церковный вор, только в 1904 году совершивший три успешные кражи из православных храмов (не считая ограбления монастыря в Казани). «Казанскую чудотворную» и «Спаса нерукотворного» он собственноручно разрубил топором на щепы, сжег и пепел выбросил в отхожее место.

И высшие власти империи, и высшие иерархи церкви никак не могли примириться с такой скандальной утратой «чудотворной» иконы. Сколько соборов, церквей и монастырей в честь нее понастроили, сколько восхвалений вознесли и — на тебе! Царь Николай II был крайне опечален, смущен и раздосадован: он вступил на престол в 1894 году за день до «Казанской осенней» и почитал эту икону своею охранительницей.

Чайкина упрятали в Шлиссельбургскую крепость. Там он обучился грамоте, начал читать и размышлять. Восемь лет спустя он признался жандармскому полковнику: «Мне ужасно хотелось тогда доказать всем, что икона вовсе не чудотворная, что ей напрасно поклоняются и напрасно чтут...»

Тать, наказанный свыше обвалом в подкопе, — сказка для доверчивых богомольцев. Священники же, не надеясь на всевышнего, прибегали к иным мерам: окованным дверям с пудовыми засовами, замкам и железным решеткам на храмовых окнах. Издания еженедельного «Церковного вестника», выпускаемого Петербургской духовной академией, изобиловали всевозможными рекламными объявлениями, среди которых можно было встретить и такое:

«КУПИТЕ НОВОСТЬ! Вечный хранитель от краж и полного спокойствия только за 3 р. 50 к. Автоматический сигнальный аппарат «ЭНДОЛЯНС». Можете запирать всех родов помещения, даже те, которые находятся в глуши, смело можете даже уходить, не боясь воров. «Эндолянс» охраняет вас внутри и снаружи. Стоит только непрошенному гостю попытаться открыть дверь, окно или ворота, как аппарат, невидимый снаружи, автоматически моментально бьет сильную тревогу безопасными холостыми выстрелами. Тревога слышна внутри и снаружи, даже на далеком расстоянии. «Эндолянс» необходим для охраны церквей, в домах, магазинах, амбарах, чердаках, погребах, конюшнях и т. п., в какой местности таковые бы ни находились» («Церковный вестник», 1903 г., № 10).

Вот это уже — совсем иной разговор!..

А. ШАМАРО

---

* См. об этом в статье А. Шамаро «Памятники Отечества», «Наука и религия», 1973, № 6, стр. 18—19.

Г. КЕРИМОВ,
кандидат
исторических
наук

Как ислам относится к искусству?

В вашем журнале как-то упоминалось, что мусульманская религия запрещает своим последователям заниматься некоторыми видами искусства, например, живописью, театром... Хотелось бы подробнее узнать о взаимоотношениях ислама и искусства, какие тут существуют запреты для мусульман и как они выполняются?

К. РАХМАНОВ

г. Ташкент

Пророк Мухаммед держит в руках Коран, над его головой надпись: «Нет бога, кроме Аллаха, благоденствуйте!» Открытки с этими изображениями сегодня широко продаются в мусульманских странах.

Так изображают сегодня имама Али ибн Абу Талиба — двоюродного брата пророка Мухаммеда.

Марки на темы сюжетов «Тысячи и одной ночи», выпущенные в одном из Объединенных Арабских Эмиратов — Фуджайре.

ИСЛАМ на протяжении веков был господствующей идеологией во многих странах Востока, поэтому он несомненно оказывал влияние на развитие различных видов искусства, в какой-то мере определяя и ограничивая круг тем и содержание художественных произведений рамками шариата. В то же время ислам — и эту его тенденцию можно проследить с самого начала его существования до сегодняшнего дня — всегда стремился поставить искусство себе на службу, наполнить его религиозным содержанием. Зная силу эмоционального и психологического воздействия искусства на массовое сознание, идеологи ислама старались направить его в религиозное русло. Великие зодчие и архитекторы создали поразительные по красоте мечети, минареты, которые должны были своим великолепием напоминать всем о величии ислама и действительно приводили в трепет благочестивых мусульман. Умелые каллиграфы украсили стены и ворота мечетей изящными загадочными арабесками, переписали стихи Корана так, что каждая строчка напоминает прекрасный орнамент, заполнили страницы книг изречениями мусульманского пророка, при этом иные каллиграфы создали истинные произведения искусства. Для чтения молитв и призыва с минаретов муллы всегда привлекали людей с красивыми, звучными голосами. Египетская певица Умм-Гюльсум, которую на арабском Востоке называли «ковкаб аш-Шарк» — звезда Востока, по пятницам и в дни мусульманских праздников исполняла мусульманские молитвы по Каирскому радио и телевидению. В шиитских траурных обрядах «шахсей-вахсей» в память об убитом имаме Хусейне принимали участие мальчики 8—18 лет с высокими, чистыми голосами. Они читали элегии, оплакивающие имамов. В этих мистериях содержались все элементы театрального искусства[1], хотя официально в Иране театра не существовало. Прекрасные ораторы читали рассказы о деяниях пророков, имамов, шейхов и святых, их высокое исполнительское искусство служило прославлению религии.

В то же время ислам установил запреты и ограничения на некоторые виды искусства. Особенно отрицательно сказался на развитии культуры мусульманского мира запрет на изобразительное искусство. Мусульманам запрещались портрет, скульптура, а также рисунок с изображением каких бы то ни было живых существ.

Чем же мотивировался этот исламский запрет, который, кстати сказать, в современных условиях во многом потерял свою силу?

Главной его причиной послужило одно из множества преданий из жизни Мухаммеда — хадисов. Однажды Мухаммед будто бы совершал намаз в комнате своей любимой молодой жены Айши. Во время молитвы он увидел на шторе яркий рисунок — изображение какой-то птицы — и раздраженно сказал Айше, чтобы она убрала штору, так как рисунок отвлекает его от мысли о едином боге.

Позже Мухаммеду приписали еще несколько хадисов, которые также послужили основой запрета рисовать живые существа. Он якобы говорил: «В судный день великому мучению будут подвергнуты художники», «В дом, в котором есть портреты, не войдут ангелы».

В Коране этот запрет изложен не совсем ясно. Он касается лишь идолов: «Вот сказал Ибрахим отцу своему Азару: «Неужели ты идолов превращаешь в богов? Я вижу, что ты и твой народ — в явном заблуждении» (сура 6, аят 74; см. также: сура 14, аят 38). Именно эти слова были восприняты последователями Мухаммеда как требование уничтожать изображения доисламских божеств, особенно идолов в Мекке и других местах Аравии.

Есть еще одна причина данного запрета. Мусульманская религия считает, что создание живого существа — дело бога, только он — творец всего. А человек, если даже и сможет создать форму живого существа — скульптуру, порт-

[1] См. об этом: Е. Э. Бертельс. Персидский театр. Л., 1924.

рет, никогда не сумеет вдохнуть в них душу и привести в движение. Бог — «тот, кто придает вам форму в утробах». «Мы создали вас, потом придали вам форму», — гласит Коран (сура 3, аят 4; сура 7, аят 10). Поэтому считается, что изображение живых существ — недопустимая конкуренция с Аллахом.

В устрашение художникам мусульманские богословы приводили и хадис, в котором говорится, что в день «последнего суда» изображенные сойдут с картин и потребуют, чтобы им дали душу. А если художник не выполнит это требование, он будет гореть в вечном пламени.

Строго говоря, ни в Коране, ни в хадисах нет прямого запрещения изображать живые существа. Однако со временем все касающиеся этого искусства хадисы были систематизированы и истолкованы авторитетными богословами — так и возник запрет шариата изображать живые существа — прежде всего во избежание идолопоклонства и из опасения отрицания единого бога. В 112-й суре Корана говорится: «Он — Аллах — един, Аллах, вечный; не родил и не был рожден, и не был ему равным ни один» (аяты 1—4). Отсюда мусульманские богословы делают вывод, что бога нельзя представить материально и тем более изобразить в скульптуре или в рисунке.

Запрет на изобразительное искусство, установленный шариатом, привел к тому, что в огромном регионе народов, исповедовавших ислам, многие века практически не было живописи и скульптуры. Из-за этого мы не знаем сегодня, как выглядели, например, знаменитые мудрецы Востока, философы, поэты, военачальники. В наши дни их портреты создаются по описаниям и силой воображения художников. К тому же установления ислама относительно искусства нанесли большой вред не только эстетической стороне жизни так называемых мусульманских народов, но и развитию естественных наук, изучению зоологии, анатомии человека. Еще и сегодня ученые ощущают вред этого запрета. Индонезийский ученый Аш-Шиддики пишет, что шариатские правила осложняют занятия по медицине и ветеринарии, ибо всякий раз, когда речь идет о том или ином животном или живом существе, приходится демонстрировать их студентам в натуре А это не всегда возможно, да и вряд ли целесообразно [2].

Надо заметить, что шариатский запрет на изобразительное искусство часто нарушался. В обход его были, например, созданы львиный фонтан Альгамбры в Гренаде, лазурное изображение льва в Самаркандском медресе, построенном во времена Тимуридов. Те, кто обходил этот запрет, оправдывали свои действия тем же хадисом, который послужил его причиной, — о шторе с рисунком: Мухаммед велел убрать штору, но Айша сделала из нее «митакка» — круглую восточную подушку, и Мухаммед против этого не возражал. В наше время окончание этого хадиса мусульманские богословы приводят в доказательство того, что категорического запрета на изображение живых существ в исламе не существовало, главное, чтобы в поле зрения молящегося не было рисунков.

Еще в начале нашего века известный египетский реформатор ислама шейх Мухаммед Абдо дал фетву — юридическо-богословское заключение, — в которой говорилось: мусульмане могут заниматься изобразительным искусством и скульптурой, так как уже нет опасности поклонения идолам. Сегодняшние последователи ислама уже давно привыкли к иллюстрированным газетам и журналам, которые широко издаются в мусульманских странах. Рисование портрета человека или фотографирование порицается в основном лишь консервативными богословами.

До недавнего времени в ряде мусульманских стран было запрещено киноискусство. Несколько лет назад — при короле Сауде — была сделана попытка открыть в столице Саудовской Аравии кинотеатр. Узнав об этом, реакционные мусульманские богословы и шейхи заявили королю, что, если будет открыт «дом шайтана», они покинут страну. И все же некоторое время спустя в Джидде и Эр-Рияде были построены кинотеатры и телевизионные центры. Когда возникла необходимость подобрать дикторов, многие пришли в смятение. Появление на экранах лица человека, да еще женского, повергало правоверных в ужас. Однако вскоре привыкли и к этому.

В 1970 году в каирской печати проходила бурная дискуссия по поводу экранизации истории раннего ислама. Участники ее, в частности, решали вопрос: можно ли показывать пророка Мухаммеда, его сподвижников и семейство на экранах. Мнения разделились. Одни утверждали, что такая экранизация вообще недопустима, другие говорили, что на экране нельзя показывать лишь Мухаммеда и его семейство, а сподвижников — можно. Впрочем, здесь уж мусульманских богословов волновал не столько сам запрет, сколько то, как современные зрители-мусульмане могут воспринять некоторые стороны жизни пророка (например, то, что у него было 14 жен).

Дискуссия завершилась фетвой, запрещающей экранизировать жизнь Мухаммеда, его семейства и сподвижников, но снимающей запрет с экранизации истории ислама. Мусульманские деятели уже стали понимать, что киноискусство может стать хорошим средством пропаганды религии, обработки масс в религиозном духе. Поэтому они заинтересованы в выпуске фильмов на исламские темы. Не случайно на Третьем международном кинофестивале в Москве Египет представил на конкурс полнометражный художественный фильм «Насер Салах ад-дин» — о победе Салах ад-дина аль Айюби над крестоносцами.

Тем не менее с помощью официальных властей, светских и шариатских судебных органов богословы строго следят за выполнением фетвы, запрещающей показывать Мухаммеда и его сподвижников. Когда на экранах США появился фильм о пророке, мусульманские общины страны устроили демонстрацию протеста. А фанатично настроенные верующие из общины Ханафия даже захватили некоторые учреждения, угрожая убить более ста человек. Лишь благодаря вмешательству посольств некоторых мусульманских стран кровопролития не произошло. Но такие происшествия редки, современные мусульмане в массе, как уже говорилось, привыкли к изображению живых существ и сами находят объяснения и оправдания всевозможных нарушений старинного запрета. В этом отношении весьма показателен, например, такой случай. Не так давно паломник из Советского Союза подарил в Мекке одному арабу банку халвы, на крышке которой была изображена собака. Тот сначала очень возмутился: мало того, что изображено живое существо, это еще и собака — по шариату нечистое животное. Однако, когда ему объяснили, что на банке изображена «Лайка», которая побывала в Космосе, он принял подарок, примирившись и с рисунком и с собакой.

И уж совсем неслыханное дело — в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, особенно в Иране, последнее время усиленно распространяются портреты пророка Мухаммеда, халифа Али, шиитских имамов и мусульманских святых — героев первоначального ислама. Это ремесло приносит огромный доход тем, кто им занимается. Разумеется, никаких подлинных портретов, изображений Мухаммеда и его семейства и сподвижников никогда не существовало. Эти картинки — плод фантазии предприимчивых «художников» и вопиющее нарушение шариата, что не мешает бизнесу процветать, хотя он прямо противоречит даже тем послаблениям, которые делают сегодня идеологи ислама.

Египетский журнал «Ат-Талия» писал по этому поводу: «Ислам запрещает не изображение, а идолопоклонство. Ислам определяет границы метода в искусстве, но не темы. В исламе запрещено использовать образ бога в качестве украшения молитвенных домов (мечетей) и религиозных обрядных праздников. Мусульманское искусство ставит своей целью неиллюстрированное изображение символов веры. Божественный строй мироздания, общества и управляющих им строгих законов получают свое отображение в геометрической пропорциональности и музыкальной гармоничности ритма». Далее журнал разъяснял, что мусульманское искусство не отображает природу на полотне, как это происходит в западном искусстве. Здесь изобразительна сама конструкция, вписанная в природу, исламское искусство, мол, прибегает к отображению мира явлений при помощи правящих миром законов математики и музыки.

Действительно, художники народов, исповедовавших ислам, создали великолепные памятники архитектуры, изумительные орнаменты, соперничающие красотой красок и совершенством пропорций с самой природой. Но сегодня у этих народов рождается искусство портрета, появляются живописные изображения природы, населенной живыми существами... Процветает и свой кинематограф.

С запретом ислама на изобразительное искусство в наше время произошло то же, что со многими другими шариатскими установлениями: под влиянием новых, изменяющихся условий жизни он видоизменился, приспособился к современным потребностям. И мусульманским богословам остается теперь лишь находить обходы в толковании шариата, чтобы объяснять и оправдывать столь естественное стремление человека наслаждаться искусством во всей полноте, которое характерно, разумеется, и для мусульман.

---

[2] См.: А. Ионова. «Мусульманский национализм» в современной Индонезии, М., 1972, стр. 251

Рисунок Е. Федоровой.

«Божественные» растения: правда и вымысел

Бобы судилищные

Л. СТЕКОЛЬНИКОВ,
доктор биологических наук

...На лесную поляну, освещенную пламенем костра, могучие чернокожие воины вывели дряхлого старика и красивую молодую женщину. Под тревожный рокот тамтамов вождь племени приказывает обоим выпить отвар трав — эзере.

Мы присутствуем при испытании ядом — своего рода суде, типичном еще для эпохи первобытнообщинного строя. Несчастные вынуждены подчиниться, но от внимания вождя не ускользает, что старик пытается делать глотки поменьше, а девушка безучастно выпивает до дна всю чашу. Уже через несколько минут дыхание приведенных на суд становится прерывистым, взгляд начинает блуждать, мышцы перестают повиноваться, тело покрывается липким, холодным потом. Вскоре у старика начинаются резкие судороги и он умирает в страшных конвульсиях. А девушке после рвоты понемногу становится лучше. Радостными возгласами приветствуют соплеменники возвращение молодой женщины к жизни, начинают ритуальные танцы — ведь теперь обвинение с нее снято.

Главный компонент «могущественного» отвара — почковидные, немного сдавленные с боков, блестящие до черноты семена. Это бобы физостигмы — так ботаники называют произрастающую в зоне Гвинейского залива на калабарском берегу вьющуюся, почти 15-метровой длины лиану с крупными очередными тройчатыми листьями яйцевидной формы и ярко-красными цветками в поникших кистях. С давних пор в странах африканского континента служили они средством испытания людей, обвиненных в каком-либо преступлении. Если в результате такой проверки человек умирал, то, согласно «божьему суду», преступление считалось доказанным, если оставался в живых, — это подтверждало его невиновность.

Африканские вожди и знахари хорошо знали психологию преступников и всегда рассчитывали на то, что человек, чувствующий за собой вину, постарается принять меньшую дозу яда. Но именно это и приводило его к смерти, тогда как полная доза обычно вызывала только рвоту.

Много столетий «суднлищные бобы» хранили тайну своего состава. Только недавно ученые установили, что в семенах физостигмы содержится алкалоид физостигмин, относящийся к группе производных индола (в эту же группу входит резерпин, добываемый из корней раувольфии змеиной, и знаменитый «стрельный яд» кураре, изготовляемый индейцами бассейна Амазонки из коры растений рода стрихнос). Физостигмин обладает способностью блокировать особый фермент — холинэстеразу, что нарушает нормальное протекание нервных процессов. В окончаниях нервных волокон людей и высших животных накапливается тогда значительное количество химического вещества — ацетилхолина — и развиваются явления, близкие к описанным выше.

Однако «судилищные бобы» могут использоваться не только для отравления. В терапевтических дозах физостигмин широко применяют в медицинской практике как средство, вызывающее сужение зрачка, способствующее снижению внутриглазного давления. Назначают этот алкалоид и при других заболеваниях.

Физостигма — растение тропических лесов, но среди обширного ботанического семейства бобовых, насчитывающего около 12 тысяч видов деревьев, кустарников, лиан, многолетних и однолетних трав, немало замечательных представителей встречается на наших лугах и полях, в лесах и по берегам рек, в горах и степных районах. Лекарственные свойства одних точно доказаны современной наукой, других — отвергнуты, а легенды и предания о них, передаваемые из поколения в поколение, сохранились в старинных лечебниках, зельниках и жизненниках. Там эти растения наделены фантастическими, сверхъестественными свойствами.

Вот, например, солодка. Гладкие или железисто-волосистые бобы ее не привлекают внимания травознаев. Иное дело — могучая корневая система растения, которая глубоко под землей образует разветвленную, необыкновенно запутанную сеть. Лечебные свойства солодки были известны еще врачам Древней Греции и Рима. Плиний Старший называл ее корень «сладким корнем» (от греческих слов «глицис» — «сладкий» и «риза» — «корень» и получила солодка свое научное название «глицирриза»). Ученый рекомендовал его для лечения многих заболеваний. Китайские врачи и тибетские ламы считали, что солодка сохраняет человеку молодость и красоту.

Когда разнообразные комбинации сложных старинных рецептов, которыми пользовались травознаи, перевели на строгий язык математических формул и заложили их в ЭВМ, машина, переработав эту информацию, выделила среди сотен различных растений удивительный ряд «любимцев» восточной медицины. На первом месте в этом ряду, опередив даже легендарный «корень жизни» женьшень, оказалась наша уральская солодка.

В старинных лечебниках говорилось, что «корень этот счастлив, и кто его знает, тот много добра обретет, от людей честь иметь будет, от напастей и горестей бережен будет». Наши предки клали солодковый корень у постели роженицы, чтобы ребенок появился на свет здоровым, чтобы ему сопутствовала в жизни удача. Отварами из корня лечили боли в желудке, даже изгоняли тоску и душевные недуги.

В наше время границы терапевтичес-

кого применения сладкого корня значительно расширились. Установлено, что действующее вещество солодкового корня — глицирризин в 50—100 раз слаще сахара. Способность порошка корня при соприкосновении с водой образовывать пышную, долго не оседающую пену также получила свое использование. Оно незаменимо в технике, например в пенных огнетушителях.

Среди других растений семейства бобовых обращают на себя внимание донники. В отечественной флоре насчитывается 12 видов этих обычных поселенцев лугов, бросовых земель и старых залежей. Название «донник» восходит к слову «донной» — так в старину называли подагру. Ведуны и знахари в своих заговорах и заклинаниях нередко упоминали донник, советовали умываться медвяною донниковой росой (действительно, донник — отличный медонос и в благоприятных условиях он дает возможность собрать до 500 килограммов меда с гектара). Деревенские девушки плели венки из этой травы, чтобы чаще обращали на них внимание парни, старики и старухи при сотворении молитв «Отче наш» и «Богородица» украшали иконы цветущим донником. Пастухи тоже прибегали к помощи этого растения: подхлестывая скотину стеблями донника, они надеялись увеличить этим надои молока, уберечь животных от болезней.

В разных районах дончик называют по-своему: буркун, кропило, гуньба, дикая греча, желтоцвет, заячий холодок, мольная трава, хрестовник, седаш, каменица и т. д. Многие выдумки о доннике настолько нелепы, что их не воспринимаешь всерьез. Такое, например, представление: если окропить младенца донниковой водой, то волосы у него начнут расти быстрее, а зубы прорежутся в течение месяца. Однако люди не знали тогда истинных, лечебных начал, действительно заложенных природой в это растение. В последние годы из донника приготовлен препарат мелиоцин, биогенный стимулятор, почти вдвое превосходящий по силе действия известный экстракт из листьев алоэ.

Есть в биографии бобовых растений немало страничек другого рода. В 60-х годах прошлого столетия каноник августинского монастыря святого Фомы в Брюнне (ныне г. Брно в ЧССР) Грегор Мендель, экспериментируя с 34 сортами гороха, провел блестящие опыты по передаче наследственных признаков потомству, заложив основы современной генетики.

Среди представителей бобовых встречаются замечательные растения, имеющие важное пищевое, кормовое, техническое, красильное, декоративное и, конечно, лекарственное значение. Удивительные особенности астрагалов, термопсиса, дрока, пажитника, софоры, клевера, галеги, верблюжьей колючки, чины, акации, язвенника, бобовника породили множество легенд, в которых все полезные свойства этих растений преувеличены до сказочных размеров и в какой-то степени отражают многовековую мечту человека возвыситься над слепыми силами природы, подчинить их своему разуму.

Современная наука сумела превратить эти мечты в действительность, научив зеленых друзей служить человеку.

В. АРТАМОНОВ,
кандидат биологических наук

ПЕТРОВ КРЕСТ

Рисунок В. Иванова.

Как известно, заколдованные места на Енге опознаются по бледным росткам чешуйчатого петрова креста, а так как для отвода глаз уйма его растет в енежских борах — и нужно выбирать лишь тот, что голубовато светится в темноте, и сразу заломишь ему верхушку, а то провалится на полверсты! — возникла естественная тревога насчет обороны от нечистой силы, приставленной на охрану древних кладов; на всякий случай дали взаимную клятву не бежать, не реветь при виде самой рогатой опасности.

Л. Леонов. «РУССКИЙ ЛЕС»

Петров крест издавна поражал воображение людей. Корневище этого растения образует форму креста, что нашло отражение в самом названии. Его цветоносные побеги появляются на поверхности земли в апреле — мае, когда делать в лесу, по существу, еще нечего: нет ни грибов, ни ягод, ни орехов. Не удивительно, что за петровым крестом укрепилась репутация растения, которое прячется от людей. Ведь основная его масса, достигающая иногда 5 килограммов, скрыта под землей. В отличие от большинства цветковых растений, имеющих зеленые листья, петров крест вместо листьев имеет слегка розоватые чешуйки.

Все эти особенности растения порождали у людей убеждение в существовании у него особых, волшебных свойств. Считалось, что петров крест достается только счастливым людям, что он будто бы помогает отыскивать клады, охраняет от нечистой силы. В одном из старинных травников говорилось о нем так: «Есть трава петров крест, растет при полях, ростом в локоть, цвет багров, растет кустиками, что молодая дятловина, а корень все крестинами, бел и малок. Та трава вельми добра малым детям давать в молоке — скорби никакой не будет. Аще которая жена страждет черною болезнью, хлебай ту траву — минется. Аще кто пойдет в путь, корень возьми с собой от еретика».

«Знающие» люди утверждали, что железом копать это растение нельзя, только руками.

В настоящее время о нем знают уже немало. Оказалось, что все его особенности обусловлены паразитическим образом жизни. Именно по этой причине петров крест лишен зеленого пигмента — хлорофилла, у других растений осуществляющего процесс фотосинтеза. Ему вовсе не обязательно тянуться к солнцу, можно затаиться в земле, к тому же здесь и пища ближе. Вот она в готовом виде движется по корням орешника, вяза, ольхи, липы и некоторых других деревьев и кустарников. Стоит только прикрепиться к ним своими цепкими присосками — и питательные вещества растения-хозяина устремятся в мясистое корневище нахлебника.

Лишь во время цветения петрову кресту необходимо показаться на поверхности земли, чтобы осуществить перекрестное опыление своих цветков с помощью насекомых или ветра, а затем рассеять по белу свету образовавшиеся очень мелкие семена. После плодоношения надземные побеги его отмирают и жилец подземного мрака возвращается в свою обитель.

Развеялась еще одна легенда, совсем недавно приписываемая петрову кресту, — мнимая способность к насекомоядности. Считалось, что насекомые, попавшие в полости его листьез, там и перевариваются, давая растению дополнительный азот. На деле же оказалось, что разложение насекомых осуществляет не растение, а почвенные бактерии.

Таков петров крест — некогда таинственное дитя матушки-природы.

Литература, искусство

МОИ МОСТЫ

РОМАН

Евгения СЕРГИЕНКО

Блиндаж техчасти в Жлобине стал и нашим общим домом. Верх двухэтажных нар заняли Калашнин, Шония и Гершмульский, а единственной даме уступили весь нижний этаж. Просыпалась я раньше всех и шла купаться, уходила метров за двести вниз по реке. Берег весь был в рытвинах и воронках, завален обгорелыми досками, лодками, бревнами — остатками переправочных средств. Развалины домов, огороды, развороченные снарядами, тянулись по одну сторону дороги, а по другую, вдоль Днепра, у самой воды, — окопы и пулеметные гнезда, немецкая линия обороны...

Купалась я за перевернутой плоскодонкой, а неподалеку сидел солдат с удочкой и неподвижно глядел на воду. Мужской состав нашего общежития был к моему возвращению готов для дальнейшего несения службы. Гершмульский брал котелки, свой и мой, и шествовал на тот берег, на ротную кухню. Начальство отправлялось в офицерскую столовую.

Мост на сей раз мы не восстанавливаем, а строим новый в десяти метрах от оси взорванного, потому что расчистка русла займет очень много времени. Калашнин по своему обыкновению возмущался:

— Это же большой мост! Длина 265 метров! А срок окончания работ 10 июля! Меньше чем две недели! — и тут же сказал, что срок можно ужать суток на двое.

Строительство моста поручено нашему батальону, мы «хозяева». Работы ведутся круглосуточно. Прожектора и костры полыхают до рассвета. Бомбежки никто не опасается. Немцы разбиты под Бобруйском и далеко за ним уносят ноги.

Установка первого пролетного строения — всегда праздник. Курячий ночью, во втором часу, позвал, как на собственные именины:

— Идем скорей, Валентина, смотреть. Троян ставит первую ферму.

Консольный кран, по плакатному мощный в белом свете прожекторов, въехал на левую береговую эстакаду, и железная ажурная ферма повисла в воздухе, а по насыпи вдоль крана метался командир второй роты старший лейтенант Троян. И по велению его распахнутых рук ферма плавно опускалась на опоры.

— Майна! Еще... Еще! — кричит он командирским голосом, рассчитанным не только на машиниста крана, но и на зрителей, битком набившихся на пешеходном мосту. Не каждый день и не каждую ночь увидишь вот такое живое кино — как ставят фермы. Вот ферма послушно опустилась к опорным брусьям, подалась чуть-чуть вперед и встала.

— Хо-ро-о-о-шшш! — и кто-то даже аплодирует. Первый пролет готов!

Кран отъехал, прожектор погас, публика расходится. Мы, обитатели блиндажа техчасти, идем домой все вместе. Я немного впереди.

— Ваша девушка разве тоже вместе с вами живет? — спросил за моей спиной начальник штаба майор Антипов. Наступило молчание, и я поняла, что новый энша недоволен. — Недопустимо, — проговорил он сурово.

— Отчего же?—не согласился Шония.

Однако утром Калашнин сухо передал мне приказание начальника штаба, чтобы отныне чертежница Лебеденко ночевала у связисток. Майор Антипов решил раз и навсегда искоренить в батальоне моральные нарушения, а для этого, как он считал, следует точно определить каждому соответствующее место ночевки.

Продолжение, начало см. в № 3.

Вечером, когда стемнело, я взяла свою постель, домотканый половичок, подарок сердобольной Матрены Никитовны, сунула его под мышку и покинула техчасть согласно приказу. Землянку связистов освещала слабенькая электролампочка. Командир отделения связи, деятельный ефрейтор Ефимчик, подскакивал на табурете перед коммутатором, выкликая то правый, то левый берег.

— Ефимчик, где Ирка? — спросила я.

— А зачем она тебе ночью? — здраво поинтересовался он.

— Ирка сюда спать придет?

— А разве больше негде?

— Лизавета где у вас спит?

— Ты, Лебеденко, что, дежурный по части офицер сегодня?

— Меня прислали к вам ночевать.

— Так бы и сказала. Ложись и спи, — разрешил гостеприимный хозяин. — Кто тебе не дает? Ребят нет. Они тянут линию.

— А придут?

— Ну и что? Не поместишься, что ли?

«Где же логика?» — хотелось мне спросить у Ефимчика, но он вполне логично ниспроверг бы мой вопрос своим вопросом. Я разостлала половичок на низеньких нарах, широких и пустых, и еще не успела уснуть, когда возвратились ребята.

— Валь, а за что тебя к нам сослали? — спросил, явно подначивая, рядовой Морозов, благодушный голубоглазый парень с таким чистым румянцем, будто каждый день ходил в баню.

— За ненадобностью, может быть? — остроумно предположил Ефимчик и, соединив комбата с первой ротой, занялся вычислением: — Ну, Калашнину и Гершмульскому по сорок лет. Уже старые. А Силков? А Шония? Очи же молодые.

— Оставайся, — сказал Морозов. — Выбирай сама. Хочешь серединку, хочешь краешек.

— Спасибо, — поблагодарила я и вышла под звезды, а они мерцали и в небе, и в Днепре, и отраженные огни перемешались с ними.

Штабель свежих досок выбрала я себе постелью. Окно техчасти — сонное око ковчега чистых — невидяще глядело мимо меня. Я натянула на голову шинель и тоненько заскулила. Скандал разразился после завтрака. Кричали друг на друга мои начальники. но я твердо стояла на своем:

— С меня довольно, выспалась! Делайте со мной что хотите, но я больше не пойду ночевать со связистами или еще с кем-нибудь. Хватит! Я до тех пор сегодня не сяду за работу, пока не построю для себя отдельную землянку. Личную!

— Чертова перечница! Я пожалуюсь на вас Бабаку! — крикнул мне Калашнин, высунув в окошко свой благородный профиль, увенчанный благородным серебром. Ефимчик был неправ: Калашнину стукнуло лишь тридцать семь, но вместе с ранней сединой он приобрел и сварливый характер. — Ну что с ней делать? Чем прикажешь воздействовать на нее? — слышала я, как он обратился к Гершмульскому.

— А какой смысл? — философски подошел к вопросу мой лучший друг. — Все равно же она сделает по-своему, и, между нами, Валерий Геннадиевич, она-таки права.

Я копала землю с самого рассвета: углубляла и расширяла бывшее немецко-фашистское пулеметное гнездо. В этой норе я устроила нечто подобное лежанке, приладила в стене сбоку дощечку, поставила консервную банку с букетом ромашек и могла бы праздновать новоселье. Мой собственный дом был готов. К исполнению своих служебных обязанностей я возвратилась задолго до обеда и объявила, что с сегодняшнего дня не нуждаюсь по ночам ни в чьем обществе.

Силков обхохотался, пока я вела земляные работы. Особенно его распотешила надпись на фанерке: «Занято. Солдат из хозяйства Дорошевича». По завершении объекта я выбросила табличку, а Силкову велела не подглядывать и уйти и тщательно замаскировала дерном и кустиками крапивы вход в мой собственный бункер.

Послушно удаляясь, Силков приседал от смеха. Он не считал взаправдашным мой «бзик». Но вечером, увидя, что я действительно направляюсь к своему индивидуальному погребу, он оторопело спросил:

— Ты и правда полезешь спать в эту могилу? Сумасшедшая! Простудишься или крысы тебя сожрут, — и потащил следом за мной свое верблюжье одеяло и пуховую подушку: — Возьми, ненормальная. Даю как товарищ в конце концов. Ей богу, мне жалко на тебя смотреть! Завтра же прикажу Гершмульскому найти что-нибудь человеческое с крышей для тебя.

Искренняя забота младшего моего начальника растрогала меня. Я приняла доброжелательный дар. Однако попросила Силкова положить вещи на траву, а самому удалиться, чтобы он не заметил, в каком именно месте я исчезну под землей. Он зябко передернул плечами и сказал:

— Тоже мне, жмурки, кошки-мышки. Да что я, дурак, чтобы лезть за тобою в гроб?

А я, укладываясь на мягких дарах Силкова, стыдила себя за прошлое плохое мнение о нем. Вот ведь как может оказаться. Думала, что он дурак и нахал, а он очень хороший человек. Но это открытие не долго согревало, и главное совсем не отвлекало меня от мысли, что над моей бедной головой всего полметра песчаного грунта без какого-либо наката. Солнце еще не плеснуло на воду первым золотым лучом, а я, умытая и причесанная, бодренько сидела на траве, отогреваясь на утреннем ветерке, и как великую неприятность вспоминала прошедшую ночь.

На работу в техчасть я пришла паинькой и со смиренной благодарностью возвратила Силкову его спальный инвентарь, а вечером, не прекословя, поплелась за Гершмульским в отысканный им сарай. Деревянное жилище это, до половины врытое в землю, похожее на перевернутый ящик, возвышалось на поляночке в конце прибрежной полосы землянок, погорелищ и траншей. Сарайчик просвечивался насквозь солнечными щелями и проветривался свежестью с реки. Три топчана, неказистые, но прочные, накрепко были вкопаны вдоль стен. Главное оборудование для филиала техчасти — стол со следами котелков Гершмульский выпросил на задворках хозяйственного взвода и принес на своей спине. Я получила узаконенное начальством место для работы и для спанья. Оно же, начальство, приказало Гершмульскому поселиться вместе со мной. Не бросать же единственную девушку на ночь одну.

С тем же выражением добровольной покорности, с которой Гершмульский произвел доставку стола, он пообещал Калашнину стеречь чертову перечницу, а меня успокоил:

— Вы же знаете, Валька, я не каждую ночь храплю, — и еще раз предался любимому воспоминанию, как некогда дружил со своей сослуживицей по конторе «Киевовощь», милой женщиной, старше его на двадцать лет. — А теперь, Валька, мы с вами дружим. Только наоборот: я вдвое старше вас. Вот увидите, мы великолепно заживем.

Возможность великолепного житья прельстила и Силкова. Он заявил, что тоже хочет поселиться в нашем щелястом теремке.

— Ну ладно, Валька, — попросил меня Гершмульский. — Ну, давайте примем. В сущности, он парень неплохой. Сознайтесь, Валька, вы ведь и сами не сахар, но всякого человека можно перевоспитать добром. Вы перестали ссориться с Силковым и полюбуйтесь, как хорошо мы теперь живем.

Разговор о хорошей жизни, о том, какой замечательной она будет у каждого из нас после войны, был прерван криком:

— Фрицы купаются в Днепре!

Выскочив, я сначала ничего не разглядела: солнце било в глаза, садясь за бугры на правом берегу. Слышно было необычную, напряженную тишину. Мост молчал. Молчала дорога. Мотор полуторки будто вздохнул и затих. Длинная колонна пленных — тысячи две или три — устало привалилась на песке, покрыв его сплошь от пешеходного моста до нашего сарайчика. Немцы понуро и равнодушно стаскивали с себя грязную истрепанную амуницию, лезли неторопливо в воду или садились искать в лохмотьях вшей.

Шофер вылез из кабины, свернул цыгарку, да так и не закурил. Смотрел. Солдаты на мосту не работали — смотрели на пленных, и никто ни звука — тишина.

Пленные перебрасывались словами редко и нехотя. Все кончено. Аллес капут. О чем говорить? Отвоевались, вышли из игры.

— Быстро они, — произнес шофер хрипловато и брезгливо.

— Что — быстро? — не поняла я.

— Завшивели.

Знойное, пыльное, рыжее марево висело над молчаливым Днепром. Конвоиры, молоденькие солдаты-первогодки, строгими, редкими колышками возвышались по краям и отворачивались от пленных, будто гадко и больно было им смотреть.

— Вот подумай, сестренка, — обратился ко мне шофер. — Ведь каждый этот фашист кого-то, хоть одного из наших, из советских, убил...

— А им, знаешь, как врезали? — ответил конвоир на слова шофера. — Ты не видал под Бобруйском, сколько их перебили? Воронок от бомб не хватило всех похоронить. Эти вот, что живыми остались, рады до смерти, что попали в плен.

Вода в Днепре в тот вечер была тяжелой и вязкой. Я ополоснула лишь но-

ги с камешка, пройдя по песку, где сидела серая, грязная орда. Но на утро Днепр тек вновь прозрачный и чистый, и мой знакомый рыболов завороженно глядел на поплавок. Ему, чудаку, надо было, как до войны, посидеть на зорьке, подождать, пока не клюнет какой-нибудь пескарь.

● Штаб находился в городе, километрах в двух от моста. Проделывая почти ежедневно этот путь, я замечаю, как все людней становятся улицы и дорога. Население Жлобина увеличивается день ото дня. Возвращаются те, кто скрывался от немцев в дальней деревне, кто спасался бегством, и те, кто выжил в тифозных лагерях на болоте, и те, кто вообще каким-то образом остался жив. Вернувшиеся беженцы, прежде чем устраиваться на родном пепелище — копать землянку или сколачивать времянку, — идут в контору железнодорожного узла. Идут туда, чтобы узнать о своих близких. Местные железнодорожники заняли возле вокзала единственное во всем городе, сравнительно целое каменное двухэтажное здание. Сюда вот и идут все в надежде встретить знакомых, услыхать что-нибудь о пропавшей семье.

Обхватив голову большими сильными руками, плакал навзрыд седоватый мужчина: немцы расстреляли всю его семью за то, что он ушел в партизаны. Рыдала женщина, билась головой о стену, услышав, что расстрелян муж. Она надеялась, что он жив, что увезли его в неволю, — ведь всю жизнь ждать легче, чем узнать в один миг страшную правду.

Противотанковый ров позади хлебозавода фашисты предназначили для огромной братской могилы, свализали в нее трупы растрелянных и замученных советских людей. Там, во рву, жена и дети того железнодорожника, что плакал у конторы, и муж той молодой женщины, что билась о стену головой, и еще несколько тысяч жлобинцев, мужчин, и женщин, и детей. Как же было людям не убегать из этого страшного, истязаемого города? Оккупированные белорусские города превращались в конце концов в безлюдные каменные пустыни. Если не противотанковый ров, то какая-нибудь иная братская могила. Могил по всей Белоруссии немцы оставили сотни тысяч. И сколько еще оставят, пока закончится война...

Письмо от Любы, ожидавшее меня в штабе, было длинным. Люба переписала слово в слово то, что получила от некоего капитана Карпенко А. В., который в пересыльном лагере военнопленных встречался с Алексеем Ивановичем Громовым, делил с ним баланду и кусок того клейкого месива, какое получали пленные вместо хлеба. Немцы ничего не знали об Алеше, ни его звания, ни должности, ни настоящего его имени. Он назвал себя бойцом Ивановым. Лишь немногим, в том числе и Карпенко, Алеша сказал, кто он есть. «Но все догадывались, — писал Карпенко, — что товарищ Иванов не какой-нибудь рядовой красноармеец, хотя обмундирование на нем было не комсоставское, а красноармейское. Все пленные нашего барака уважали и слушались товарища Иванова, собирались вокруг него по ночам. Он проводил беседы по международному положению, объяснял сложившуюся в мире политическую обстановку. Как же тут было не понять, что он бывший партийный работник, но никто вопросов по этому поводу не задавал. Под его руководством мы разработали план побега большой группы пленных из этого лагеря, но сам Алексей Иванович бежать не мог. Правая нога у него ампутирована. Ампутацию произвела в лесу, в окружении, военврач Терехова, спасая майору Громову жизнь, потому что началась гангрена. Деревянный костыль выстругал и приладил к забинтованной культе Алексей Иванович лично сам, своими руками.

Возможно, уважаемая Любовь Константиновна, мое письмо опоздало, и все подробности о пребывании в плену вы давно знаете от самого Алексея Ивановича. Подсказывает мне сердце, что он благополучно вернулся в Москву и успешно работает на своем ответственном посту. Но перед побегом я обещал ему сообщить родным. Однако, добравшись к нашим, я долгое время находился в госпитале по случаю ранения, полученного при побеге, а потом, вероятно от высокой температуры, совершенно забыл ваш адрес. А недавно вдруг вспомнил номер дома и улицу и с радостью выполняю свой товарищеский долг. О себе могу сказать, что пережил я крупные неприятности, но благородные, великодушные люди поверили мне, и восстановлен и в партии, и в звании капитана и снова командую ротой».

А на отдельном листочке капитан Карпенко сделал такую приписку: «Глубокоуважаемый Алексей Иванович! Вы были нам опорой в немецко-фашистском плену, и вот теперь я очень прошу вас, как коммунист коммуниста, оказать мне содействие. Пришлите мне на государственном бланке свое заявление с заверенной вашей подписью, подтверждающей, что вы лично знали меня в лагере, где я, несмотря на зверства и ужасы, не уронил своей партийной чести и совести и звания советского человека».

Давно уже наступили сумерки, не разобрать уже строчек, слившихся и от темноты, и от моих слез. Я перечитываю их снова и уже знаю все длинное письмо наизусть. Но Алеша жив, о чем же плакать? Может быть, как раз в эту минуту, где-то на далекой военной дороге притормозила полуторка, чтобы захватить безногого солдата, возвращающегося из фашистского плена домой. Одноногий, сутулый солдат маячит на обочине, и в сумерках видно, как трудно ему стоять, упираясь на костыль... Не могу я вообразить себе нашего Алешу калекой! Высокий, статный, красивый — на костыле?..

● Вот и начертила я окончательный вариант общего вида Жлобинского моста. Мы сдаем мост досрочно. Мост, когда он уже готов, отличается кое в чем от первоначального проекта. Изменения вносятся самими строителями по ходу работ. Моя задача — нарисовать с натуры действительный вид моста, соблюдая точность, а затем с этого рисунка-эскиза я черчу для отчета окончательный общий вид...

СЛУЦК

В Слуцк мы прибыли 8 июля. Город небольшой, и, должно быть, уютным был он до войны. Но сейчас весь центр сожжен и разрушен, целы несколько домов и то лишь, вероятно, потому, что жили в них сами факельщики. Это у немцев специальная команда поджигателей. Они оставляют город последними, а оставляя, бегают от дома к дому и поджигают факелами крыши. Огонь охватывает кровлю мгновенно. Хозяева дома, если они скрываются в каком-нибудь тайном погребе поблизости, иногда успевают выскочить и потушить пожар. Но это в том случае, если факельщик не оглянется, а иначе человека настигнет немецкая пуля лишь за то, что он пытался спасти собственное жилище.

Слуцк освобожден 30 июля. Прошла уже неделя со дня освобождения, а бездомные, осиротевшие, лишенные крова погорельцы все еще ищут что-то на обугленных развалинах, все еще выкапывают из пепла кое-какой домашний скарб. Шоссе, пересекающее город, называется Варшавским, поэтому думается, что от Слуцка до Варшавы близко. Да и не так-то в самом деле далеко до польской границы. Наступление 1-го Белорусского фронта нацелено на Брест, а потом и на Варшаву. Значит, все мосты до Бреста, а потом до Варшавы будут наши. Останется ли хотя бы один из них целым? Здесь же, от Слуцка до Осиповичей, не найти ни одного куска целого рельса. Валяются разбросанные взрывами погнутые куски, которые после большого солдатского труда снова ложатся в восстановленное полотно. Где же взять столько новых рельсов? Никакие домны и заводы не угонятся за наступающими войсками Красной Армии. Путей до Берлина — еще класть и класть. Мост можно сделать из дерева, но рельсы на мосту стальные, других не придумаешь. Поэтому большим почетом и уважением пользуются в путевых батальонах мастера рубки рельсов. Вручную, зубилом и кувалдой, они ровненько обрубают заузбрины, чтобы этот край можно было состыковать с другим куском. Восстановленный путь почти весь состоит из таких вот нивелированных, то есть распрямленных и обрубленных, коротеньких рельсов.

«Дадим 400 рубок в день при норме 200!» — обещает плакат на железнодорожном полотне возле станции, а у моста, на строительной площадке, уже стоят наши новенькие щиты с наглядной агитацией и Савушкин вывешивает наш лозунг: «Забьем 25 свай за смену!» Дизельные копры, заколачивая сваи, начали ухать через час после того, как наши роты разгрузились на берегу Случи. Батальон расквартирован не в городе, а в ближней деревне. Грядки спускаются за хатами до самой реки. Город, то, что от него осталось, призрачно синеет за ней. Я иду на мост. Короткий крупный дождик спрыснул пыль на дороге, тут же перестал, и опять слепит солнце, чирикают птахи, ухает на реке копер. Вдруг ко всему понятному и обыденному присоединяется чужая, нерусская песня, но мелодия такая знакомая, что сразу же вспомнилась школа, уроки, посвященные сражающейся Испании.

Полный грузовик черноголовых парней в бирюзово-голубых мундирах проезжает по дороге.

— Сеньорита, салют! — орут они.

— А эти почем были, не знаешь, дочка? — спрашивает прохожий босой старичок.

— Это, дедусь, пленные испанцы, остатки Голубой дивизии. Франко эту дивизию Гитлеру на подмогу присылал.

— Что голубые, я и сам вижу. А вот сколько ихний Франко за них получал? Были у нас в Слуцке итальянцы. Те про себя говорили, что мы, мол, солдаты за две марки. Гитлер платил ихнему Муссолини по две марки в день за каждого солдата. Вот я тебя и спрашиваю, дочушка, ты ведь военная, не знаешь ли, эти голубые почем были?

Калашнин на мосту дал мне кучу набросков и велел принести готовые чертежи немедленно, как только начерчу: ночью, так ночью. Я пообещала и помечтала о лампе, полной керосина, а подхожу к калитке, какой-то сержант слезает со столба, сбрасывает с ног «кошки», цепляет их на плетень и вежливо спрашивает:

— Извините, девушка, я правильно понял? Лебеденко из технической части здесь живет?

— Здесь, — отвечаю я, не сообразив сразу, какая может быть связь между «кошками» и мной.

— Вы тоже в этом помещении живете?

— Живу.

— А не секрет, почему? Вы и Лебеденко живете вместе?

— Я Лебеденко. Еще вопросы есть?

— Э, да ты, видать, птица, — присвистнул сержант.

— А ты и не разглядел?

— Сама погляди! — показывает он мне бумажку: — Вот записано у меня четыре точки от электростанции: штаб, узел связи, комбат и Лебеденко. В третьем доме от штаба. А я человек в батальоне новый, не знаю еще, кто у вас кто, и подумал, что Лебеденко — тоже какой-то начальник. Тебя-то за что освещать? — спросил сержант, но увидя в моей руке эскизы, догадался. — Так бы и сказала, что ты чертежница. Я тебе стосвечовую лампочку вкручу.

Лампочка вспыхнула в нашей хате, когда еще и не смерклось. Передвижная электростанция трудолюбиво тарахтела недалеко от нашего двора. Хозяйские ребятишки (одному шесть, другому четыре) завизжали от радости и захлопали в ладоши. Мать еле загнала их на печку, но они не спали, а шушукались, жмурясь на лампочку, как на долгожданное солнце. Я сказала хозяйке:

— Дайте что-нибудь, я свет занавешу, чтобы не мешал вам и детям спать.

— Ни, не надо, не завешивай. Мы и так поснем, — отказалась она и не отрывала от лампочки глаз, пока не покатились по щекам слезы.

— Вы о ком плачете? — спросила я тихонько.

— О людях. Вот, думаю, для света поставлены на дорогах столбы, — ответила женщина и пояснила: — Эсэсы партизан вешали на них. На столбах. На Варшавском шоссе столбы были заместо виселиц. Красноармейцев пленных расстреляли за лагерем. А евреев со всего города согнали в дома, заперли и сожгли живыми...

ДРЕБСК

Наша полуторка давно проехала тот перекресток, выбралась из пробки, но все мы — трое солдат из комендантского взвода и я — молчим. Знаю, что и в кабине шофер Володька с майором Курячим тоже молчат, и тоже мысленно видят тот обгорелый танк.

Тридцатьчетверка, черная и мертвая, дыбилась возле глубокой воронки, а поодаль на зеленой, не тронутой огнем траве лежали они. Весь экипаж. Четыре черных трупа, обуглeнных до костей. Страшно так, что сердце упирается в горло. Ужасает не смерть, а ее облик, невообразимый, непонятный. Бесформенные угольные скелеты такие коротенькие, будто дети, а не мужчины сгорели в танке...

Наша полуторка догоняла легковую машину комбата. С ним ехали Бабак и Антипов, а весь батальон со штабом остался далеко позади. Нам дают многопролетный мост в Дребске. Задание получили в пути, когда нашу часть уже перебрасывали к Барановичам.

Поворачивать, возвращаться — не привыкать. В Дребск, за какую-нибудь сотню километров, прибыли лишь на следующий день поздним вечером. Тихое темное село засветилось окнами, загомонило мужской разноголосицей. Где выгрузился штаб, где техчасть, я отыскивать не стала. Поди, разберись сейчас, куда я определена на довольствие. Надо думать о ночлеге. Дом, в который я вошла, был совсем не из бедных. Большая керосиновая лампа горела на столе. Две двери из первой комнаты вели в спальню и на кухню. Крутая лестница с резными перильцами подымалась из сеней на чердак.

Старуха в темном одеянии, в черном платке, повязанном вокруг головы, молилась в углу перед иконами. При моем появлении она встала с колен и, не говоря ни слова, не взглянув на меня, вышла, и на бревенчатой стене проплыл ее крючковатый, с выпяченным подбородком, злющий, как у ведьмы, профиль. На мое «добрый вечер» никто не ответил. Худощавая, чем-то сильно расстроенная женщина ходила из двери в дверь. Она попыталась зачем-то сделать вид, будто все в порядке и ничего особенного не произошло или не происходит у них в доме. Да мне-то какое дело. Но покоробило то, что ее заплаканные глаза стрельнули в меня откровенной неприязнью. Вот, мол, некстати незваную гостью черти принесли.

Я повернула обратно к порогу — не клином же сошелся на этом доме свет, но рыжая девка, блюдя закон гостеприимства, метнулась впереди, приказала:

— Сидайтэ, — и поставила на край стола кувшин с молоком и кружку, достала из посудного шкафика круглый домашний хлеб, нож, отрезала ломоть, положила рядом с кружкой, налила молоко, прошла в другую горницу, вынесла оттуда розовую подушку и серое байковое одеяло, разбросила его на лавке и показала мне рукой на эту постель. Все это проделала стремительно — только рыжие косы подпрыгивали за спиной.

— Умоюсь пойду, — сказала я ей, и она согласно кивнула, мотнула головой на рукомойник, висевший в сенях. Там же стояли и ведра с водой. Я взяла одно, неполное, спустилась на нижнюю приступку крыльца. Плескалась я недолго, а когда вернулась, печатая мокрыми босыми ногами по цветным полосатым половикам, три женщины, сгрудившись в кучку и почти касаясь носами друг дружки, что-то горячо обсуждали и в миг разлетелись в разные стороны. Я и не взглянула на них. Не обо мне же они сплетничали, мало ли какие неприятности могут быть в семье. В каждой избушке свои игрушки.

Бабкин каркающий голос, угрожая неизвестно кому, доносился из-за перегородки. Долгоносая дочь или сноха всхлипывала за занавеской. Рыжую я увидела с кожухом в руках и приготовилась сказать ей, что укрываться я не буду — и без того в хате жарко. Но она пробежала мимо меня и взлетела по лесенке на горище. Слышно было, как грузно проскрипели наверху доски. Ну и девка, подумала я, ну и топает, как хороший мужик.

Черной птицей бабка подковыляла к столу, приблизила к лампе лицо, протянула цепкую руку и убавила свет — прикрутила фитиль. Это я видела сквозь ресницы. Я уснула сразу же, как легла. Снились мне мелькающие тени, мужской хриплый голос, рыжая девка, заслоняющая меня своей красивой шалью и бабкин ведьмячий профиль с ястребиным, ненавидящим оком, рыжим чубом и рыжей бородой.

Проснулась я утром. Солнце светило в окно и в раскрытые на улицу двери. Ни шагов в доме, ни голосов. Я укрыта зеленой рядниной. Стекло на лампе закопченное до черна. Устыдившись, что все три мои хозяйки давно трудятся, я вскочила, умылась в сенях и, возвратившись в комнату, стала причесываться. Мутноватое зеркало, висевшее в простенке и обрамленное вышитым рушником, отразило в своем легком тумане мой беспечальный умытый лик, а рядом — настороженные, суровые бабкины глаза. Я быстро повернулась — бабки не было.

— До свидания, бабуся. Спасибо за ночлег!

Ответа не последовало. Я сложила аккуратно на лавке одеяло, зеленую ряднину и вышла. Вооруженный автоматом, направленным почему-то на меня, курносенький и губастенький рядовой лет двадцати что-то охранял. Он приоткрыл рот и воззрился так, будто на крыльцо я спустилась с неба. Второй автоматчик стоял метрах в пятидесяти. За ним маячил на улице третий.

— Не меня ли караулишь? — спросила я, подойдя к курносенькому.

— Прокараулили ужо, — сказал он круглым «расейским» говорочком.

— Сбежал какой-нибудь бандеровец?

— Двое. Драпанули на телеге чуть свет вот из этого двора, — ответил автоматчик и показал на дом, в котором я ночевала.

Рыжекосая дивчина несла два ведра на коромысле. Она прошла к своему крыльцу мимо нас и головы не повернула в мою сторону, будто и знать не знает меня, и молоком вчера вечером не угощала, и не укрывала зеленой дерюжкой.

— Га-а-нк-а-а! Ходь сюды-ы... — тоненько пропищала со двора та носастенькая женщина, что плакала ночью. Теперь она, закончив стирку, собралась развешивать белье, но никак не могла связать концы протянутой от сарая к дому оборванной веревки.

Рыжая выскочила мигом и, что-то тихо и повелительно сказав, подхватила с земли таз с бельем, скрылась в хате, и в ту секунду, мотнув косами на бегу, она пристально зыркнула мне в глаза вопрошающе и тревожно.

— Валька, где вы пропадали? Доброе утро! — приветствовал меня мой лучший друг, держа в одной руке два котелка, свой и мой, а в другой две краюхи хлеба. — Мы с вами поставлены на довольствие во вторую роту, — говорит он, протягивая мне мою долю.

Усаживаемся мы с Гершмульским на ящиках под деревом во дворе хаты, занятой штабом. Техчасть не имеет пока своего угла и не известно еще, в каком составе она останется здесь, в Дребске. Мой лучший друг, похвалив ротную кухню, спросил мое мнение, я тоже приготовилась похвалить, но, едва не подавившись, сказала:

— Не снилось. Он был горбоносый с рыжей бородой. Он — бабкин сын. А рыжая — его сестра.

— Вы не бредите, Валька? — спрашивает Гершмульский и смотрит на меня с беспокойством. — Вы здоровы? Или обратно подцепили какой-нибудь тиф? Вечно к этой девушке прилипает всякая зараза.

Я не отвечаю. О чем теперь рассказывать? О том, как крепко я спала? И вдруг каша теряет всякий вкус и застревает в горле. А что было бы, если бы я проснулась?!

— Позавтракали, Лебеденко? — интересуется еще издали Калашнин. — Размножьте в трех экземплярах это и вот это. Сделайте все сегодня, потому что завтра вы отправляетесь с первой ротой на малый мост в Лахву.

— Ладно, — снисходительно соглашаюсь я. — Поеду.

Как будто я могу отказаться!

ЛАХВА

Маркин с Зыковым, прослышав о моем лахвинском благоденствии, авторитетно заявили, что у Вальки Лебеденко всю войну такая хитрая тактика: устраиваться дочкой к добрым людям. Моя хозяйка Одария Ивановна жила со своим Денисовичем не богато, их хатенка вросла в землю по самые окошки, но меня здесь приветили по-царски. Я спала на самой удобной лавке, застланной самой мягкой овчиной, и пила утром и вечером самое вкусное парное молоко. И это не все! Наивысшим доверием ко мне и проявлением щедрости материнского сердца было предложение остаться в этой хате навсегда. То есть, выйти замуж за одного из троих сыновей Одарии Ивановны и Денисовича. Все трое, неженатые, добрые, красивые хлопцы, угнаны в рабство, в Германию.

Под вечер в праздник, когда все дела переделаны и хозяйка может часок сложа руки посидеть, я перечитывала ей почтовые открытки, присланные сыновьями в первые месяцы неволи. С тех пор и не было больше вестей. Мать понимала, что правду о своей жизни сыны написать не могут, и не верила коротким сообщениям «живу хорошо». Каждый так писал, а она, мать родная, чем им поможет, как защитит? О помощи и защите просила Одария Ивановна бога. Зажигала лампадку перед ликом спасителя, чтобы спас ее сыновей. Молилась и богородице, и Николаю угоднику, ходила в церковь, но больше всего уповала на советских солдат: вот победят они лютую Германию, и все сыновья и дочери возвратятся к своим матерям.

Молилась добрая женщина и обо мне, чтобы немецкая мина или шальная бандитская пуля не оборвала бы мою жизнь. Что верно, то верно, не знаю, за какие заслуги, но всю войну мне везло на добросердечных заступниц, моливших всевышнего за меня.

...Мост в Лахве малый, однопролетный, металлическая ферма обрушена в русло неширокой речки. Обвалены устои. Восстановление ведет первая рота, работы здесь дней на пять, а потом капитана Батурина перебросят чуть дальше, в Мокроць, на речку с красивым и нежным названием Лань. Все эти речки — левые притоки Припяти, через которые тянется железнодорожная магистраль от Калинковичей до Пинска, а от него до Бреста остается меньше чем полторы сотни километров. Брест — город и крепость — важный стратегический пункт противника на варшавском направлении. Поэтому восстанавливать мосты необходимо быстрее.

ГОРОДИЩЕ

Батальон перебросили чуть западнее Лунинца, под Пинск, на мост через реку Ясельду, на станцию Городище. Река Ясельда впадает в Припять, и нам, видно, не оторваться от Припяти. А другие части нашей бригады уже восстанавливают путь под Брестом...

В местечке Городище я попала на жительство в монастырь урсулинок. Сестры-монахини охотно приняли меня на постой. Штабные остряки получили новый, столь необычный повод для насмешек:

— Братцы! Этот монастырь давно уже плачет об нашей Валентине! — осенило Маркина, и каждый из присутствующих отпустил вдобавок хотя бы по одной шутке.

Мне же хорошо жилось у монахинь. Монастырек был маленький, ничем не напоминающий таинственную обитель. Одноэтажный домик глядел на улицу рядочком окон с белыми занавесками. Узенький, заросший бурьяном палисадник отделял фасад от мостовой. Флигель, конюшня, сарай и сеновал ограживали собой двор с красивым цветником. А за двором был сад, обнесенный каменным забором. В этой скромной и чистенькой обители спасались тринадцать монахинь разного возраста и не схожего, судя по выражению лиц, душевного склада, но все одинаковые — в длинных до пят серых платьях, черных шапочках и все почти босиком, потому что деревянную подошву с двумя ремешками вряд ли можно считать обувью. Настоятельница, сухопарая женщина с высоко поднятой головой и независимым взглядом, ходила по дому и по двору без шапочки. Все сестры говорили только по-польски. Сестра Эмилия, экономка, кое-как владела русским языком, и мы с ней часто разговаривали. Она и сказала мне, что сестры-монахини отныне будут молиться и за молоденькую панну Валентину, жовнерку, которую война летом сорок четвертого года забросила под их крышу. Таким образом, господь возложил на урсулинок ответственность и за меня, а они попросят его, чтобы я уцелела на войне и вернулась невредимой в свой родной дом.

Покидать монастырь мне было жалко. Сестры-монахини тоже жалели, что я уезжаю от них. Настоятельница рано утром отперла парадный ход — дверь под резным козырьком, выходящую на крыльцо. Я поняла, что мне оказывают, как дорогой гостье, особую честь, потому что, судя по ржавому скрипу дверных петель, их не тревожили давно.

ГОРЫНЬ

Река Горынь дала название и железнодорожной станции, и населенному пункту, растянутому пыльными деревенскими улицами вдоль шоссе. Живу я на дальнем краю и на работу шагаю мимо всей Горыни. Как только приходишь утром на капе, кажется сразу, что здесь можно голову потерять от суеты и спешки. Но все идет точно так же, как шло на всех других мостах, больших и малых. И я, как обычно, усядусь плотненько к столу, очиню карандаш, приготовлю резинку. Черчу я всегда быстро. Но, когда необходимо еще быстрей, я не поднимаю головы, не отвечаю на смешки и подначки, не замечаю тех выражений, без которых не то что многопролетный мост, а даже мосточек в два бревна построить ну просто невозможно.

Какая спешка, однако, ни царила бы в техчасти, когда целыми днями махорочный дым стоит коромыслом, а вокруг стола не кончается толчея, разговоры и споры о человеко-часах, тоннах и кубометрах, я не устаю работать, но и не упускаю возможности сбегать искупаться. Укромное место я отыскала на левом берегу. Пройду через Горынь по зыбкому пешеходному мосточку вдоль опор, сверну под эстакадой направо, а там тропинкой по берегу направляюсь метров за сто к обгорелому баркасу. Баркас загораживает песчаный пятачок, где меня никто не видит. Тропинка неприметная, каменистая, по обе ее стороны разросся высокий густой бурьян, а в нем торчат столбики с надписями: «Прохода нет. Мины». Я и не суюсь за столбики, а ступаю по тропинке и сворачиваю к баркасу. Здесь столбиков с надписями нет, значит, и бояться нечего. Баркас повален на бок, и когда лежишь на песке у его обгорелого, почерневшего борта, то мысленно видишь, как бурлит Горынь от разрывов снарядов, как наши ребята выходят на берег, бегут вперед и падают убитыми на минном поле.

Верхняя доска обшивки на борту баркаса выкрашена красной краской. Почему же только одна доска? Краски не хватило? Или красная эта полоса была вместо знамени?

— Братья-славяне, да тут занято! — услыхала я в тот день.

Трава, если смотреть лежа, кажется лесом, и сквозь этот непроходимый лес ко мне приближались трое пехотинцев — двое рядовых и сержант.

— Куда же вы, девушка? Оставайтесь с нами.

— Вы умеете плавать? Мы вас научим.

А я уже вскочила и быстренько одеваюсь. Главное сейчас не отвечать на вопросы и не улыбаться, а сохранять серьезный вид.

— Чего пристали? Она же вас не задевает, — навел порядок сержант в своих войсках, а я не выдержала и рассмеялась: мне ли их задевать!

— Вода сегодня теплая? — спросил сержант с лукавой, нисколько не нахальной улыбкой.

— Кипяток, — ответила я и опять улыбнулась ему одному.

Я ушла и, обернувшись, видела, как они все трое, смеясь, дурачились в воде... Взрыв я услыхала, уже поднимаясь по взгорку на своем, на правом берегу. Рвануло так, будто треснуло небо, и оттуда, с неба, падала в Горынь красная доска... А по тропинке между столбиков мчались наши солдаты, бежали к тому месту, где был баркас.

Лицо Калашнина уставилось на меня свирепым бледным овалом, белым, как его седина.

— Пе-пе... Чертова перечница! — выругался он наконец и, бессильно опустив руки, скрылся внутри капе...

● 28 июля войска 1-го Белорусского фронта овладели городом и крепостью Брест. Мост на Ясельде в Городище был одним из многих больших мостов на пути к Бресту. «Вперед на запад!» написано на паровозе и на бортах платформ первого воинского эшелона, проходящего по восстановленному мосту через Ясельду... Но наши темпы не поспевают за наступающими войсками, потому что нет рельсов, нет шпал, нет металлических пролетных строений, нет горючего для автомашин, и батальон вынужден перемещаться с объекта на объект пешим порядком. Много чего нет и не хватает. А главное — не хватает людей. Вот по этому поводу даже пеэнша Петров сказал однажды, что не будь в технической части такого толкового чертежника, как Лебеденко, сидел бы сейчас на ее месте старший сержант Овсянников или еще кто-нибудь из техников, кто сейчас находится на передовой линии фронта — в технической разведке. И это заявление Петрова наполнило меня гордостью. Я — необходима!

Штаб фронта требует с Главного управления, то есть с его начальника, ускорить темпы восстановления, тот требует с подчиненных ему управлений, и эта лесенка требований доходит до нашего комбата. А он, наш батя, на каждой планерке, ровно в двенадцать, сурово требует с командиров рот и взводов. Ох, как он их распекает! Но никакие самые строгие требования не подействуют на мостовика или путейца так, как этот лозунг «Вперед на запад!». Эшелон должен повернуть за Пинском на юг, потому что путь на запад на каком-то участке еще не восстановлен.

КОВЕЛЬ

Капитан Карпенко, написавший Любочке, жене Алеши, что был с ним вместе в лагере военнопленных, мне так и не ответил. А перед отъездом со станции Рожище я получила письмо от незнакомого старшего лейтенанта Стрижова. Он сообщил о гибели своего друга и командира Андрея Васильевича Карпенко, павшего смертью храбрых при форсировании водного рубежа реки Вислы. Капитан говорил Стрижову, что племянница майора Громова прислала письмо, и очень сожалел, что дополнительно ей ничего сообщить не может. Но незадолго до своей гибели Карпенко встретил знакомого, тоже бывшего военнопленного, и тот рассказал, что в лагере военнопленных в польском городе Хелм он видел, кажется, того самого товарища Иванова. Его вскоре должны были отправить с эшелоном пленных на работу в Германию. Красноармейцев по фамилии Иванов было в плену много, но этот солдат был высокий, светлоглазый, одноногий. Несмотря на деревянную ногу, он работал на ремонте шоссе наравне с остальными пленными.

«Вот об этом собирался написать вам Андрей Васильевич, но не успел, извините. А командование его ротой принял я и горжусь тем, что нас по-прежнему зовут карпенковцами. Хватил он горя физически и морально с избытком, но храбростью доказал свою беззаветную верность Родине и партии и погиб как герой».

Люба написала мне, что ей тоже пришло письмо от Стрижова, и теперь она ждет не дождется того дня, когда Красная Армия вступит в Германию. Каким бы ни вернулся Алексей домой, его жена и дочь будут бесконечно счастливы этой встрече.

И для меня отныне дорога в Германию приобрела, кроме общей цели, мою личную цель: освобождение из плена Алеши.

Праздник 7 Ноября мы встретили в Ковеле. Не было у нас торжественного вечера, потому что батальон только прибыл и не собирался здесь задерживаться. Штаб временно поместили в темном, сумрачном доме. Майор Антипов сидел наедине с часовым, стоящим у знамени, и обрадовался моему приходу.

— Сейчас о тебе подумал, — сказал он приветливо. — Садись, пожалуйста, сюда. Вот черная тушь. Вписывай аккуратненько, — и широким веером разложил передо мной удостоверения офицеров. — Первым пиши комбату: пол-ковник. Нашим батальоном теперь командует полковник. Орденом Красной Звезды наградили его и Трояна. Поедут получать завтра. А Трояну, кроме того, досрочно присвоено звание капитана. Ты чего такая невеселая сегодня?

— Меня же не повысили в звании, — ответила я и засмеялась.

— Представлю тебя к Новому году, — пообещал энша. — Ты ведь ефрейтор? И из-за какого-то своего принципа или каприза не носишь лычку? Ну-ну, ничего, я ведь просто так говорю, а не делаю выговор. Будешь сержантом! Положено по твоей должности...

Вот так мы сидели в праздничный вечер в штабе с майором Антиповым и разговаривали. Ровненько, красиво вывела я «капитан» в удостоверении Трояна. Мои начальники все выросли на одну ступеньку. Всем четверым я старательно вписала новые звания: инженер-подполковник Бабак, инженер-майор Калашнин, инженер-капитан Шония, старший техник-лейтенант Силков.

ЛУНИНЕЦ

В январе сорок пятого года, перед наступлением за Вислой, командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Жуков обратился особо к бойцам, сержантам и офицерам железнодорожных частей: «Сейчас дальнейшие боевые успехи наших войск зависят прежде всего от вас, зависят от того, насколько быстро и надежно вы восстановите железные дороги и мосты, чтобы подавать фронту все необходимое для боя...» Призыв маршала Жукова дошел и в Лунинец, его читали агитаторы во всех подразделениях нашего батальона. Мы находились в глубоком тылу, почти в четырехстах километрах от Варшавы, однако все необходимое для фронта — боеприпасы, горючее, продовольствие — эшелоны везут по нашим мостам — через реки Случь, Ясельда, Лань, Припять... Задача батальона Дорошевича — сохранить эти мосты, не допустить разрушения их во время ледохода и паводка. Значит, стоять здесь батальону до весны — тут уж сроки дислокации определяет сама река Припять...

А я уезжаю из батальона... Батальон, той своей стороной, которой окружал меня, сделался давно уже моим домом. Иногда хороший, иногда плохой, иногда же совсем ни к черту, он был вечным и понятным для меня, и я в нем была вечная и понятная, как желудь подле своего дуба. Что ждет меня среди чужих людей? Бывший наш энша Платонов стал подполковником, пожалуй, при встрече уже не побеседуешь с ним, а со старшим лейтенантом Кругликовым, который был у нас командиром комендантского взвода, мы и здесь-то разговаривали редко. Сейчас он адъютант командира бригады генерала Алексеева. Мой перевод тоже почему-то рассматривается как повышение, я же от этого известия заболела. Но приказ есть приказ, ехать надо. И наступил вечер, когда я в последний раз стояла в штабе батальона. Керосиновая лампа горела вовсю, и на меня, стоявшую посредине комнаты, все смотрели немножечко грустно, немножечко нежно, а мне до ужаса не хотелось уезжать.

— Разрешите мне остаться, товарищ полковник, — обратилась я к Дорошевичу в последний раз, хотя уже получила из рук Антипова проездные документы.

— Не имею я права задерживать вас. Я отослал уже три отказа, — ответил батя и вдруг ободряюще засмеялся: — Если вы сами, Лебеденко, сумеете возвратиться в батальон, вас отсюда никто не прогонит.

А Маркин похлопал меня по плечу и сказал:

— Понятна тебе твоя задача?

— Я вернусь, — заверила я, а капитан Петров ухмыльнулся и недоверчиво дернул подбородком.

— Да что-то задерживаются наши люди в бригаде. Никто еще не возвратился, — проговорил Зыков, а его друг Маркин дополнил:

— Кругликов наш тоже так же обещал, а теперь вошел во вкус, говорят, скоро сам выбьется в генералы.

— Все делается наоборот, — сказал с досадой капитан Петров. — Когда это было, чтобы штаб фронта дислоцировался к фронту ближе, чем мостовой батальон?

— Да, — согласился майор Антипов. — Засадили нас крепко в этом забытом богом Полесье. Ну, счастливый тебе путь, Лебеденко!

Войска 1-го Белорусского фронта 17 января взяли Варшаву. Штаб нашей бригады находился по последним сообщениям в городе Радоме.

— Это тебе не рядом, а за пятьсот километров от Луницца, — сострил младший сержант Чирков, бойкий парень лет двадцати пяти, очень гордившийся своей должностью экспедитора.

— Принял я тебя, Лебеденко, по описи, как секретную корреспонденцию, и пока не сдам в штаб бригады, я за тебя отвечаю, — сказал вполне серьезно старший экспедитор сержант Гурьянов.

Оба они оделись, как полагается в дальнюю зимнюю дорогу: в полушубки и валенки. Мне валенок никогда не выдавали, но зато вместе с хозяйкой мы

сумели натянуть мою узкую шинель поверх стеганки. Были на мне и стеганые ватные брюки, без них пропадешь в кузове или на открытой платформе. От лютой стужи щипало в носу и склеивались ресницы. Втроем с раннего утра дожидались мы на вокзале попутного эшелона. Путь предстоял долгий и неизвестно какой. Состав наконец подогнали к первому пути. Глазам своим не поверила — пассажирский.

— До какой станции идет поезд? — спросила я у проводника.

— До Бреста.

— Жалко, не до Варшавы, — пожалел Чирков.

— Колея не перешита, — сказал проводник. — Придется вам делать пересадку в Бресте.

— Да нам не в Варшаву, — сказала я, — нам в Радом.

— Так это, дочка, почти что рядом с Варшавой, километров сто от нее. Дня за три доберетесь.

ВАРШАВСКАЯ ПРАГА

В Брест мы прибыли ночью и пешим порядком двинулись на Тересполь. С него, с кучечки огоньков за мостом, начиналась Польша. И мы пошагали в Польшу. Следующая наша ночевка была в Лукове, встретившем нас метелью и морозом. Только через два дня добрались мы до Варшавы. Оказывается, нам сразу следовало бы ехать сюда. Штаб бригады уже покинул Радом, об этом мы узнали в Демблине, добравшись туда на попутных грузовиках. И вот наконец Варшавская Прага, предместье польской столицы, пункт нашего назначения.

14 сентября войска 1-го Белорусского фронта вместе с Войском Польским вышли к Висле и взяли Варшавскую Прагу почти целой. А на той стороне реки, в Варшаве, не осталось ни одного целого здания. Немцы бомбили и обстреливали город, стремясь его уничтожить, сравнять с землей, чтобы никогда больше на этом месте не было у поляков их столицы.

Мы путешествуем по Праге с раннего утра, ищем штаб бригады. День солнечный, светлый, праздничный. Варшавяне с узлами, тележками, мешками идут во всю ширину улицы, движутся непрерывно. Беженцы возвращаются из ближних и дальних мест. Польская речь перемешалась с русской, серые русские шинели и желтовато-табачные польские густо разбавляют пестрые толпы гражданского населения — бездомного, измученного, несчастного. Но все равно в городе праздник... Наконец я в штабе. Дежурный по части офицер вежливо пожимает плечами, он уже в третий раз уходит выяснять, кому я здесь понадобилась, кто же вызвал меня из батальона. Вышел на лестницу сам начальник техотдела, подполковник, и тоже пожал плечами, не спускаясь с верхней ступеньки. Я дожидалась в прихожей, откуда деревянная лестница вела на второй этаж.

— Садись, девушка, и ожидай, — сказал часовой. — Не ехать же тебе обратно в Лунинец. — Определят, не бойся!

— Хоть сейчас поеду назад! Пусть только проездные документы дадут на обратную дорогу. С радостью уеду!

— Как добрались, Лебеденко?

— Нормально. Здравия желаю, товарищ ма... подполковник, — ответила я Платонову, чуть не назвав его майором по старой привычке. Он стоял наверху у перил.

— А мне говорят сейчас, что прибыла из мостового батальона сердитая девица и шумит на проходной.

— Как же не шуметь! Вот приехала, явилась, и неизвестно, кому я тут нужна.

— Вызывал вас я, а служить вы будете в отделении технической разведки, — объявил Платонов и попросил: — Подождите меня, вместе выйдем. Все равно в техразведке сейчас никого нет.

Я несказанно обрадовалась ему. Встретить на чужой стороне знакомого человека, почти родственника, — это ли не радость?

— Вы в самом деле недовольны, неблагодарное вы создание? — спросил он, когда мы вышли вместе на улицу. — Но я вас понимаю. Удивительное семейство наш мостовой батальон. Я тоже первое время скучал, как по родному дому. Знаю, что и вы привыкли там, в батальоне, но я решил, что для вас лучше, если вы будете у меня на глазах. Не потеряетесь из виду.

Я польщена, однако мне хочется возражать и говорить резкости. Почему это он, подполковник Платонов, решил, что мне здесь будет лучше? По какому праву он распорядился мной? Но молчу, понимаю, что всякая дерзость с моей стороны будет выглядеть свинством. Этот добрый, хороший человек и здесь думал обо мне, значит, моя судьба ему не безразлична.

— Вы не устроились еще на квартиру? — спросил он. — Искать вам придется только на этой улице, на Окуневской.

Посыпал легкий снежок, солнечный день давно уже сделался сумерками. Платонов, расставаясь со мной на углу, снял перчатку и ею с отцовской заботливостью отряхнул с моих плеч снежинки.

Обошла я несколько домов, и везде хозяева сожалеюще говорили, что уже занято, или показывали пустые комнаты с выбитыми стеклами. Кто же согласиться жить зимой в холоде? Пани на первом этаже в угловом доме показала мне разбитое окно и посоветовала подняться на второй этаж. Там, в такой же кухне, теплой и уютной, сидело большое семейство. Черноволосая крупная женщина лет сорока пяти, худой и седой ее муж, значительно ее старше, двое черноволосых парней, две девушки и маленький кудрявый мальчик.

— Нас и самих много, — отказала мне хозяйка. — Видите? А в комнатах холодно. — Я покивала, извинилась и направилась к двери. — Стойте! — позвала пани. — Оставайтесь, — и показала на диван. — Будете спать здесь. Здесь теплее.

● Черчу профиль железнодорожного пути со всеми искусственными сооружениями от Познани до Кюстрина, а от него до Берлина — всего 50 километров! Донесения с эскизами и описанием разрушений прибывают из взвода бригадной техразведки, которая наступает вместе с передовыми частями фронта. Работаю я старательно, прихожу на службу без опозданий, но никто не замечает моего прилежания, как и меня саму. Я все еще чужая здесь и терпеливо ожидаю, что сегодня или завтра какой-то счастливый случай вернет меня обратно в Лунинец. Я душой все еще в батальоне, а вот в польской семье прижилась быстро, как и во всех тех семьях, где квартировала на родной земле...

Платонов держался так, будто не имел ни малейшего отношения к моему переводу, но ободряющий его взгляд, брошенный издали, был мне очень кстати. Платонов здесь, значит, я не сирота. Однажды после Дня Красной Армии он сказал мне, что должен поехать на несколько дней в Познань, куда намечена передислокация штаба бригады.

— Война заканчивается, Валя, — сказал он весело и как-то торжественно. — Пора подумать уже о мирной жизни, а мы привыкли строить планы лишь до конца войны. Вот вернусь из Познани, мы с тобой обстоятельно поговорим.

Меня не удивило, что Платонов перестал говорить со мной на вы: знакомы не первый год. От такого его дружеского обращения мне самой сделалось как-то надежнее с ним, прочней.

— Возвращайтесь скорей! — сказала я, преисполненная благодарности. — Я буду вас ждать.

● В своем родном батальоне я никогда не дежурила по штабу, хотя тоже занимала сержантскую должность. Ни Петрову, ни Антипову и в голову не приходило, что я обязана, как все сержанты, нести в свою очередь круглосуточное дежурство. Здесь же мне сразу объявили, что я внесена в список. Обязанность была не обременительная, вся разница лишь в том, что спала я, не раздеваясь, в штабе возле телефона, составив вместе два мягких кресла. Дежурный офицер был поблизости, и, если требовалось, я посылала за ним дневального. Важно было принять быстрое решение, кого следует будить телефонным звонком самой, а когда предоставить эту задачу дежурному офицеру. В ту ночь звонок разбудил меня во время крепкого и сладкого сна.

— Дежурный по штабу красноармеец Лебеденко, — доложила я в трубку.

— Штаб бригады желдорвойск? — спрашивал издалека едва слышный и прерывистый голос поляка.

— Да, да, штаб! Я вас слушаю! А кто вы? Откуда говорите?

— Из комендатуры... — а дальше не разобрать.

— Говорите громче! Я плохо вас слышу!

— Вашу машину... виллис... обстреляли на дороге из Познани.

— Кто обстрелял?

— Неизвестно.

—Жертвы есть?

— Шофер тяжело ранен... Подполковник убит...

— Какой подполковник? Как фамилия? — заорала я, окончательно просыпаясь, но голос поляка, далекий, ненастоящий, будто бы все еще снился мне.

— Убит... подполковник... Платонов...

ПОЗНАНЬ

Бригадному штабу предназначался особняк за чугунной оградой. Деревья загораживают фасад снежным густым узором веток. Заиндевевшие плети плюща обрамляют окна из цельных стекол. Соседние особняки выглядят также солидно. В них до войны жили польские

аристократы, а потом немецкие генералы. Не то что электричество, действовал даже телефон, соединяющий штаб с несколькими квартирами в других домах. Отделение техразведки поместилось в одной такой квартире, где в двух комнатах уже поселилась семья рабочего. Пани Зося с мужем и пятерыми ребятишками мал мала меньше перебрались сюда из подвала в первый же день освобождения Познани. Муж Зоси поехал в деревню менять одежду и кое-какие вещи на муку — детей кормить надо. Трое из них Зосины, а двое — сестрины, младшему всего полгода. Отца их немцы расстреляли, мать забрали тоже, и ничего о ней неизвестно. Может быть, Зосины племянники остались круглыми сиротами. Но она не любит падать духом, детишки все чистенькие, ухоженные, а сама она постоянно занята делом, что не мешает ей разговаривать со мной. Понимаем мы друг друга прекрасно.

— Ты сегодня будешь дежурить там? — показала Зося в окно на здание штаба. — Позвони мне оттуда. Живем в квартире с телефоном, а никто не звонил мне ни разу.

Дежурили мы опять со старшим лейтенантом Шишкиным. Суета и беготня закончились около полуночи. Все штабники разошлись по своим квартирам, а кто еще не нашел жилья, устроились на втором этаже возле печек. Шишкин велел дневальному истопить все печки, какие есть в доме.

— Вы не обидетесь, Валя, если я задам вам один вопрос? — спросил Шишкин, когда мы остались одни в комнате. Лестница вела отсюда на второй этаж, где кто-то звонко хлопнул печной дверцей, прикурив, вероятно, от уголька. — Вы помните наше прошлое дежурство?

Я промолчала. Еще бы не помнить!

— И на похоронах вы сильно плакали. Все заметили это...

Я уже догадываюсь, о чем хочет он спросить, и он спрашивает:

— Вы любили Василия Ивановича?

Но разве возможно ответить «Нет, вы ошибаетесь, я не любила Платонова»? И какое дело Шишкину и всем тем, кто заметил, как я плакала? Встаю и иду к лестнице, поднимаюсь, а ступеньки будто прогибаются подо мной, под тяжестью моей утраты. Опираюсь на барьерчик и твердо говорю:

— Я никогда не забуду Платонова, — и этими словами прощаюсь с ним, с тем добрым человеком, кого я так горько оплакивала.

ГЕРМАНИЯ

Солнце всходило как раз над чернорыжей лентой шоссе, и несколько секунд казалось, что открытая полуторка, идущая за нами, везет с востока огромный красный шар, едва уместившийся в кузове. Дорожный указатель не указывал ни названия города, ни расстояния в километрах. Написано было одно слово «Германия».

Снег исчезал. Чем дальше на запад мы ехали, тем ближе придвигалась к нам весна, — то ли ранняя, то ли она всегда здесь начинается в эту пору. Спросить было не у кого. Маленький городок был похож на внезапно покинутый дом, из которого все выскочили с перепугу. Я умею говорить по-немецки, не очень хорошо, но умею, а вот разговаривать здесь не с кем, да и незачем. Все уже немцами самими сказано. Гитлер капут, война капут, Германия капут. Все капут.

Мы едем не на Берлин, а на Штаргард, на север. Но солнце светит все ярче, дни теплей, стебельки левкоев с наклюнутыми желтыми бутончиками высунулись в палисадниках из-под серой накипи слежалого снега и битой штукатурки, засыпавшей клумбу. Черепица на крышах и булыжники на мостовой подсохли, а земля темнела влажно и сыро.

Продовольственные запасы наши сказочно пополнились в Штаргарде, а если бы здешний военный комендант знал, что нам предстоит дальняя дорога, то отпустил бы продуктов еще больше. Но и того, чем мы запаслись, хватило отделению техразведки на месяц.

Дождливым, зябким рассветом наша трехтонка пересекла Одер. Тяжелую, коричневую воду катила в близкое море суровая широкая река. Двое солдат в промокших шинелях и пилотках расплывчатыми силуэтами копошились на берегу, строили возле понтонного моста будку для КПП... И в тот же так и не разведнившийся день мы снова переехали темноводый Одер: отозвали обратно в Познань. Наша бригада железнодорожных войск вышла из состава 1-го Белорусского фронта и возвращалась домой, на Дальний Восток, по месту своего формирования.

Я уезжала на Дальний Восток, так и не встретив на военных дорогах Алешу. Солдат на деревянной ноге и в шинели, накинутой на сутулые плечи, чудился мне у каждого перекрестка. Любочка пишет, что, по всей вероятности, нашего Алексея уже нет в живых, а я не хочу поверить этому. Существует же голос крови? Этот тревожный и печальный голос — стук деревяшки о мостовую при каждом шаге — слышится мне часто, я мысленно вижу силуэт одноногого солдата, возвращающегося домой из плена...

Наш эшелон минует Варшаву, пройдет по восстановленному мосту через Вислу. Не знаю, будет ли виден на правобережной стороне костел, а рядом с ним скверик, где похоронен Платонов. Я никогда не перестану жалеть о том, что не сумела сказать ему вслух о своей благодарности. И мне остается лишь гордиться тем, что в судьбе моей был Платонов.

ПУТЬ

Эшелон находился в пути тридцать шесть суток, и все это время мы догоняли зиму. Снежное пространство становилось белее, сугробы вдоль железнодорожного полотна выше. Уезжали мы из Германии в середине марта, снегу уже не было, и на заброшенных клумбах зацветали нежные левкои...

Ехали мы в сытости и тепле, дневальный обеспечивал на станциях наш вагон дровами и углем, а я готовила на железной печке еду, заведуя хозяйством. Мой закуток на верхней полке был отгорожен занавеской, я запаслась книгами и, приготовив завтрак или обед, укладывалась под окошком и читала. Но больше глядела в окно, дивясь великому пространству и простору. Много воинских эшелонов, обгоняя нас, шли на восток, заставляя думать, что едем мы для другой войны...

Дети стайками прибегали к эшелонам на всем нашем пути, просили хлебца или

Рисунки Р. Авотина.

сахарку, но главной ребячьей просьбой была такая:

— Тетечка, дайте чистой бумаги, или тетрадочку, или карандашик. Учиться нам нечем! — и я раздавала казенные хлеб, и бумагу, и карандаши. Я ведь тоже собиралась в этом году учиться.

А хлеб у нас оставался. Были мы не по времени разборчивы в еде, вспоминая добрым словом Штаргардского военного коменданта, отвалившего нам консервов и белой муки. Сварила я в Мичуринске великолепную пшенную кашу, а мои баре отказались ее и попробовать. Нафрантились и отправились в офицерскую столовую. Но добро не пропало, налетели мальчишки, и я угощала их кашей.

Чумазенькая девушка в великоватой спецовке обстукивала молотком ободья колес, заглядывала в буксы товарняка, стоящего на соседнем пути. Она все стукала по одному и тому же колесу и гремела крышкой одной и той же буксы. Бросила быстрый взгляд, когда я подавала пацану миску. Я все поняла, и горло мое сдавило.

— Девушка! — позвала я. — Не хотите попробовать, какой вкусной каши я наварила?

— Хочу, — ответила она сразу и отвернулась, заглядывая снова в буксу, стыдясь подняться ко мне в вагон при пацанах.

— Поели? — крикнула я им. — Давайте сюда посуду и гуляйте!

Мальчишки — народ смелый, они разживутся и возле других эшелонов, а девушку эту кто догадается сам спросить? Мне ли ее не понять!

...«Раздевайтесь, товарищ Лебеденко, садитесь», — сказал Платонов, приведя меня в свою комнату в расположении батальона, а через минуту вошла румяная, улыбающаяся Лизавета в чистой белой куртке и внесла миску горячего, душистого и густого супа, перлового, с картошкой и колбасой, нарезанной кубиками.

...«Вот, угощайте девушку, товарищ капитан, — сказала бойкая Лизавета. — Суп сегодня с американскими консер-

вами», — и положила рядом с миской ложку, хлеб и любопытными, добрыми глазами уставилась на меня. Она уже слыхала, и все в штабе про меня уже знали, что капитан Платонов, начальник штаба, нашел чертежницу... Я держалась с достоинством, стараясь есть неторопливо, будто нехотя, а чтобы не заметили, какая я голодная, откусывала хлеб не от целого куска, а отламывала сперва маленькими кусочками...

...«Можете идти, Лиза», — сказал Платонов и вдруг вспомнил, что его ожидают в штабе неотложные дела. «Ну, мы пошли, — сказала Лизавета. — А вы, девушка, кушайте спокойно»...

— Лезьте сюда, в вагон, — пригласила я осмотрщицу. — Сейчас вымою тарелку.

— Зачем в тарелку? Давайте так.

Она взяла кастрюлю с кашей, ложку и исчезла под вагоном. Сидела там, наверное, на шпале. На чем же еще?

— Пойду вымою под краном, ладно? — сказала она повеселевшим голосом, когда поела и стояла перед лестничкой с пустой кастрюлей.

— Не беспокойтесь, — ответила я. — Горячая вода вон на печке. Все сразу сейчас буду мыть. — И снова пригласила: — Входите, никого нет.

Девушка поднялась в вагон. Я дала ей буханку хлеба, кое-что из продуктов, а сверху, на кулечки, положила трофейное туалетное мыло в цветной обертке.

Господи, как она смотрела на меня, держа все это на вытянутых руках! Смотрела так, будто я волшебница, фея, возникшая неожиданно перед ней. Она сама и вправду выглядела Золушкой в промасленной мазутной спецовке. Брезентовые брюки были подвернуты широкими обшлагами, у стеганки закатаны рукава. Мне перед ней было стыдно за то, что я сытая, умытая, причесанная и еду в тепле...

1-й ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ, 1945-й

Кончается апрель, а зима еще висит над серыми сопками серым холодным небом, моросящим то колючей снежной пылью, то мягкими снежными хлопьями пополам с дождем. Солдаты, выбегая на утреннюю зарядку, ежатся, стоя под снегопадом в одних нижних рубахах. Старшина хрипловато покрикивает, выравнивая строй. Москва в это время передает последние известия, уже здесь вчерашние.

— Ленинградское ордена Ленина Краснознаменное училище военных сообщений имени Фрунзе выпустило новый отряд офицеров железнодорожных войск... Итальянскими патриотами казнен Муссолини...

Бой курантов и автомобильные гудки с полуночной Красной площади разносятся на весь двор из репродуктора, висящего на столбе против нашего окна. Отделение техразведки занимает в приземистом низком доме комнату в середине коридора. Здесь же, на ящике за книжным шкафом, я и живу. Офицеры устроились по квартирам и являются на службу после завтрака, а я к их приходу успеваю вымыть пол. Вязкая глина беспрестанно таскается за ногами. Дождь, сказали, будет лить всю весну, а потом еще пол-лета. Принесешь два ведра воды из колонки и сразу же ведро истратишь, чтобы отмыть свои сапоги. Но все это — бараки, застрявшие в глинистом половодье, бесконечный дождь — будто снится. И не у меня одной, а у всех счастливо-ожидающие глаза, когда рано утром слушаем последние вчерашние известия: Берлин окружен... Советские войска вышли на западный берег Эльбы и встретились с войсками 1-й американской армии... 30 апреля во второй половине дня советские войска штурмом овладели рейхстагом.

1 мая радио передало, что Гитлер покончил жизнь самоубийством. 2 мая к трем часам дня немецко-фашистские войска в Берлине прекратили сопротивление...

Солдатский строй бегал и приседал в моросящей мгле и вдруг смешался. Ребята запрыгали, кричали ура, обнимали друг друга. Я еще не разобрала слов, доносившихся в открытую форточку из репродуктора, но радость сорвала меня с места, закружила по комнате:

— ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ!!!

Офицерам давали водку за завтраком, а рядовому и сержантскому составу выдали в обед. Впервые за всю свою службу я не обменяла на сахар свои сто граммов. Я несла с кухни котелок с супом и миску с кашей в левой руке, а в правой — кружку с водкой. Я выпила залпом, считая, что именно так и полагалось пить в честь Победы. И засмеялась, подумав, что водку я пью впервые!

Непробиваемая толпа солдат привалилась к подножке. Ни билетов, ни проездных документов проводник ни у кого не спрашивал. Кто-то кинул вперед через головы мои вещи и сноровисто подпихнул меня, и вот я сижу, крепко стиснутая с обоих боков. Света нет, горит в фонаре свечка, а стекло в нем такое закопченное, хоть наблюдай через него затмение солнца.

— Пролазь вперед, сестренка, тут просторней.

— Спасибо, пересадка у меня скоро, что же так далеко залезать, — кому я ответила, кто позвал меня, не видно. Вагон для курящих набит до потолка военной братией с ее крепким солдатским духом, махорочным дымом и руганью. Руки и ноги свешиваются с верхних полок, где перекатывается, перекликается разноголосый могучий храп. Верхние пассажиры спят.

Вздрогнуло неподвижное солнечное затмение, потянулся мимо окна чужой, диковинный, будто раньше ни разу не виданный празднично-светлый перрон. Я уезжаю из бригады на новое место службы, в батальон. Скорый владивостокский, проходящий через станцию, довезет меня до места, где я пересяду на другой поезд.

Пересадка вечером оказалась неожиданно спокойной. Местный поезд был полупустой. Билетов не выдавали и не продавали: нужно тебе ехать, садись и езжай. Я заняла целое купе и преспокойно уснула. Рассвет встретил меня безоблачным небом, свежее и солнечное после ночного дождя утро звенело пением «ястребков». Истребитель взвился из-за крутой сопки и умчался ввысь, убегая от другого «ястребка», тот, другой, догнал его, стремясь взобраться еще выше, а оттуда, с высоты, шел третий первому наперерез.

— Погода у вас хорошая, — сказала я тетке, продававшей возле станции молоко.

Высокий летчик в синей форме пил из поллитровой банки. Он стоял ко мне спиной, я не видела его лица, поднятого вверх, будто летчик пил небо. А он пил молоко и глядел на играющие самолетики. Край темно-синей пилотки окаймлял белобрысый затылок. Я подумала, что и глаза у него должны быть непременно светло-голубыми.

— И у нас к вечеру польет, — пообещала женщина.

— Это уж точно! — подтвердил старший лейтенант, оторвавшись от банки и от неба. Он обернулся, я увидела погоны и смущенное лицо. Глаза в самом деле были небесно-голубыми.

Летчик отдал торговке деньги и зашагал по дороге в поселок, задирая время от времени голову в небо. Меня, надо думать, он как следует не разглядел. Но почему-то показалось, что в глазах его мелькнуло что-то похожее на мгновенную, удивленную радость, а может быть, мне просто хотелось, чтобы кто-нибудь обрадовался моему приезду.

— Вам тоже налить молочка? Всю ночь ведь ехали. Выпейте с дороги.

— У меня денег-то всего два рубля.

— Давайте на вещи. Платьишко, может, лишнее найдется или еще чего-нибудь.

Покопавшись в мешке, я вытащила дамские спортивные брюки.

— Больше пяти литров не дам, — сказала молочница.

— Пять литров? А во что же я их возьму?

— Не сразу же. Утром или вечером по пол-литра десять дней будем вам носить. Вечернее у меня свое, а утром продаю свекровино.

— Куда же будете приносить? Я сама еще не знаю своего адреса. Где здесь штаб железнодорожной части?

— Вон видите деревянный двухэтажный дом? Там военные сейчас стоят. Молоко я им носила. А сейчас носим девушкам и комбату. Первое крыльцо — штаб, второе — девчата живут. А комбат с семьей в другом доме, рядом. Моя дочка, Таней ее зовут, принесет вечером молоко и про вас спросит. Найдет, не беспокойтесь.

Пила я молоко, как тот беленький летчик, — глядя в небо. Истребителей привлек тяжелый бомбардировщик, и они ринулись на него. Лишь теперь на станции я совершенно четко осознала, что кончилась война. Долгая-долгая война кончилась, если веселые самолетики играют в войну. Наступил настоящий мир, будничное отдохновение, оно, как вкус молока на губах и танец веселых «ястребков» в небе. Никуда не надо больше спешить, не надо ехать, не надо тревожиться. Я приехала.

Девчата занимали двухкомнатную квартиру с кухней, кладовкой и отдельным крыльцом. Плиту в кухне топили утром лишь для того, чтобы согреть воды. Кладовку приспособили вместо ванной комнаты, жили вольготно и, кажется, все пять собирались замуж. Нареченные служили здесь же, в батальоне. Осталось лишь получить разрешение комбата и расписаться.

Сержант Зоя, старшая среди своих подруг по званию, а следовательно, и по общежитию, предложила мне самой выбирать место.

— Поселяйтесь со мной, — пригласила меня связистка Ася. — Наша комната хотя и меньше, зато есть веранда.

С Асей мы подружились сразу. Она рассказала, что схоронила мужа во время блокады в Ленинграде.

— Хороший он у меня был, мой Яша. Такого я уже не встречу и счастливой больше не буду.

— Симпатичный летчик пил сегодня на станции молоко, — сказала я, сама не знаю, почему. — Беленький, голубоглазый.

— Познакомилась с ним?

— Зачем?

— Ну сама же говоришь — симпатичный.

● Дождь, то проливной, то мелкий, начинался с вечера и лил до утра, а иной день не переставал и утром, и продолжался круглые сутки. Я сочувственно поглядывала в сторону аэродрома. Машин издали не видно за сеткой дождя, но я представляла их себе печальными мокрыми птицами, пережидающими непогоду. Самолет беленького летчика тоже сидит там, на поле? Какой он? Штурмовик, бомбардировщик или «ястребочек»?

— Ася, ты не знаешь, на чем он летает?

— О ком ты?

— О том беленьком летчике.

— Никак не можешь его забыть?

— Интересно, на чем он летает.

— У него и спроси.

— А где же я его встречу?

— На танцах. Вот будут в какое-нибудь воскресенье танцы в железнодорожном клубе, он обязательно туда придет. Все летчики приходят.

Я представила себе освещенный зал, танцующие пары, а я танцую с ним. А если не с ним, то я не пойду.

Горячее, по-настоящему летнее солнце палило с утра, а вечером лил дождь. Я, улучив часок после завтрака, удирала позагорать на высокую сопку, которая начиналась пологим подъемом за нашим двором, а по другую сторону вершины обрывалась скалистыми уступами. Облюбовала уступчик на самом верху, увидеть меня можно лишь с противоположной сопки, но там нет ни людей, ни строений. Красивая картина открывалась со скалы, а постоянный ветер усиливал ощущение глубины и простора. Озеро широкое, желтоватое у берега, блестело километрах в двух. За озером на север — Маньчжурия, за фиолетовыми сопками на запад — тоже Маньчжурия. Карту Маньчжурии я увеличила на ватманском листе, раскрасила, а выписывая тушью названия станций и речек, невольно подумала, каких же названий я только не писала! Звучали они по-белорусски, по-украински, по-польски, по-немецки. А теперь вот и по-китайски. Станция Мулин, река Мулинхэ. Станция Суйфынчжун, река Суйфунь...

Полюбовавшись великолепной панорамой, я заглянула вниз и неожиданно обнаружила, что там, на таком же уступе, как и мой, лежит женщина и тоже загорает, обмотав голову полотенцем.

— Извините, пожалуйста, который час? — спросила ее.

— Четверть одиннадцатого, — ответила она и посоветовала: — Не стоит сейчас уходить. Ультрафиолетовые лучи в это время наиболее полезны — настоящее горное солнце, — вот так я познакомилась с капитаном медицинской службы, начальником нашей санчасти, Людмилой Федоровной Селезневой.

Вне службы она носила белую кофточку и не одобряла строгостей, которые чинил нам, девчатам, начальник штаба батальона Козлов, заставляя париться в полной форме. От санитарки Даши, боготворившей свою капитаншу, я много слыхала о доброте и красоте Людмилы. Синеглазая, чернобровая, с чуть-чуть полноватой фигуркой, она была на вид очень домашняя, женственная. Короткие черные волосы падали прямыми прядями на нежно-розовые щеки.

На следующий день мы с Людмилой Федоровной вместе отправились на озеро. Поселок напоминал украинское или белорусское село. Неухоженное кладбище, которое мы минули дорогой, было такое же, как и те деревенские погосты, где хоронили мы своих ребят, убитых бандеровцами или подорвавшихся на минах. Наверное, даже на самом маленьком кладбище в тех местах обязательно высится красный столбик с фанерной красной звездочкой.

— Девчата, как ближе пройти к вашему озеру? — спросили у нас танкисты, шагавшие веселой компанией, все в черных комбинезонах, белозубые и горластые. Рады, небось, что окончился долгий их путь от Берлина, или Будапешта, или Праги до прекрасного и тихого населенного пункта.

Воинские эшелоны прибывали на станцию каждый день, а выгружались преимущественно с темнотой. Дорога к сопкам гудела по ночам моторами, гремела железным лязгом.

Вот и озеро. Высокий откос заслоняет берег. Мы спустились по крутой тропинке, держась руками за стебли травы. Офицер в полевой форме и в пилотке смотрел на нас, стоя на вершине обрыва и заслонясь ладонью от солнца. Потом он сбежал вниз, а казалось, собирался уходить.

Людмила Федоровна в воду не полезла, потрогала лишь босой ногой, а мне позволила окунуться. Мы, разостлав полотенца, улеглись на них, а тот офицер читал книгу и поглядывал на нас.

— Товарищ старший лейтенант! Вас просят к командиру! — позвали его с обрыва.

— Иду! — ответил он. И тут я разглядела, что это тот летчик. Он быстро взбежал по тропинке вверх — не взбежал, а взлетел, — и там, наверху, остановился на секунду и посмотрел на меня. Теперь-то я точно знала, что на меня!

Я вскочила и бросилась в воду. Как же я могла еще в этот момент иначе подпрыгнуть от радости?

Окончание следует

ГОСТЬ

И. ОЧЕРЕТ

Рассказ

● Пегая лайка Сильва, дремавшая на лежанке, навострила уши и ткнулась влажным носом в щеку хозяина, — внимание! Просеменила к двери зимовья, потянула сочившийся снаружи воздух. Деев со стуком сбросил на земляной пол ноги в тяжелых унтах. Собака укоризненно покосилась на него карим глазом и поскребла дверь. Снаружи скрипел снег под лыжами. В тайге любая встреча — событие. Сейчас без стука откроется дверь, обычай здесь прост — лесное убежище принадлежит всем, и руки вошедших первым делом потянутся к камельку... Но снаружи медлили. Почему? Может, беглые? Нет, в такую даль им зимою не добраться. А впрочем, могли разжиться где-то одеждой и оружием... Плохо: шатуны не пощадят. Не надо им лишнего свидетеля. Деев глянул на толсто заиндевевшее оконце. Оно выходило в другую сторону. Выбить и появиться неожиданно из-за угла? Нет, мало оконце, застрянешь... Ладно, не будем паниковать загодя. Собака тихо урчала. Худо. Деев переломил ружье и забил оба ствола жаканами. Распахнул дверь. По глазам ударил нестерпимый свет, от снега — оранжевый, с неба — синий. На Деева смотрели двое...

Накануне ни свет ни заря собрался фельдшер Деев на белку. Засветил керосиновую лампу, снял смазку с ружья, набил патронташ. Хозяйка укладывала в рюкзак караваи домашнего хлеба, сухари, крупу, несколько луковиц, полпачки кирпичного чаю... С усилием открыв прижатую за ночь снежным наметом дверь, Деев вышел на крыльцо, прислушался к ветру. Вроде надвигается пурга, но у середины зимы затяжной она тут не бывает. Вернулся в тепло, собака прошмыгнула следом, сунулась в горницу и сразу приметила переместившееся со стены на лавку ружье, засуетилась радостно... Зимнее солнце еще не думало всходить, а Деев уже, кряхтя, обулся, натянул меховую куртку, нахлобучил поплотней малахай и зашагал сумрачной улицей. На веревке он тащил за собой широкие лыжи.

Тайга подступила к поселку вплотную. На опушке взметнулась стайка снегирей. Уже после сотни шагов деревья сомкнулись, скрыв дома, будто их и не было. В груди теплилась тихая радость, всегда возникавшая, когда окунался в лес, уходя на время от всякого прошлого и будущего, помышляя, как зверь, только о сиюминутном... Шесть лет назад, очень зло потрепав на гражданской войне, судьба забросила сюда уроженца степей. И оставила здесь в постоянном тихом изумлении волшебной красотой и таинственностью тайги. Тут женился. Лечил народ, рассыпанный по просторной глухомани в две тысячи квадратных километров. Лечил по науке, как положено, а сам больше исцелялся

тишиной, лесным одиночеством. Все свободное время отдавал охоте. Соорудил себе в тайге подальше, где зверь совсем не пуган, пристанище - зимовье. Стены срубил из кондовой лиственницы в восемь венцов, потолок — из бревен потоньше, на них — кора, поверх нее — земля. Сверху жерди двускатной крыши тоже крыты корою. Камелек, оконце, печной прибор, петли на дверь — все делал сам. И теперь блаженствовал в избушке, отпрашиваясь по нескольку раз в год на четыре-пять дней.

От поселка до зимовья по карте прямиком шестнадцать километров, а кривыми тропами все двадцать пять наберется — дневной переход. Вверх выбирается дорога из распадка, где остался поселок. И чем выше, тем крепче ветер. Редкостойкий лес продувается немилосердно. Нет подлеска — проносится у ног гонимый поземкой сухой снег, кувыркаются сучья и ледышки. А на чаранах — таежных лысинах — дует и вовсе жестоко. Хочется идти не тропою, а куда ветру угодно, лишь бы к нему спиною. При встречном ветре хоть ложись на тугой воздух, как на сугроб, грудью. Сильва трусила сзади, словно на привязи, норовя ступать передними лапами на кромку лыж, чтоб не вязнуть в снегу.

Для Деева ветер не только свистел и выл, но и пел, уводя мысль на что-то жалостливое и приятное, на далекое и беззаботное. «Если от этих мест, — думал он, — двигать прямиком к северу, то на сотни километров, может быть, не набрести на поселение. Да что там поселение — человека не встретишь. А еще дальше — морские льды и Полюс...»

...Легче стало идти, вроде немного утихомирился ветер.... Оказалось, спустились в ложбинку. И сбились с дороги: впереди занесенное снегом, перекрытое кое-где поваленными деревьями русло ручья. Завернул-таки сатанинский ветер охотника вправо. Возвращаться назад с полкилометра не хотелось, и он двинул налево, чтобы прямиком поскорее выйти на дорогу. Ветер опять бил в грудь, пилил глаза, но Деев упрямо бодал плотный воздух, не отворачивался. Несколько раз соскальзывал в занесенные доверху промоины ручья. Переваливая через лежащую на пути лесину, угодил в яму по плечи, лыжи не задержали, ушли вглубь торчком. Спасибо, целы. Сильва удивленно уставилась на хозяина, морда собаки пришлась вровень с его головою. По неизменной своей солидарности тоже прыгнула в яму. Чертыхаясь, Деев ухватил ее за загривок и под передние лапы, выкинул наверх, следом выбросил лыжи, ружье, рюкзак, потоптался, трамбуя осыпающийся сверху снег, ухватился за лесину, выкарабкался. Вновь двинулся по бездорожью, злясь на себя за оплошность, пока не вышел на тропу.

Достигли зимовья вечером. Кто-то побывал здесь: запас топлива не убыл, но к заготовленным в прошлый раз впрок лиственничным дровам прибавились березовые. Вместо полупустого спичечного коробка гость оставил почти полный. Все прибрано, цело. Таежный закон соблюден.

Деев наколол ножом лучины, развел огонь, плотно натолкал снега в котелок, поставил на печь. Не спеша попил чаю с посыпанным крупной сероватой солью хлебом и луком, накормил собаку. Сгреб угли плотной горкой, убедился, что угарного синеватого пламени уже нет, прикрыл вьюшку. Не снимая шапки, не раздеваясь, с поднятым воротником улегся ногами к камельку, подложив под голову меховые рукавицы. Ветер снаружи утихал, словно тоже добрался до своего пристанища. Деев счастливо улыбнулся и провалился в сон.

...Двое стояли черными силуэтами. Шагах в двадцати. Деев болезненно прищурился, держа ружье наперевес в правой руке, левую козырьком поднял к глазам. Стволы их ружей торчали из-за спин. Разглядел: оба якуты. Засовестившись, торопливо приставил тулку к стене. Сейчас надо сказать: «Мир вам, заходите, будем беседовать». Деев и высказал все это по-якутски:

— Капсе!

Но они молчали. Потом несмело подошли ближе. Переглядывались. Слева стоял, судя по иссеченному глубокими морщинами темному лицу, очень пожилой человек, поджарый и слегка кривоногий. Рядом — молодой якут, стройный, с добродушной полногубой физиономией. Конечно же, охотники. И никакой враждебности в лицах. За всю свою жизнь Деев не помнил, чтобы на него смотрели с таким почтением.

— Капсе сох, — отозвался наконец старик: нечего рассказывать, говори, мол, ты. Потом он растерянно улыбнулся и добавил: — Доброго тебе...

— Здорово и вам, — сказал Деев.

Вдруг старик выпалил:

— Ты, однако, медведь гости ходил?

Деев окончательно опешил.

— В берлогу зашел, назад вышел, дальше пошел, — быстро заговорил другой охотник, словно боясь, что его не дослушают.

Деев рассмеялся, но быстро смолк, похолодела спина: вспомнил, как провалился в яму...

Нервно оборвавшийся смех не послужил, как показалось Дееву, опровержением мнения охотников, а был принят за доказательство некоего превосходства смеявшегося.

— Айда, ходим. Смотреть надо, — произнес старик и, не дожидаясь согласия, двинулся прочь. Деев торопливо забросил на спину ружье, ухватил рюкзак и стал на лыжню третьим. С четверть часа шли молча, в каком-то всеобщем смущении. Потом молодой якут немного отстал, полуобернулся на ходу к Дееву и, указав на старика, сообщил вполголоса:

— Восемьдесят годов.

Старик уловил его слова и сразу охотно отозвался:

— Брешет, однако. Бумага — восемьдесят, мне — восемьдесят да два. Родился — два года не крестили, так жил. Иваном кликали. Потом поп приезжал, всех покойников разом отпевал, всех детей крестил. Меня Дулей крестил. Отец плакал, шкурки давал — поп обратно Иваном крестил. Тогда и бумага писали.

— А моего сына Коммунаром звать, — гордо сообщил молодой охотник. И опять перешел на старика:

— Иван партизан через хребты водил. В Киренске, в Иркутске бывал.

— Бывал, — подтвердил старик. — Город — свой закон, тайга — свой закон. Город — прокурор закон, тайга — медведь прокурор...

— Как здоровье, отец? — профессионально поинтересовался Деев.

— Хороший. Да глаз не тот, нога не тот. Шаман лечил, старуха лечил... — По лыжне он скользил легко и быстро.

Отец Коммунара опять обернулся к Дееву.

— Иван, наш старшой, не велел поначалу медведя стрелить. Говорил: зверь — тайон[1], и людям близко родной. Уговорили, однако. Потом искать тебя стал: баил, ты улахан[2] шаман, язык зверя знаешь. Да я тебя теперь узнал, фельдшер ты. А фельдшер шаманом не бывает. Но фельдшер тоже хорошо... Якуты издавна медведя уважают, мудрый зверь. По-нашему медведь и дедушка — одно слово: эгэ... Убьют медведя — прощенья у него просят, очень уж, говорят, мяса твоего хотели.

Деев, усмехаясь про себя, подумал: пару десятков лет назад человек, побывавший в гостях у лесного хозяина, мог бы бог знает что натворить, святым объявиться.

...Сильва зарычала и вздыбила шерсть на загривке. Освежеванная туша кровавым бугром высилась на снегу, рядом лежала свернутая и стянутая ремнями шкура. Неподалеку в ямке трепетал костер, поблескивал медный бок чайника. Вокруг сидели несколько якутов. Они с почтительным вниманием рассматривали фельдшера. «Как богомолки на архиерея», — подумал он и приблизился к туше. Сразу пересохло во рту, с необыкновенной ясностью представилось, что могло случиться, потопчись он с собакой в яме еще немного.

Потеснившись, Дееву дали место у костра. Горевшая коряга вдруг громко треснула, искры посыпались на куртку фельдшера, он вздрогнул. Его неподдельно расстроенное лицо, упрек собаке, видимо, поколебали предположения якутов о дружеском визите человека к зверю. Покров сверхъестественности на редкостном событии померк. Теперь с фельдшером разговаривали как с простым смертным, даже с некоторой иронией. Часть иронии перепала и на долю заметно притихшего Ивана. Напившись вприкуску чаю, Деев собрался в поселок — желание охотиться в ближайшие дни пропало. В рюкзак ему положили большой кусок медвежьего окорока. Стали прощаться. Охотник пожал руку Ивану.

— Будешь в наслеге[3], заходи на медпункт.

— Приду, — отозвался старик. — приду. Лекарством корми, каким медведя кормил. Сладкое?

Глаза его вроде бы смеялись. Впрочем, Дееву всегда якутские глаза виделись со смешинкой.

---

[1] Важный, знатный.
[2] Большой.
[3] Поселок.

Опираясь на богатые традиции

В Венгерской Народной Республике плодотворно работает общество по пропаганде научных знаний (ТИТ), родственное обществу «Знание» Советской страны. Наш специальный корреспондент В. Зыбковец встретился летом 1979 года с председателем общества ТИТ, профессором Будапештского университета, академиком АН ВНР Георгием АДАМОМ и попросил его рассказать о деятельности общества, особенно по пропаганде естественнонаучных знаний.

Одно обстоятельство затрудняет мне ответ на поставленный вами вопрос. Оно заключается в том, что я — молодой председатель ТИТ: нет и года, как я им стал, и, конечно же, еще не разобрался во всех деталях и тонкостях работы. Деятельность общества столь разнообразна, что вот так сразу, в короткой беседе, всего не расскажешь и не припомнишь.

ТИТ, как и «Знание» в вашей стране, — самостоятельная организация: во всех областях ВНР существуют отдельные и довольно самостоятельные подразделения, работа которых в гораздо большей степени зависит от местных условий, чем от указаний из центра. Мы осуществляем прежде всего методическое, методологическое и организационное руководство. Выбор тематики, а также форм и методов пропаганды знаний почти полностью зависит от потребностей и условий на местах.

В пропаганде естественнонаучных знаний у нас в стране очень давние и богатые традиции. Еще в 1841 году группа венгерских врачей и других ученых, понимавших необходимость просвещения народных масс, основала общество, главной задачей которого стала пропаганда достижений естественных и технических наук. Хочу подчеркнуть, что общественные и политические дисциплины тогда даже и не затрагивались в выступлениях представителей этого общества, и только после освобождения от фашистского засилья, значит чуть более 30 лет назад, мы начали реорганизацию общества, с тем чтобы оно занималось распространением также общественных и политических знаний. Таким образом, не создавая новой общественной организации, мы расширили функции уже завоевавшего авторитет у населения общества ТИТ. Ныне оно успешно пропагандирует достижения не только естественных и технических наук. Лекторы общества рассказывают слушателям о развитии политической экономии и философии, истории и международных отношений, литературы и искусства. Общественно-политическая тематика в деятельности ТИТ пользуется заслуженным вниманием и направлена на удовлетворение запросов и интересов всего населения.

Основную организационную, методическую и методологическую работу ведут 26 — назовем их по аналогии с обществом «Знание» СССР — методических советов, каждый из которых координирует пропаганду в определенной отрасли науки. В эти советы входят крупнейшие специалисты и ведущие ученые, которые разрабатывают основные аспекты популяризации тех или иных знаний. Одна из задач таких советов — выпуск специальных пособий: литературы для лекторов нашего общества, разработок лекций по разнообразным темам.

Популяризация естественнонаучных знаний ведется у нас различными формами и методами. Это и просто лекции о достижениях наук, о научных открытиях и разработках; и циклы лекций по системе знаний о природе и обществе; и народные университеты; это семинары для среднего звена наших пропагандистов, тематические выставки и многое другое. Эрудиция лектора, его ораторские способности, темперамент, хорошая подготовка собирают большую и благодарную аудиторию даже при самой сложной научной тематике лекции.

Как я уже говорил, местные организации нашего общества относительно самостоятельны, но помощь центральных органов и ведущих специалистов им просто необходима, и они ее получают из центра.

Самостоятельно, но исходя из единого плана естественнонаучной пропаганды, разрабатывают они тематику лекций, учитывающую запросы аудитории. Естественно, что для всего населения Венгрии интересны лекции на общеобразовательные темы. И многие из них, например о Космосе, о происхождении и развитии Вселенной, о международном положении, о достижениях современных наук, полезно послушать каждому. Но есть проблемы, которые более интересны жителям наших сел и деревень, работникам сельского хозяйства.

И наши методические советы разрабатывают тематику таких лекций. Перед сельскими тружениками выступают лекторы, рассказывающие, в частности, об использовании пестицидов в борьбе с сельскохозяйственными вредителями, о химии и обогащении почв, об агрономических достижениях, о повышении плодородия полей, садов, ферм и огородов. Учитывая, что медицинская помощь на селе отстает по своим возможностям от городской, мы стараемся читать там больше лекций по вопросам здравоохранения.

Общество ТИТ издает много разнообразных брошюр для села, практикует выезд туда наших ведущих специалистов и ученых.

Есть у нас еще одна форма работы на селе. Это так называемые летние народные университеты, занятия в которых, как правило, продолжаются в течение 2—3 недель. Здесь читается ряд тематических лекционных циклов. Ежегодно у нас работает 20—30 таких университетов, на их занятиях обычно присутствуют не только жители данного района, но и приезжие горожане. Это обязывает нас, оставляя в них преобладающей сельскохозяйственную тематику, шире освещать основные социальные проблемы.

Не менее серьезно мы относимся и к молодежной аудитории. Пожалуй, даже более серьезно. Сейчас в нашей стране, как, собственно, и во всех странах социалистического содружества, молодежи уделяется огромное внимание. Мы стремимся, чтобы молодые граждане Венгерской Народной Республики были не только физически сильными и здоровыми, но и духовно, политически зрелыми носителями передового марксистско-ленинского мировоззрения. Еще

в средней школе, в выпускных классах, в течение всего учебного года (два урока в неделю) изучается предмет «Научное мировоззрение», работают кружки юных материалистов.

Перед молодыми слушателями выступают наши лучшие лекторы и ведущие ученые. Помимо, так сказать, общих тем, то есть лекций, интересных для любой аудитории, молодежи рассказывают о проблемах супружества, принципах построения семьи и т. п.

Пожалуй, одна из самых сложных сторон деятельности нашего общества — это увязка естественнонаучной пропаганды с мировоззренческими вопросами. Наш собственный опыт, а также опыт наших друзей со всей очевидностью свидетельствует, что даже хороший рассказ крупного ученого о достижениях какой-либо науки недостаточен для формирования у слушателей научного, материалистического мировоззрения. Знания — еще не мировоззрение. Мы стараемся так построить лекцию или написать брошюру, чтобы в ней говорилось не только о научном или техническом значении того или иного открытия, но и о его роли в подтверждении материализма, о том, как оно раскрывает возможности бесконечного познания человеком окружающего его материального Мира, как помогает раскрыть тайны мироздания, его законы.

Я часто говорю: «мы». Это потому, что я тоже читаю лекции и не только как преподаватель в университете, но и как лектор общества ТИТ. Я физиолог. Мои научные интересы связаны с высшей нервной деятельностью. Практика лектора подсказывает мне, что необходимо рассказывать не только о достижениях физиологии, но и показывать слушателям логику научного познания, приобщать их к диалектическому стилю мышления.

Надо сказать, что нам, физиологам, как и медикам и биологам, относительно легче вплетать мировоззренческие проблемы в канву своих лекций. Уж очень часто нам приходится сталкиваться со спекуляциями на научных данных, со всякого рода лженаучными «гипотезами» и «теориями», с которыми ныне выступают целый ряд околонаучных авантюристов, со все еще бытующими суевериями.

Определенные успехи в мировоззренческом осмыслении естественнонаучных знаний есть у наших астрономов. Это, может быть, объясняется и тем, что во все времена людей интересовало звездное небо. Тем более сейчас, когда человек осваивает Космос. Спрос рождает популярную литературу и специальные учреждения, пропагандирующие знания о Вселенной.

У нас в Венгрии практически в каждом, даже небольшом городке есть общедоступные обсерватории. Они работают под руководством центральной обсерватории «Урания» в Будапеште и на деле показывают, какими возможностями обладает человек в познании тайн и законов мироздания. Эти же задачи выполняет и столичный планетарий.

Есть в системе нашего общества и уникальная, единственная в Европе организация. Я говорю о Центральной студии естественных наук. Она помещается в новом трехэтажном здании. Здесь занимаются различные кружки, действуют постоянно обновляющиеся выставки, рассказывающие о достижениях современных естественных наук, проводятся циклы лекций. Это своего рода национальный методический центр, не только координирующий пропаганду знаний, но и ведущий работу по мировоззренческому воспитанию слушателей.

Большую помощь в осмыслении научных достижений нам, естественникам, оказывают венгерские философы. Они помогают глубоко осмыслить добытые нами факты и открытые закономерности, причем — не только самим ученым, но и лекторам.

Одним словом, у нас есть определенные успехи в пропаганде естественных наук и в их философском осмыслении. Но предстоит сделать еще очень многое. На это нас ориентируют и решения ЦК ВСРП, указывающие, что в нашей научной и пропагандистской деятельности следует исходить из того, что развитие науки и ее практическое использование поднимает культурный, образовательный и мировоззренческий уровень трудящихся, глубоко влияет на саму жизнь и деятельность человека, на его труд и духовные потребности.

Коротко об интересном

ЮНЫЕ ТАЛАНТЫ

■ В Болгарии и за границей широко известен детский хоровой ансамбль «Бодра смяна», созданный в 1947 году Бончо Бочевым и ныне возглавляемый его дочерью Лилианой. Солисты хора — 85 мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 16 лет.

Исполнительское мастерство юных певцов высоко оценивают такие известные композиторы, как Золтан Кодаи и Дмитрий Кабалевский. В репертуаре «Бодрой смяны» — более ста пьес: от Монтеверди и Баха до Белы Бартока и Сергея Прокофьева, а также ряд произведений болгарской народной музыки.

«Каждые три года мы набираем новый состав хора из 500 детей в возрасте от 6 до 10 лет, — рассказывает Лилиана Бочева. — На их подготовку уходит три года. Разумеется, часть из них отсеиваются, и у нас остаются 220—230 учеников. Мы, конечно, выбираем хорошие голоса, но отдаем предпочтение тем детям, которые хорошо учатся и могут заниматься в хоре без особого напряжения».

Бывшие хористы становятся оперными певцами, дирижерами, музыкантами.

Детский хоровой ансамбль «Бодра смяна» работает при Софийском Дворце пионеров, где дети от 5 до 17 лет могут заниматься самыми разными делами, в том числе резьбой по дереву, изготовлением моделей, химическими опытами. У них есть и своя любительская радиостанция, кукольный и драматический театры, балетная труппа (выступавшая на выставке в Монреале) и несколько народных ансамблей. Только в прошлом году филармонический оркестр Дворца пионеров выезжал на гастроли в Швейцарию, Бразилию и Мексику, а также дал концерт в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке.

ОЧАГИ КУЛЬТУРЫ

■ Возникшие в болгарских городах еще в XVIII—XIX веках читальни стали не только центрами возрождения национальной культуры, но и очагами сопротивления османскому игу. После освобождения Болгарии (1878 г.) они превратились в центры местной культурной жизни. Читальня г. Толбухина, например, была основана в 1850 году и сейчас насчитывает 120 тысяч томов. При ней работают отдел детской литературы, музыкальная студия и кукольный театр. 400 детей изучают в библиотеке иностранные языки, изобразительное искусство и музыку.

Внеклассное художественное обучение организовано и в школах города. В частности, танцевальному кружку школы имени Николы Вапцарова присуждены четыре золотые медали на всеболгарском конкурсе национальных танцев, а его члены были приглашены для выступления в Польшу. После окончания школы самые способные кружковцы могут поступить в известный ансамбль народных танцев Добруджи.

Есть в Толбухине и общегородской детский хор, исполняющий как народные, так и классические произведения на 16 языках, в том числе на японском, что, кстати, привело в восторг японских слушателей на концертах хора в 1975 году.

ЦЕННЫЕ НАХОДКИ

■ В северо-западной части Венгрии, недалеко от Дьёра, расположено селение Паннонхалма — крупнейший в стране памятник церковного зодчества. Здесь на высоком холме стоят старинные собор и монастырь. В его архиве хранятся многочисленные материалы многовековой давности: ценные письменные памятники, дипломы, грамоты и другие исторические документы.

Недавно при проведении сельскохозяйственных работ тут были найдены богато украшенные оружие и конская сбруя времен Аттилы, золотой лук и два декоративных меча, отделанных золотыми пластинками и самоцветами. Археологические раскопки продолжаются. Предполагается, что в Паннонхалме были захоронения гуннов, а также зарыты их сокровища.

В. КМЕЛЯУСКАС, кандидат исторических наук

«НИСПРОВЕРГАТЕЛИ» МАРКСИЗМА

Никогда прежде антикоммунистическая пропаганда не приобретала такого размаха, не финансировалась столь щедро правящими классами буржуазных государств, не получала в свое распоряжение такие могучие технические средства, как в настоящее время. На XXV съезде КПСС отмечалось, что проблемы идеологической борьбы упорно выдвигаются на первый план, а «идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»[1]. Все это диктует необходимость не только усиления пропаганды идей коммунизма, но и решительного отпора враждебной марксизму-ленинизму идеологии, проявлениям чуждого социализму образа жизни. И XVII съезд Коммунистической партии Литвы выдвинул перед партийными организациями республики задачу: «Вести последовательную, хорошо аргументированную, наступательную пропаганду и контрпропаганду по всем направлениям, пресекать любые враждебные нам вылазки, откуда бы они ни исходили»[2].

Современный антикоммунизм — сложное, разнообразное и противоречивое явление. В нем различаются «национальные» школы, характер которых определяется тем, какие именно реакционные силы той или иной империалистической державы стоят за ними и для какой страны предназначается их пропагандистская деятельность. Это в полной мере относится и к такому мощному и технически хорошо оснащенному европейскому пропагандистскому центру, как радио Ватикана, или, как нередко говорят сотрудники его литовской редакции, «папское радио».

В одном из недавних выступлений генерального директора этой радиостанции иезуита Роберто Туччи подчеркивалось: ее основное назначение — «служение вселенской католической церкви», стремление всемерно «укреплять ее единство, сближать и объединять людей и народы всех континентов мира», а также проповедовать Евангелие. Что касается вещания на социалистические страны, то, по словам Р. Туччи, оно должно знакомить слушателей «с известиями о выдающихся событиях в жизни католической церкви, с религиозными программами, имеющими цель поддержать и укреплять религиозность людей, и особенно с мыслями папы».

А теперь попробуем разобраться, как слова руководителя важнейшей католической радиостанции согласуются с ее делами, в частности с повседневной практикой некоторых ее редакций, вещающих на социалистические страны.

Сотрудники литовской редакции ватиканского радио, например, в последнее время вообще очень мало уделяют внимания проповеди Евангелия. Из ее восьми еженедельных передач эту задачу выполняет лишь воскресная утренняя проповедь, да и она частенько сопровождается грубыми выпадами в адрес марксизма и социализма. «Мысли папы» — его выступления по средам перед паломниками и любопытствующими туристами («Тот в Риме не бывал, кто папу не видал») — зачастую даются лишь в кратком изложении. При этом нередко опускаются уязвимые для атеистической критики признания, например о кризисе, охватившем католическую церковь, и т. д. В основном же время, отведенное на ватиканской волне для литовских передач, заполнено пропагандой оголтелого антикоммунизма и антисоветизма: выискиваются мнимые «ошибки» классиков марксизма-ленинизма, возводится клевета на социализм, проповедуется ярый национализм, верующие Литвы подстрекаются к гражданскому неповиновению и к борьбе за восстановление буржуазного строя, прикрываемым лозунгом «независимости», предпринимаются нападки на атеистов и т. п.

Идеи марксизма-ленинизма завоевывают все новых сторонников во всем мире. Это обстоятельство вынуждает антикоммунистов, в том числе и клерикальных, умножать усилия по «ниспровержению безбожного коммунизма». Не так давно, например, на ватиканской волне прозвучал адресованный литовским слушателям большой цикл передач о «соотношении» марксизма и религии. Было бы тщетно искать в этих материалах аргументированный подход к проблеме и трезвый взгляд на действительность.

Передачи насыщены различного рода подтасовками, искажениями марксизма и истинного положения вещей в мире, традиционными выпадами против научного коммунизма, выискиваниями «просчетов» и «ошибок» К. Маркса. При этом утверждается, что поскольку, мол, его семья «была далека от религии», постольку и он сам «не имел истинного религиозного опыта», а «все религиозные знания приобретал под влиянием греческой мифологии, которую усвоил в процессе обучения».

Но несколько ранее на тех же волнах вещалось, что основоположник научного коммунизма Карл Маркс «вырос в христианской среде, обучался в христианских учебных заведениях, поэтому проблемы христианской религии ему не были чужды». Более того, Маркс якобы «прямо исходил из этих проблем и только стремился их по-новому объяснить». «Только то обстоятельство, — говорилось, в частности, в одной из передач, — что Маркс жил в тот период, который был пропитан христианской культурой, когда под прямым или косвенным влиянием церкви уже возникли различные гуманистические движения, побудило его создать особую теорию социализма». И вообще, по словам ватиканского радио, коммунизм родился не в языческой Африке или Азии, а в христианской Европе «лишь потому, что он вырос из христианства».

Как хорошо известно, на самом деле идеи христианства никогда не были, да и не могли быть, ни основанием, ни питательной средой марксизма. Учение Карла Маркса и продолжателей его дела — идейное выражение жизненных интересов нового класса в истории человечества — промышленного пролетариата. (Кстати, однажды и сами клерикальные радиожурналисты признали, что «коммунизм наиболее распространен среди рабочих».) Марксизм явился творческим обобщением достижений науки, общественной мысли и успехов революционного движения. Научный коммунизм с самого начала и по самой своей диалектико-материалистической сути был атеистическим, ниспровергающим всякий идеализм и мистику, начисто отрицающим бога и вообще любую «сверхъестественность». Марксизм — научно обоснованное выражение чаяний трудящегося и эксплуатируемого народа, с которых наконец была сорвана традиционная многовековая пелена «святости» и «богодухновенности». Одно из величайших достижений Карла Маркса — материалистическое объяснение человеческой истории.

Ватиканские пропагандисты вынуждены как-то отвечать на поставленный самой жизнью вопрос: если верно, что христианство с наибольшей полнотой выражает чаяния людей, то почему в XIX веке возникло и очень быстро распространилось по всему свету сугубо атеистическое учение — научный коммунизм? Организаторы литовских передач ватиканского радио, как и все идеологи католицизма, главную причину возникновения марксизма видят в том, что «христианская общественная жизнь XIX века, когда жил Маркс, не была примерной и привлекательной», ибо, «за исключением отдельных проницательных личностей, в христианских массах укоренилось равнодушие и непонимание исторической миссии христианства в меняющемся мире». Как видим, все та же старая и бесповоротно осужденная историей песенка о «благом» христианстве и «неблагих» христианах, «нехристианское» поведение которых якобы отвращает современных людей от учения церкви и побуждает их «исповедовать» коммунизм.

В этом проявляется антиисторический и антинаучный подход церковников к явлениям общественной жизни: причину всех язв капиталистического общества они видят не в вопиющих противоречиях эксплуататорского строя, а в якобы недостойном поведении членов этого общества — «плохих христиан». Попутно придумав «стремление» марксистов обвинить во всех бедах данного общества церковь, ватиканские радиопропагандисты заявляют: «Виновником бесчеловечного мира надо считать не

[1] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 74.

[2] «Материалы XVII съезда Коммунистической партии Литвы». Вильнюс, 1976, стр. 49.

христианство, а только тех христиан, которые отказались жить по-христиански». Слушателям внушается мысль: стоит только всем верующим начать жить так, как того требует религия, — и можно будет успешно решить все злободневные проблемы. Между тем жизнь на массе примеров подтверждает вывод марксизма: не религия, а общественные отношения людей — и, прежде всего, их отношение к собственности на средства производства — определяют развитие человечества, достоинства или недостатки того или иного общественного строя. Ведь бывали и такие периоды в истории, когда христианское учение доминировало в духовной жизни, однако эксплуататоры относились к трудящимся также бесчеловечно.

Проповедуя свои идеи, сотрудники литовской редакции ватиканского радио вынуждены, тем не менее, считаться с тем очевидным фактом, что открытые выпады против коммунизма не могут достигнуть желаемой ими цели в среде советских людей. И клерикалы, чтобы сбить с толку верующих, прибегают к множеству «хитрых» уловок, среди которых немаловажное место занимает та, о которой мы уже говорили, — утверждение, будто учение Маркса не оригинально, а выросло из... христианства.

«Современные социализм или коммунизм, — говорится в одной из ватиканских передач, — тесно связаны с христианством и без него был бы совершенно невозможен. Потребовалось учение о существенном равенстве всех людей и их братстве как детей божьих, чтобы мог возникнуть социализм новых времен». Нетрудно заметить, что общечеловеческая мечта о равенстве, возникшая вместе с эксплуататорским строем и выступающая в марксизме-ленинизме в первую очередь как учение о необходимости равенства людей по отношению к средствам производства и их свободе от эксплуатации как необходимом условии любого другого равенства и всех других свобод, — у ватиканских пропагандистов превращается в традиционное для церкви мистическое «равенство людей перед богом». Оно не имеет ничего общего с марксистско-ленинским пониманием равенства, которое в нашей стране конкретизировано в подлинном, гарантируемом Конституцией СССР равенстве всех граждан социалистического общества, в том числе и верующих.

Стремясь оправдать свергнутый в 1940 году трудящимися Литвы буржуазный строй, ватиканское радио переходит и к прямым политическим акциям — фальсифицирует данную Марксом оценку капитализма. Авторы передач искажают также историческую правду о развитии капитализма в империализм, тщатся доказать, будто «старый капитализм с его жестокой эксплуатацией людей труда, характерной для марксовых времен, давно исчез». На все лады перепевая антикоммунистические теории «народного капитализма», литовские радиоклерикалы стремятся во что бы то ни стало отбелить «родимые пятна» современного буржуазного строя, оправдать его все более усиливающуюся эксплуатацию людей труда, сделать «западный мир» и его образ жизни привлекательным для слушателей.

В передачах ватиканского радио зачастую подчеркивается, что в «свободном мире существуют прекрасные отношения между рабочими и работодателями». Но подобные заявления никак не могут скрыть того очевидного факта, что мир капитала раздирается борьбой антагонистических классов — буржуазии и пролетариата. Даже сами католические пропагандисты иногда вынуждены признавать: на Западе «экономическая жизнь стала трудной, невыносимой, жестокой». Более того, они проговариваются, что материальные «блага, в изобилии производимые современной промышленностью, плохо распределены: 10 процентов людей накопили 80 процентов всех благ, а многим приходится жить на 35 центов в день». Однако причину бедственного положения трудящихся капиталистического мира они видят в том, что «не все зажиточные католики следуют наставлениям церкви» и «не прекращают эксплуатации рабочих». Действительно, самые душещипательные увещевания церковников отнюдь никогда не влияли на «благочестивых» капиталистов, которые, стремясь к максимальным прибылям, всегда старались усиливать гнет эксплуатации. Но дело тут не в этих отдельных «плохих католиках», а в самой природе строя, породившего такое положение. Кстати, в погоне за прибылью активнейшим образом участвует и сама церковь — не только подавляющее большинство национальных епископатов, но и Ватикан, владеющий, как известно, немалым количеством акций промышленных и строительных компаний, огромными капиталами и недвижимостью, получающий с них гигантские прибыли.

Католическая церковь всегда яростно оберегала и защищала частную собственность на средства производства. И сегодня во множестве передач, посвященных социальной политике Ватикана, само «папское радио» приводит категорические заявления ряда пап в защиту частной собственности, которая якобы еще на заре человечества была дана богом людям и поэтому «исходит из самой природы человека». «Блага, распределяемые между отдельными собственниками, — твердит ватиканское радио, — лучше всего служат человеческому обществу». А посему «разумное использование земных благ, согласно учению церкви, наиболее достижимо при таком экономическом строе, который признает частную собственность».

Ватиканские пропагандисты, однако, знают, что сейчас большинство рядовых католиков Советской Литвы на своем личном опыте убедились в преимуществах общественной — социалистической собственности на средства производства. Поэтому, стремясь смутить умы части верующих, не искушенных в политической экономии, они подменяют понятие частной собственности на средства производства категорией личного имущества и твердят, будто марксизм и социалистический строй не признают «права на личную собственность, на повседневные предметы потребления или продукцию», а человек-де при этом вообще «ничего не может приобрести». Слушателей запугивают, что с дальнейшим развитием социализма у них будут изъяты и обобщены также предметы личного пользования. Эта отнюдь не религиозная, а политическая фальсификация прямо противоречит действительности. Основоположники научного коммунизма и претворяющие в жизнь их учение коммунистические и рабочие партии социалистических стран, выступая за уничтожение частной собственности на средства производства, никогда не ставили под сомнение право трудящихся на личную собственность, включая жилые дома, надворные постройки, автомашины, скот, птицу и т. д.

Вынужденные отвечать на все более настойчивые вопросы верующих о природе угнетающих их в капиталистическом обществе частнособственнических отношений, клерикальные радиопропагандисты прежде всего стремятся оправдать в глазах трудящейся паствы «всемогущего», но такого бездеятельного бога. Господь, уверяют они, только предоставил землю и все, что на ней есть, в распоряжение человечества и «не намерен непосредственно и постоянно распределять между людьми существующие блага». При этом ватиканские комментаторы начисто «забывают» свои предыдущие заявления о том, что в «руце божьей» постоянно находится жизнь людей, их деятельность и все, что происходит с ними. «Не требуйте же, — говорят они, — чтобы бог и церковь занимались мирскими делами или стали агентами по обеспечению справедливости для людей». Таким образом, признается, что добиваться истинной справедливости и социального равенства в современном мире — не дело церкви. Ничего не скажешь — удобная отговорка, чтобы уйти от решения злободневных вопросов!

Такая полная непоследовательность ватиканских передач на Литву хорошо видна при их сопоставлении. В других выступлениях, наоборот, подчеркивается, что церковь не может ограничиваться лишь подготовкой верующих к «потусторонней» жизни, а должна активно участвовать в решении «земных проблем». Например, в сообщении радио Ватикана о V всемирном синоде католических епископов (1977 г.) говорилось: «Не участвуя в политической деятельности, христианин не сможет накормить голодного, напоить жаждущего, научить неумеющего, ратовать за исти-

ну, осуществить справедливость, защитить основные права и свободы человека». В этом заявлении в полной мере выражено стремление церкви быть непременной участницей всех «мирских» дел, чтобы усилить свое влияние на умы людей.

Подвергая нападкам реальный социализм, ватиканское радио утверждает, будто социалистическое общество своих членов «стрижет под одну гребенку», лишает их индивидуальности. «Мир оказался бы чересчур скучным и очень бедным, если бы все люди были подогнаны под один шаблон», — нередко повторяется в передачах. После таких заявлений обычно следует вывод, что социального равенства вообще не может быть, поскольку «люди никогда не будут одинаково способными, одинаково добрыми, одинаково честными, одинаково трудолюбивыми, одинаково мудрыми». Но ведь общественные богатства и в буржуазном и в социалистическом мире распределяются вовсе не в соответствии с этими данными. Побасенки о некой «уравниловке», будто бы царящей в социалистическом обществе, — всего лишь одна из попыток антикоммунистов извратить действительность.

Клерикалы в своих радиовыступлениях постоянно обвиняют коммунизм в том, будто он «идет к своей цели путем ненависти, уничтожения, убийств и порабощения народов, путем попрания основных прав человека». История убедительно свидетельствует об обратном: не рабочий класс, а капитализм возвел насилие в повседневную практику. Вспомним: в дни Октябрьской революции в России погибло считанное количество людей, а империалистическая интервенция стоила жизни сотням тысяч. Пролетариат Литвы, ведомый своей Коммунистической партией, в 1940 году пришел к власти без человеческих жертв, а после Великой Отечественной войны буржуазно-националистические банды истребили в нашей республике многие тысячи ни чем не повинных людей, среди которых было немало верующих. И еще один показательный пример. Из 1300 довоенных ксендзов 248 активно сотрудничали с фашистскими оккупантами, а еще 250 — с буржуазно-националистическим подпольем и его вооруженными бандами, среди главарей которых, кстати, было более 50 священников.

Фальсифицируя научный коммунизм, ватиканские радиопропагандисты отвергают мирный путь развития социалистической революции, за который так определенно высказывались классики марксизма-ленинизма, и утверждают, будто она неизбежно связана с вооруженной борьбой. При этом они тщатся доказать, что поскольку, мол, в 1940 году в Литве не было вооруженного восстания пролетариата, постольку здесь не было и социалистической революции. Между тем в прибалтийских странах она была одним из первых ярких доказательств правильности положения марксизма-ленинизма о том, что при благоприятных условиях возможен мирный переход власти в руки рабочих и крестьян.

Анализ «антимарксистских» передач ватиканского радио убедительно показывает: клерикальные пропагандисты критикуют не марксизм и социалистический строй и их, как они говорят, «ошибки», а ими же самими выдуманные положения. Научному коммунизму приписываются такие идеи, которых не найти ни в трудах классиков марксизма-ленинизма, ни в нашей социалистической действительности. Литовская редакция ватиканского радио широко использует тот самый коварный прием, на который в свое время обратил внимание еще В. И. Ленин: буржуазные идеологи придумывают какую-либо чепуху, приписывают ее марксизму, а затем «успешно» эту выдумку критикуют.

Прием этот становится еще более понятным, если учесть, что ватиканское радио действует под руководством ордена иезуитов. А он в борьбе со своими идейными противниками, как известно, никогда не гнушался ничем, следуя девизу «цель оправдывает средства!». При этом, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979 г.), пускаются в ход «извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь». По сути, не было случая, чтобы ватиканское радио в передачах на Советскую Литву привело правильно, без искажений или фальсификации хоть одно положение марксизма-ленинизма, хоть один пример из нашей жизни. Авторам этих передач вообще нет дела до истины. «Критикуя» таким образом марксизм и реальный социализм, они пытаются настроить против социалистического строя тех верующих, которые плохо знакомы с теорией научного коммунизма. А для этого, как говорится, все средства хороши.

г. Вильнюс

МНОГОЕ ПОВИДАЛИ древний Форт-Дофин и его жители на своем веку. Крупнейший город мадагаскарского юга, он вырос на месте португальской крепости 1504 года, остатки которой до сих пор показывают приезжим. В 1643 году здесь была заложена первая фактория, созданная французами и названная так в честь дофина — наследника короля. На первых порах она служила резиденцией работорговцам, позже — пиратам. Уже в наше время, привлеченные ореолом былой романтики, сюда хлынули белые туристы.

Большая часть Форт-Дофина и его окрестностей заселена представителями 175-тысячного народа антануси («люди-которые-живут-на острове»), занимающегося скотоводством, земледелием и рыбной ловлей. Когда я спрашивал у антануси, о каком «острове» идет речь в их самоназвании, долгое время никто не мог дать мне вразумительный ответ. Лишь неожиданная встреча с одним из «королей» антануси помогла удовлетворить мое любопытство.

ИНТЕРВЬЮ С «КОРОЛЕМ»

Покинув Форт-Дофин, мы ехали вдоль побережья на север и где-то на полпути настигли шумную процессию разодетых мужчин и юношей. Пританцовывая под аккомпанемент музыкальных луков, валих и барабанов, они заполнили всю дорогу и, несмотря на мои настойчивые сигналы, явно не хотели пропускать машину. Когда же мой спутник, студент столичного университета Лиуна вступил с ними в перебранку, то разгоряченные юноши объявили, что вообще не собираются пропускать нас, поскольку обогнать их шествие — значит нанести оскорбление самому «королю» и традиции.

— Какому еще «королю»? — удивился Лиуна.

— Нашему королю, Титси IV. Он идет вместе с нами принимать клятву, — весело и без тени почтения ответил один из юношей.

Мы посоветовались с Лиуной и решили, что, уж коли удача сама идет к нам в руки, убегать от нее не надо. Так, пристроившись к хвосту процессии, мы невольно стали ее участниками.

— Послушай, Лиуна, — вдруг осенила меня мысль. — Ведь как-то неудобно получается. Мы едем, как короли, в машине, а Титси IV плетется по дороге. Пригласи его к нам.

Было похоже, что «король» только этого и ждал. Не заставив себя долго упрашивать, он тотчас же покинул своих «подданных» и, усевшись на переднем сиденье, принялся отвечать на наши вопросы. Было ему лет 30 и, если бы не метров 10 цветастой нейлоновой ткани, драпировавшей его обычное одеяние, то ничего «королевского» в нем бы вообще не было. Титси кончил школу в Форт-Дофине, затем получил специальность счетовода и работал в какой-то компании. В общем, мальгаш как мальгаш. Но при всем том было у него знатное происхождение.

Окончание, предыдущие очерки о Мадагаскаре см. в № 1–3.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Члены одной протестантской секты в Финляндии объявили телевидение выдумкой дьявола и, чтобы «спасти людей от чистилища», начали разбивать все телевизоры. Пока власти не вмешиваются, потому что никаких официальных жалоб от потерпевших не поступает, тем более что секта компенсирует полную стоимость уничтоженных приемников.

СПРОС РОЖДАЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Каждую субботу утром на главной улице Токио появляются десятки гадалок, которые предсказывают судьбу на картах, по руке или составляют гороскопы. Чаще всего перед их столиками собираются женщины.

Сами «предсказания», как правило, обтекаемы и расплывчаты, но и их клиенты в душе понимают, что все это — игра, и не в претензии, когда «предсказания» не сбываются.

Знахарь из племени антаймуру.

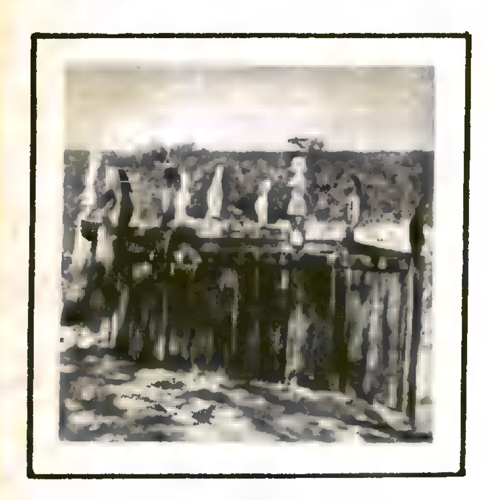
Деревянный идол-сампи, укрытый от уничтожения во времена французской колонизации в джунглях.

Быт и нравы народов

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛЬ МАДАГАСКАРА

Сергей КУЛИК

Деревянные резные фигуры украшают могилы мальгашей.

Торговцев целебными травами и снадобьями можно встретить на улице любого мадагаскарского города.

Фото автора.

— Вообще, все роды антануси — а их около 30 — имеют своего вождя, которого называют «королем», — с откровенной улыбкой рассказывал Титси. — Во внутренних районах такие вожди — действительно подлинные царьки. Но здесь, рядом с Форт-Дофином, где традиционные порядки разрушены, я не больше чем хранитель родовых обычаев. «Подданные» у меня есть, но король им нужен только для того, чтобы организовывать вокруг меня всякие веселые праздники. И знаете, в определенной степени я даже удовлетворен этим своим положением. При французах церковь душила нашу культуру, запрещала многие обряды. А теперь вокруг меня группируется молодежь, которая восстанавливает кое-что из того, что было почти забыто.

В общем, это был оригинальный «король», отлично понимавший, в какую сторону развиваются события и явно не цеплявшийся за «трон». В конце концов, даже представители куда более могущественных правящих домов в самой Европе сумели оставить свои имена в истории скорее не как политики, а как меценаты.

Лиуна забрасывал «короля» все новыми и новыми вопросами, но я, улучив заминку в их разговоре, все же выяснил, что за «остров» фигурирует в названии антануси.

— Это маленький остров на реке Фанджахира, откуда, по преданию, начали заселять юг Мадагаскара антандруи и антануси. В наших родовых сказаниях сохранился эпизод, как одна красивая женщина, жившая на этом острове, была соблазнена крокодилом и родила близнецов. От них-то и пошли два знатных рода с одним и тем же названием — зафиндравуай, положивших начало антандруям и антануси. Только представители этого рода у антандруев считают себя «детьми крокодилов», а мы верим, что обличье крокодилов принимают вожди антануси.

— Значит, вы еще станете крокодилом? — спросил я, с откровенным интересом посмотрев на Титси IV.

— Боюсь, я столько согрешил на этой земле, что крокодилы не возьмут меня в свою компанию, — отшутился он. — А ныне здравствующие «короли», наверное, не пустят меня на тот остров на реке Фанджахира, где обычно хоронят вождей. Кстати, раньше именно на этом острове и проводилась церемония, на которую мы сейчас направляемся.

— У нее есть предыстория? — полюбопытствовал Лиуна.

— Это клятва велирану, или «битье по воде». Когда-то она занимала центральное место в церемонии вступления на престол нового правителя острова. Оттуда через колдунов-антаймуру она распространилась и к нам. Каждый «король» антануси непременно собирал своих «подданных» на эту клятву верности, причем не только восходя на царство, но и каждый год. Это поднимало престиж и приносило немалый доход, поскольку все присутствовавшие подносили королю еще и подарки. После принятия христианства в Антананариву о велирану забыли. У нас же ее проводили еще очень долго. Церемонию запретили французы, которые счи-

тали, что антануси должны быть верны им, а не своим вождям.

— Когда же вы возродили велирану? — спросил я.

— Это четвертая ежегодная клятва, — ответил Титси. — Велирану проводят у ручьев или источников, которые иногда неожиданно начинают бить из-под камней на склоне горы или в лесу, а с наступлением засухи пропадают. Поэтому такой источник называют «печальной водой». Для проведения церемонии еще вчера к такому источнику подвезли гнилой рис, который у нас символизирует бесцельно прожитую жизнь, и помет павшей коровы. Ну, а все остальное вы увидите на месте.

Помимо участников церемонии, с которыми мы прибыли, у источника уже находились сотни три мужчин. Громкими криками встретив появление «короля», они начали забрасывать соломой тропинку, по которой шел Титси. Потом все довольно долго пели, Лиуна что-то судорожно записывал, а я, брошенный всеми, ничего не мог понять.

Наконец люди успокоились, кто-то подал Титси копье, и он, опершись на него, занял свое место у источника. Каждый из присутствующих, поочередно подходя к кучам с гнилым рисом и пометом, брал по пригоршне, бросал их в «печальную воду», а сам смиренно усаживался на колени перед «королем».

Когда последний мужчина бросил в источник последнюю порцию навоза, Титси, до этого времени величественно равнодушным взглядом наблюдавший за происходившим, приступил к «битью по воде». Вонзая копье в полузасыпанный источник, он одновременно призывал своих «подданных» поклясться в верности и покорности ему и разана. Клятвоотступникам он угрожал отсутствием потомства, превращением в гнилой рис и «печальную воду».

— Да будет благословен тот, кто сдержит эту клятву! — наконец провозгласил Титси и, вонзив копье в землю, дал понять, что церемония окончена.

О, какая невообразимая сутолока и крик начались тотчас же. Те, кто был с «королем» в дружеских отношениях и поэтому могли разрешить себе подобную вольность, бросились подкидывать его в воздух. Вторые пустились в пляс. Третьи, вытащив заранее припасенные длинные и острые листья сизаля, устроили нечто вроде фехтовального турнира. Юго-восток Мадагаскара — центр сизалевых плантаций, и большинство «подданных» Титси работали на них батраками.

— Как видите, велирану — это всего лишь предлог собраться вместе, потанцевать и повеселиться, — улыбаясь, говорил нам Титси. — В последние годы мы все чаще устраиваем подобные праздники по разным поводам, возрождая на новой основе старые традиции. Кстати, я дал Лиуне советы, где и к кому по пути в столицу вы сможете обратиться, чтобы увидеть что-нибудь подобное нашей велирану.

У ПЛЕМЕН ЮГА

Четыре племени заселяют юго-восточное побережье Мадагаскара: антайсака — «люди, живущие собирательством», антайфаси — «люди песков», антамбахуака — «те, кто отделился от остальных», и антаймуру — «люди побережья».

В прошлом антайсака были первым мальгашским племенем, освоившим секрет выплавки металла и начавшим делать копья с металлическими наконечниками. С помощью этого оружия, дававшего им огромные преимущества над другими племенами, антайсака еще в XIII—XV веках утвердили свою власть на юге острова.

Однако завоевание обширной территории, достигнутое лишь благодаря обладанию железным наконечником и не подкрепленное другими социально-экономическими достижениями, истощило силы этих пионеров мальгашской металлургии. Сегодня этнографы считают антайсака одним из наиболее отсталых племен острова.

Главной тому причиной многие считают табу, до сих пор запрещающее браки между мужчинами и женщинами разных родов. Оно возникло, очевидно, в те времена, когда могущественные касты колдунов и кузнецов антайсака ревностно сохраняли секреты своего ремесла от чужаков.

Даже довольно сильное мусульманское влияние не только не разрушило, но, наоборот, укрепило эту замкнутость. Да, зажиточный крестьянин-антайсака может иметь две, три и даже четыре жены. Но все они, как правило, младшие сестры его первой, «главной» супруги. Если у бедняка-антайсака умирает единственная жена, то заботу о вдовце берет на себя одна из ее сестер. Таким образом, брак у антайсака ведет не к расширению «внешних связей» с другими семьями, родами и племенами, а к укреплению замкнутой семьи...

Главное, что бросалось в глаза на землях антайсака — превращение женщины в основную рабочую силу. Удобно для себя соединив догмы ислама и местные суеверия, мужчины решили. что выращивание риса для них — фади (табу). А поскольку рис в этих районах — основная культура, то на обильно политых дождем полях я видел только женщин. Мужчины выходили из дому лишь для того, чтобы собрать бананы или подправить подпорки под ветками кофейных деревьев, уже начавших сгибаться под тяжестью зерен.

Несколько раз забуксовав и вновь выбираясь на дорогу лишь с помощью женщин, сбегавшихся к нам с полей, мы решили в этакую распутицу не рисковать ехать затемно и попросились переночевать в деревне под названием Марумпанахи.

Нас пустил к себе в дом староста, напоил мальгашским чаем рановари, настоенным на поджаренных рисовых зернах. Но разделить с нами трапезу отказался: по местным обычаям, хозяин не должен видеть, как ест гость, дабы не подумали, что он жаден и «смотрит ему в рот».

Оказалось, однако, что ни меня, ни моего спутника Лиуну, поначитавшегося университетских книжек, но так и не научившегося, как следует себя вести в приличном доме, оставлять одних было нельзя. Наевшись и напившись, мы, улучив минутку, когда ливень стих, вышли на улицу. Однако, дабы не беспокоить хозяина, воспользовались не той дверью, в которую он недавно вышел сам, а второй.

Истошный женский визг ознаменовал наше появление на улице. Прибежавший староста принялся что-то объяснять Лиуне, причем в его интонациях я уловил не столько укор, сколько сожаление и страх за нас же самих.

— Хозяин говорит, что через восточные двери дом у антайсака покидают только покойники, — перевел наконец Лиуна. — Он боится, что даром нам эта ошибка не пройдет...

Ночь была грозовая, и всякий раз, когда молнии рассекали черное небо, староста ждал, что духи покарают нас. Признавшись в этом утром, он на прощание долго тряс нам руки и просил быть поосторожнее.

— Духи все равно уже считают вас покойниками, — сказал он. — Они могут забрать вас и на дороге. Поэтому задабривайте их, подбрасывая камешки к кибори...

Кибори — это придорожные родовые могильники антайсака, напоминающие каменный дом без окон. Перед тем как отнести труп в кибори, его в течение 2—3 лет высушивают и бальзамируют. По старой традиции, каждый проезжающий мимо могильника из уважения к предкам бросает рядом с ним камень. Нередко сами кибори разрушаются и исчезают, а накиданные возле них каменные кучи все еще напоминают о былом месте захоронения. Осматривая могильники, подбросили к ним несколько камней и мы...

«Людей песков» антайфаси на Мадагаскаре около 90 тысяч. Они населяют носящую их же имя равнину, изобилующую реками, озерами и искусственными прудами. В них антайфаси разводят и ловят рыбу, а по берегам выращивают рис. Исторически все антайфаси разделены на три клана, каждый имеет своего «короля».

Их девушки славятся своей целомудренностью на весь остров. Моральный кодекс антайфаси отличается строгостью: их женщина лишена тех свобод, которыми пользуются мальгашки в отсутствие мужа у других племен. Им не разрешены пробные браки, а развод жена может получить только с согласия мужа.

Рассказывают, что антайфаси — одно из немногих племен Мадагаскара, которое уберегло в лесах языческих идолов «сампи» и, несмотря на все старания христианских миссионеров, сохранило верность прежним верованиям. В былые времена, когда сампи не прятали, их привязывали платком за спину и выносили на обозрение людям.

Считают, что сампи на Мадагаскар привезли кудесники антаймуру, провозгласившие их высшими символами власти. Наиболее почитаемым сампи приписывалась способность подчинять себе дождь, охранять посевы, делать армию непобедимой и т. д. Королева Ранавалуна II, подчинившись требованию миссионеров, приказала в 1869 году уничтожить всех идолов. Но многие ее ослушались. На землях антайфаси и антаймуру и ныне еще можно услышать, что королевские сампи, не дожидаясь, когда их сожгут, «сами ушли в лес» и прячутся там до сих пор. Во время антифранцузского восстания 1947 года некоторые вожди действительно выносили из леса больших идолов, увлекая за ними народ. Нечто подобное повторилось и в ходе антицирананoccких выступлений в начале 70-х годов.

Есть у антайфаси также родовые сампи. Обычно это кусочки дерева, завер-

нутые в красную рабану и украшенные амулетами и старыми монетами. Каждый такой идол имеет собственного «стража», обладающего способностью во сне «разговаривать» с сампи, а затем «вещать» его волю. Понятно поэтому, какой властью над соплеменниками располагают такие стражи, приписывающие «воле сампи» все, что им заблагорассудится.

Сохранились и семейные сампи, которых антайфаси держат в северо-восточном углу дома. Разговаривать с ними вправе только глава семьи, что, кстати, помогает ему поддерживать свой авторитет.

— Ну что, Лиуна, поедем искать сампи? — спросил я, когда небо вдруг просветлело, а выглянувшее солнце возродило в моей душе жажду новых впечатлений.

— Бесполезно, — меланхолично заметил он. — Антайфаси суеверны и никогда не показывают своих семейных сампи.

— А большие идолы?

— Большие идолы хранятся в лесу, обычно неподалеку от водопадов. А туда мы просто не попадем в такую распутицу.

— Я читал где-то, что у антайфаси есть очень большие красивые деревянные кибори, украшенные скульптурой. Говорят, будто наиболее старые из этих скульптур тоже объявлены сампи.

— Верно, — согласился Лиуна, — но мы уже проехали по земле антайфаси вторую сотню километров и не видели ни одного могильника. В отличие от антайсака, они ставят свои кибори глубоко в лесу, подальше от дорог и чужого глаза. А нам туда не пробраться...

Когда, приехав в городок Манакара, мы сели пообедать в крохотном ресторанчике, Лиуна, отлучившись куда-то, вернулся с мальгашом средних лет.

— Это доктор Ралаймунгу. Он хорошо знает эти места, — представил его Лиуна.

Пока на кухне готовили новые порции «даров моря», мы обсудили план совместного путешествия. На следующий день мы выехали на север, в глубь земель антаймуру.

— Антаймуру, — рассказывал мне по дороге Ралаймунгу, — были первыми знахарями и врачами на острове. Они сумели сохранить много старых секретов индонезийской медицины. Потом, благодаря контактам с мусульманским миром, антаймуру долгое время узнавали все новейшие достижения восточной медицины. Используя арабскую азбуку, они начали записывать свои секреты врачевания и передавать их из поколения в поколение. Так возникали целые семьи и даже кланы врачевателей. Со временем их стало так много, что антаймуру начали покидать свои земли и селиться среди других племен, занимаясь исцелением больных.

— Многие на Мадагаскаре считают, будто антаймуру были кудесниками и прорицателями? — вставил я.

— А где, по вашему мнению, в представлении средневекового мальгаша проходила четкая граница между действиями кудесника и врачевателя? Или почему нельзя назвать прорицателем того, кто, владея методами парапсихологии, делает вещи, которые даже многим нашим современникам кажутся чудесами?

— Иными словами, в основе влияния антаймуру в те времена лежали в первую очередь их медицинские познания?

— Бесспорно, все начиналось именно с этого. Антаймуру, исцеляя больных, «делали чудеса» в глазах людей того времени, считавших, что любая хворь — это наказание за нарушение ими фади или же месть разана, то есть духов предков. А уж коли лекарь умел отводить эту месть, то, стало быть, — и общаться с теми сверхъестественными силами, которые вершили судьбы людей и управляли природой. Поэтому лекарю приписывалось и умение устранять сглаз, и искусство вызывать или останавливать дождь, и способность обеспечивать обильный урожай. И если антаймуру не довольствовался своим положением знахаря, хотел власти и богатства, то он брался и за другие магические ремесла.

Одним из них везло — они превращались в придворных предсказателей. Вторые довольствовались ролью знахарей в пределах округи. Третьи становились всего лишь продавцами «фанафоди гази», то есть целебных трав, на базаре. Но почти все знахари проходили «курс наук» у антаймуру. В конце XVIII века наиболее влиятельные представители антаймуру, желая отмежеваться от шарлатанов, примазавшихся к их ремеслу, решили поставить свое дело на твердую основу. Открыв королевскому двору глаза на различия, существующие между целебными свойствами растений и магическими силами, они добились отделения медицины от магии. Торговцев, продававших «фанафоди гази», начали подвергать специальному экзамену на знание лекарственных свойств различных трав. При королеве Ранавалуне II в Антананариву даже была создана медицинская академия, в которой первостепенное внимание уделялось не только народным средствам, но и методам психического воздействия лекарей на больных. В столичном архиве сохранилась рукопись «Книги о лекарствах и различных болезнях», написанная в 1864—1868 годах. Это — интереснейший памятник достижений традиционной мальгашской медицины. Сейчас многое для создания отечественной фармацевтики делает Национальный центр изучения лекарственных растений. Именно мальгашские врачи впервые открыли целебные свойства кокоса, нашли травы, излечивающие от некоторых форм проказы.

— А что можно сказать о сегодняшнем уровне медицинского обслуживания на Мадагаскаре? — поинтересовался я.

— Положение тяжелое. Мы сейчас находимся на территории провинции Фианаранцуа, где один врач приходится на 22 тысячи жителей. Это самый низкий показатель на острове. В столичной провинции получше: там один врач обслуживает 6 тысяч человек, в Мадзунге — 16 тысяч. Всего в стране лишь около 300 врачей-мальгашей. Это катастрофически мало! Сейчас власти делают все возможное, чтобы повысить эффективность системы медицинского обслуживания. Создаются мобильные санитарные бригады, проводятся национальные кампании профилактического характера, студентов на время каникул привлекают для проведения вакцинации населения. Успехи, в общем, есть. Но из-за нехватки врачей мальгаши все еще вынуждены обращаться к знахарю гораздо чаще, чем к дипломированному врачу.

— Знахари многим помогают, — продолжает доктор Ралаймунгу. — Но беда в том, что даже к ним подчас идут не сразу. Те, кто исповедует ислам, предпочитают бить поклоны Аллаху и обращаются за медицинской помощью зачастую слишком поздно, когда уже ничего сделать нельзя. Кроме того, среди антаймуру сохранилось деление на касты, есть и «неприкасаемые». А так как считается, что лечиться можно только у «своего» знахаря, то практически «неприкасаемые» вообще не получают никакого лечения, ибо лекарей среди них очень мало.

— Кончайте говорить об антаймуру, — хлопая Ралаймунгу по плечу, предупреждает Лиуна. — Мы уже на дороге, идущей из Манандзари в Фианаранцуа. А это — земля племени антамбахуака.

— С точки зрения медика, это не меняет дела, — смеется Ралаймунгу. — У этого самого малочисленного мальгашского племени нет, правда, каст, но оно столь же рьяно верит в амулеты, которые помогают лишь в одном — запустить заболевание...

Со всего света

ПОХИЩЕНИЕ СОБОРНЫХ СОКРОВИЩ

Невосполнимой потерей для культурного наследия Испании назвала местная печать похищение из собора в Овьедо двух готических крестов IX—X веков, украшенных драгоценными камнями, бриллиантов, снятых с инкрустированной шкатулки, и нескольких старинных картин известных испанских мастеров.

Полиция установила, что грабители, взломав дверь собора, проникли ночью в никем не охраняемый храм и унесли ценнейшие произведения средневекового искусства. Таможенным властям было дано специальное указание с особой тщательностью досматривать багаж отправляющихся за границу с тем, чтобы не допустить вывоза из страны украденных сокровищ. Тем не менее местные комментаторы сомневаются в успехе предпринимаемых властями усилий.

Исчезновение из собора реликвий, отмечают мадридские газеты, не только самая крупная кража в истории страны, но и беспрецедентный «акт вандализма и святотатства».

Похищенные сокровища оценивают в 20 миллиардов песет (120 миллионов фунтов стерлингов). Однако специалисты считают, что историческая и культурная ценность украденных реликвий столь велика, что не может быть оценена денежной суммой.

Новинки литературы

В. Воскобойников. БРАТЬЯ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ. М., «Молодая гвардия», 1979, 174 стр. с илл., 100 000 экз., 35 коп.

Ежегодно в мае в Болгарии торжественно празднуется День письменности в память создания славянской азбуки образованнейшими людьми своего времени братьями Кириллом и Мефодием. В далеком XI веке они посвятили жизни созданию и распространению письменности для бесписьменных тогда славянских народов и утверждению славянской культуры как равной среди культур других европейских народов. Это было время, когда религия, государство и наука слились воедино. Просвещать народы дозволялось только служителям церкви. И тот, кто мечтал стать учителем, обязательно становился священником. Даже народные восстания прикрывались церковными целями. Ф. Энгельс говорил об этой эпохе: «Всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение». Эта книга о жизни великих братьев, об их борьбе за славянскую письменность, просвещение славянских народов.

М. Сташевский. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ. На материалах европейских социалистических стран. Справочник. Перевод с польского. М., Политиздат, 1979, 216 стр., 80 000 экз., 55 коп.

В справочнике представлена современная религиозная ситуация в европейских социалистических странах, показан процесс секуляризации общественной жизни и преодоления религиозности в сознании людей. Основное внимание уделено правовым вопросам отношения социалистического государства к религии и религиозным организациям, законодательству о религиозных культах. В книге показано, как в СССР, Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии осуществляются общие принципы отношения социалистического государства к религиозным организациям, раскрыты и специфические черты их осуществления в каждой из этих стран, различия в средствах и методах вероисповедной политики.

А. Б. Чертков. КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ РЕЛИГИОЗНОЙ МОРАЛИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 12), 1979, 64 стр., 48 030 экз., 11 коп.

Православная церковь активно использует в богословской и проповеднической деятельности морально-этическую проблематику. В брошюре вскрываются философско-идеалистические источники религиозной этики. С позиций марксистско-ленинского учения автор раскрывает научную и практическую несостоятельность богословского решения вопросов об источниках морали, критериях нравственного поведения, путях и методах нравственного воспитания.

Г. Б. Шаймухамбетова. АРАБОЯЗЫЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ. М., «Наука», 1979, 152 стр., 5 500 экз., 55 коп.

Книга посвящена малоисследованному в литературе вопросу об отношении средневековых арабоязычных философов, в первую очередь Абу Насра аль-Фараби, к классическому наследию. Использованы уже известные, а также впервые вводимые в научный оборот сочинения аль-Фараби. Особое внимание уделено начальному этапу процесса освоения учений древнегреческих мыслителей, в частности Платона. Из обширного круга проблем платонизма выбраны две важнейшие — теория идей и социальная утопия.

Н. Шундик. БЕЛЫЙ ШАМАН. Роман. М., «Молодая гвардия», 1979, 558 стр., 150 000 экз., 2 руб. 30 коп.

Автор романа семь лет работал учителем на Чукотке, жил в глубоком кочевье. Он хорошо знает жизнь и обычаи народов Севера. В своем новом романе писатель рассказывает о непростой судьбе чукчи-охотника, человека незаурядного, мудреца, правдоискателя. Не сразу и не просто принимает он новую жизнь, которую принесла Советская власть, перемены, происходящие в жизни его народа.

И. В. Огородник. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЛАМЕТРИ. Киев, «Вища школа», 1979, 103 стр., 2 000 экз., 90 коп.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА». Киев, Политиздат Украины, 1979, 351 стр., 35 000 экз., 70 коп.

Б. Тарасов. ПАСКАЛЬ. М., «Молодая гвардия», 1979, 334 стр. с илл., 100 000 экз., 1 руб. 50 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Г. Ю. Ивакин. Священный дуб языческих славян. «Советская этнография», 1979, № 2, стр. 106—115.

Иса Капаев. Бердази (рассказ). «Знамя», 1979, № 11, стр. 125—133.

С. Г. Кляшторный. Древнетюркская мифология. К постановке проблемы. В кн.: «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». М. 1979, ч. 1, стр. 91—96.

А. Л. Нечитайло. Погребальный обряд племен Северокавказской культуры Верхнего Прикубанья. В кн.: «Археология и этнография Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1979, стр. 52—68.

Л. Пийп. Подлинная и мнимая свобода совести. «Коммунист Эстонии». Таллин, 1979, № 1, стр. 23—26.

Е. В. Рихтер. Некоторые особенности погребального обряда сету. «Советская этнография», 1979, № 2, стр. 116—128.

Хуан Росалес. «Битва» в Пуэбле. «Проблемы мира и социализма», 1979, № 12, стр. 71—74.

«Советско-индийский симпозиум «Проблемы секуляризации в обществах со многими религиями: опыт СССР и Индии». «Общественные науки в Узбекистане». Ташкент, 1979, № 2, стр. 29—32.

К. Л. Татаринова. Религиозные представления масаев (по фольклорным материалам). «Советская этнография», 1979, № 2, стр. 52—63.

Д. Т. Урсул, И. Я. Цвик. К вопросу о критике религиозной интерпретации искусства под углом зрения «проблемы человека». «Известия АН МССР». Серия общественных наук. Кишинев, 1979, № 1, стр. 26—35.

М. А. Хевеши. Методологические проблемы типологии религии. Рецензия на кн.: И. Лукач. Пути богов. «Вопросы философии», 1979, № 10, стр. 142—144.

МЫСЛИ БЕЗ НИМБА

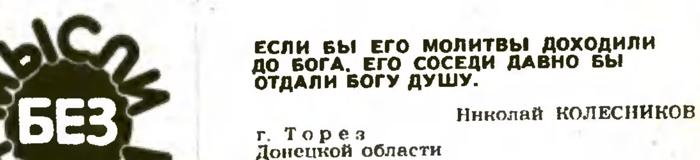
БЫЛ БЫ НИМБ, А ГОЛОВА ДЛЯ НЕГО НАЙДЕТСЯ.

НЕ ПОРА ЛИ ЗМЕЯ-ИСКУСИТЕЛЯ ЗАНЕСТИ В «КРАСНУЮ КНИГУ»?

Григорий ПОДОЛЬСКИЙ и Борис ШАПИРО.
г. Винница

ЕСЛИ БЫ ЕГО МОЛИТВЫ ДОХОДИЛИ ДО БОГА, ЕГО СОСЕДИ ДАВНО БЫ ОТДАЛИ БОГУ ДУШУ.

Николай КОЛЕСНИКОВ
г. Торез
Донецкой области

СЛЕПАЯ ВЕРА ГЛУХА К ГОЛОСУ РАССУДКА.

ПЕЧАТЬ СВЯТОСТИ ТОЖЕ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ПОДДЕЛЬНОЙ.

КАК ЧАСТО В БОРЬБЕ ЗА ЧИСТОТУ ВЕРЫ ПРИМЕНЯЛИСЬ ГРЯЗНЫЕ МЕТОДЫ.

ИНОГДА НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЕРТ, КАК ТОТ, КТО ЕГО МАЛЮЕТ.

ЕСЛИ ГОРА НЕ ИДЕТ К МАГОМЕТУ, ТО МАГОМЕТ ИДЕТ К ГОРЕ — УЗНАТЬ, В ЧЕМ ДЕЛО.

В ТИХОМ ОМУТЕ ХОТЬ ЧЕРТИ ВОДЯТСЯ.

Валерий ВОРОНЦОВ
г. Тольятти
Куйбышевской области

Сдано в набор 17. 01. 80.
Подписано к печати 27. 02. 80.
А 02330.
Формат издания 60×90⅛
Глубокая печать.

Условных печатных листов — 8.
Учетно-издательских листов 12,39.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 0456.

Адрес редакции:

109004. Москва, Ж-4
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Кабинет К. Э. Циолковского — уголок для опытов. Здесь установлен бюст ученого.

Созданная К. Э. Циолковским модель жироскопа — прибора для ориентации корабля в пространстве.

Прижизненные издания трудов ученого, подписанные космонавтами.

Фото Ю. Холопова.

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

33-13

ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ

Очерки, корреспонденции к 35-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

О ДЕЛАХ СЕМЕЙНЫХ

Продолжая разговор, начатый Ю. Рюриковым в статье «Браки совершаются на земле», наш автор Д. АКИВИС ведет речь о помощи, которую оказывает людям служба быта.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПРОПОВЕДНИК

Кандидат исторических наук В. РУМЯНЦЕВА в своем очерке рассказывает о крестьянском проповеднике XVII века и его последователях.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО БРАТЬЕВ ГРАНАТ

За что братьев Гранат обвинили в богохульстве, а суд возбудил уголовное преследование издателей известной русской энциклопедии? Об этом статья В. АЛЬТШУЛЕРА и В. ВОЛКОВА.

«ЧИСТЫЕ БРАТЬЯ»

Средневековому союзу «чистых братьев», его просветительской деятельности посвящает свое исследование кандидат философских наук А. САГАДЕЕВ.

КАРДИНАЛЫ ОБСУЖДАЮТ...

Пришел ли конец финансовому могуществу «святого престола»? Галилей «оправдан», но изменилось ли отношение папства к свободной мысли? — на эти вопросы дает ответ статья члена-корреспондента АН СССР И. ГРИГУЛЕВИЧА.

СОЮЗ КРЕСТА И МЕЧА

Об участии реакционного духовенства в военной истерии, охватившей ныне империалистические круги, пишет капитан первого ранга Т. БЕЛАЩЕНКО.